

ДМИТРИЙ СПАЙ

ХАЙ-ТЕК ГОСПОДЕНЬ

(НЕ КИБЕРПАНК, НЕ ПОСТ-АПОКАЛИПСИС, НЕ АНТИУТОПИЯ... И СОВСЕМ НЕ ПРО СУПЕРГЕРОЕВ)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Слай

**Хай-тек господень (Не
киберпанк, не пост-
апокалипсис, не антиутопия...
и совсем не про супергероев)**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Слай Д.

Хай-тек господень (Не киберпанк, не пост-апокалипсис, не антиутопия... и совсем не про супергероев) / Д. Слай — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Немного про ангелов, немного про демонов, про великих изобретателей, про искусственный интеллект и искусственный разум, про призраков, хулиганов и хулиганящих признаков, про педагогику, и совсем чуть-чуть даже не угадаете про кого. Содержит нецензурную брань.

Содержание

I	6
1.	6
2.	11
3.	14
4.	16
5.	18
6.	24
7.	31
8.	35
9.	42
10.	47
11.	50
12.	54
13.	58
14.	63
15.	72
II	77
1.	77
2.	82
3.	86
4.	88
5.	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

«Люди – как свечи. Либо горят, либо в жопу их».
Фаина Георгиевна Раневская

«С Богом я общаюсь без нытья,

И не причиняя беспокойства.

Глупо на устройство бытия

Жаловаться автору устройства».
Игорь Миронович Губерман

I

1.

Более всего генерал Хорнгот напоминал... да он вообще непонятно что напоминал. Неимоверного роста, лысый как колено, с каменными и одновременно невыразительными чертами лица, и глазами, более всего похожими на булыжники, подобранные в канаве и вставленные на всеобщее обозрения в качестве зеркала души. И, судя по этим самым зеркалам, души у генерала (как и всех ему подобных) не было вовсе. Да и зачем генералу душа? Может, была когда-то, а потом погонами раздавило. Зато в генерале было что-то от гротескного образа андроида из старых фильмов, построенного по мотивам истуканов острова Пасхи. Но система его пропустила, полномочия подтвердила, допуск у него был в исправности, а потому доктору ничего не оставалось, кроме как выслушивать безэмоциональное рокотание генеральского баса и терпеть обвиняющий взгляд устремленный куда-то в область над его, доктора, макушкой.

– Результат будет тот же, что и всегда, – утверждал генерал, очевидно, проглотивший древний ржавый патефон и теперь использующий его вместо голосовых связок.

– Ну и что? – защищался доктор. – Такова научная работа. Мы ищем, экспериментируем, собираем данные, анализируем.

– При таком количестве смертей? Есть в этом что-то нездоровое, вы не находите?

Он так и сказал – нездоровое?

– То же самое можно сказать и про политику, – ядовито заметил доктор (ну чтоб уж совсем не переадресовывать в военных).

– Сколько подопытных умерло во время прошлого эксперимента? – осведомился генерал, и от его взгляда у доктора появилось ощущение горчичника на лысине.

– Но позвольте... – попытался было оправдаться он.

– Я задал простой математический вопрос, – оборвал его генерал. – Сколько подопытных не выдержало эксперимента?

Доктор потупился. Подопытные погибли все до единого. То, что с трудом, но срабатывало на мышках, даже на обезьянах и обычных предварительных объектах, уничтожало людей, как банальный цианид. Стремительно и однозначно.

– На сегодня у вас назначен очередной эксперимент, – не спросил – констатировал генерал.

– Да, безусловно, – покорно вздохнул доктор.

– На какой процент выживания вы рассчитываете?

– Поймите, даже один выживший даст нам огромный объем информации.

– Один выживший? – как будто даже попытался удивиться генерал. – И сколько людей участвует в эксперименте?

– Сегодня – тринадцать.

– Чертова дюжина. А вы не суеверны, как я погляжу. Впрочем, о чем я – вы готовы убить двенадцать человек, чтобы посмотреть что случится с тринадцатым. Это интересно. Вам интересно, доктор?

Кажется, в этом вопросе не было ни капли обвинительных ноток – действительно, один только холодный интерес. Но, поскольку вопрос должен был по определению звучать как обвинение (да так он и прозвучал), доктор бросился гневно оправдываться:

– Но ваш департамент сам одобрил и финансирует мои исследования. Более того – вы и поставляете мне подопытных. И если вы собираетесь в чем-то меня обвинить...

– Я не обвиняю, – равнодушно возразил генерал. – Я всего лишь спросил.

Но доктор не мог так просто это вытерпеть.

– Да и что это за люди? – бурчал он. – Бомжи, наркоманы, приговоренные за тяжкие преступления...

Доктор запнулся, сообразив, что несет чушь и банальщину. Какую-то пошлую бредятину в духе дешевой фантастики для подростков.

Генерал, кажется, впервые посмотрел доктору в глаза, и от этого взгляда сделалось нехорошо. Нет, это не были два невыразительных булыжника – это было... Как глаза какого-нибудь древнего змея из сказки. Чудовища. Василиска с Ай-Кью суперкомпьютера. Откуда бы у генерала взялся такому взгляду?

– Сегодня могут погибнуть тринадцать человек, – спокойно заметил генерал. – Сколько погибло в прошлых экспериментах? Вам не кажется, что вас тоже можно... приговорить? Например, за нерациональный перерасход биоматериала?

Нет, это было уже слишком. Что эта горилла в форме, этот голем себе позволяет?

Но голем равнодушно отвернулся и, не дав даже искре докторского гнева разгореться, пророкотал:

– Нас интересует результат. А результата нет.

– И что же вы от меня теперь хотите? – желчно поинтересовался доктор. – Закрывать исследования? Отменить эксперимент? Это можно было сделать и по телефону, и по сети, и по другим каналам.

– Нет, – возразил генерал. – Мы хотим заменить некоторые образцы препарата.

На какое-то время доктор аж потерял дар речи, а потом выдохнул:

– За... заменить? Как? На что?

– Вот на это, – заявил генерал и продемонстрировал доктору небольшой металлический кейс для транспортировки образцов.

Странно, как это доктор не заметил кейс раньше? Ему казалось, что руки генерала были свободны, и тут вдруг... Но не из воздуха же он его достал.

– Что это? – спросил доктор.

Генерал открыл кейс и продемонстрировал его содержимое. В кейсе в гнездах находились пять инъекционных пистолетов заряженных странного вида капсулами в которых переливалось нечто гротескно-перламутровое, радостное и даже как будто... с блестками? Что за маразм? Или генеральская внучка на радостях капнула туда чего-то для красоты? Образец из комикса про фей? Химический набор для юных принцесс? Все это выглядело скорее как игрушка, чем как опасный препарат. Но при всем при том, доктор отметил, что каждый пистолет был снабжен насадкой самоуничтожения. Зачем? Чтобы после инъекции пистолет с капсулой расплавился, и никто не смог бы проанализировать содержимое? Или чтобы окружающих засыпало блестками, а генерал заорал своим жутким басом «Сюрприз!»? Что еще за новости? У него возникли нехорошие ассоциации про тяжелый танк, управляемый слетевшим с катушек эльфом.

– Вы введете этот состав пятерым испытуемым, – голосом не терпящим возражений объявил генерал. – Испытуемых выберу я сам.

– Но... что там внутри?

– Образец произведенный другим подразделением.

– А... разве есть другое подразделение?

– А что вас, собственно, удивляет? Или вы думали, что этим занимаетесь только вы?

Доктор не нашелся что ответить. В самом деле, почему нет? Он создал самовоспроизводящийся образец. Он разрабатывал систему адаптации, он вот уже который год пытался решить вопрос с отторжением. Но изрядную часть системы этих маленьких паршивцев разрабатывал не он. И как знать, может, испытуемых убивало не отторжение, а работа собственно образца?

Этих пронырливых универсальных нано-мерзавцев, которые, вместо того, чтобы улучшать природу, разрывали ее на части?

Впрочем, доктор был не настолько наивен, чтобы как-то рьяно протестовать. Да и что толку с такого протеста? В конце концов, это киношные исследователи могут позволить себе кусать руку, которая их кормит. В реальности... Можно получить сапогом под зад. А с учетом того чей это мог быть сапог... вполне можно было предположить, что пинок доберется до самых интимных внутренностей. А с учетом того, чей зад – доктор был категорически против. Да и кто еще мог предоставить ему такое финансирование, оборудование и жутковатую свободу действий? Правда, если задуматься, все эти дары вполне себе могли привести его в ад – в конце концов, генерал, может, и шутил насчет тяжкий преступлений (если этот монстр вообще способен шутить), но по сути-то он был прав. И единственное, что могло спасти доктора и ему подобных от суда и прочих последствий – только то, что такие вот генералы и иные шишки вполне себе могли оказаться с ним на одной скамье подсудимых. А им ничего подобного явно не хотелось. Наука требует жертв? Ой, оставьте, у нас кто только не требует жертв. И это кажется правильным, если только в жертву не приносят тебя. Ему вдруг вспомнилось имя, написанное в удостоверении генерала. Гавриил. Гавриил Хорнгот. Какое-то деревянное сочетание.

А сам генерал меж тем уже распахнул дверь, и направился по металлической лесенке вниз – туда, где располагались боксы и испытуемыми. Ступеньки как-то жестко и жизнерадостно звякали под его каблуками. Но доктора занимало другое. Интересно, как это генерал так ловко... без ключ-карты? Впрочем, может, у него и был какой-то универсальный ключ, соответствующий званию и статусу? Или там, чип в заднице, предоставляющий допуск куда угодно. Перед самым началом вмешаться в ход эксперимента – это надо иметь полномочия... В заднице.

Боксы были серые, стальные, громадные, неудобные. Каждый был снабжен окошком, забранным толстенным стеклом – нечто вроде иллюминатора. Генерал шел мимо боксов и заглядывал в эти окошки. Понять отношение к увиденному по выражению генеральского лица было совершенно невозможно. И все же, у доктора создалось невнятное впечатление, что генерал искал нечто определенное. Рядом с каждым боксом дежурило двое сотрудников, готовых по команде войти и начать процедуру.

– Этот, – сказал генерал, остановившись перед одним из боксов.

Сотрудники покосились на доктора. Тот покорно кивнул, и образец был заменен на чудовищно-радостный шприц из генеральского арсенала. Ассистент, принявший шприц, вытаращился с недоумением сперва на него, потом на доктора (который только и смог, что пожать плечами), потом снова на шприц. Кажется, ассистенту тоже очень хотелось принять все это... за шутку?

Генерал миновал еще несколько боксов, и выбрал очередную жертву. Процедура повторилась.

Около каждого из боксов, следуя за величественной поступью генерала с покорностью служебного пса, доктор заглядывал в иллюминатор, силясь разгадать по какому принципу выбирается новый подопытный. Не разгадывалось. За стеклом не было ничего особенного. В сущности, в боксах вообще не было ничего и никого особенного. Доктор об этом и говорил. Преступники, бездомные, отчаявшиеся наркоманы, готовые хоть тарантулов запустить себе в организм за очередную дозу. Парочка действительно приговоренных, подписавших согласие на эксперимент вместо казни... Как будто, вскройся вся эта кухня, подобные согласия помогли бы хоть кому-то избежать ответственности.

Но вот, наконец, у генерала остался всего один шприц, и он выбрал последнюю жертву. Он как-то странно долго смотрел в иллюминатор, очень долго, а затем просто молча протянул шприц ассистенту. Доктор заглянул в бокс, и, надо сказать, даже растерялся. Хотя, соб-

ственно, после обработки, обритые наголо, с одинаковыми микрошрамами на виске от вживления контроллеров, все подопытные казались на одно лицо. Но этот – пожилой, весь какой-то помятый... Кем он был? Доктор не помнил, да и не интересовался. Странность заключалась в том, что у подопытного не было ног. Судя по отсутствующим коленям и культям – давняя ампутация. Ну да, конечно, исходное качество материала на этом этапе эксперимента не имело особенного значения. На таком уровне и олимпийский чемпион и последний спившийся бомж представлялись бы одинаковой биохимической системой. Но с чего бы вдруг генерал стал выбирать столь порченный товар? Или сам не верил в исключительность собственного радужного препарата с блестками? Впрочем, его дело.

Доктор кивнул ассистентам, и стандартный лабораторный шприц был заменен на генеральский образец. Кому какая разница?

– Ну, вот и все, доктор, – пророкотал генерал, и решительно направился к выходу.

– Позвольте, – растерялся доктор. – А как же протоколы образцов? Таблицы? Реакции? С чем мы имеем дело? Какие параметры...

Генерал на секунду остановился – замер, словно и впрямь зависший андроид, а потом пробасил:

– Ах, все это пустяки. Технически вы готовитесь к войне, это понятно, само собой. Но что если не будет войны, а будет что-то совершенно иное? И окажутся бесполезны всякие там суперсолдаты и прочий хлам. А понадобится, например, нестандартно мыслящий хулиган, способный нахамить самому черту. Или нахальный неумный талант, который сумеет посмотреть с другой стороны, и увидит... И помните, доктор – бог, наверное, и впрямь хранит кого-то, но делает это очень по-своему.

– Что? – поинтересовался доктор, который ни черта не понял из генеральской ахинеи.

– Мне вам не объяснить. Впрочем, всю необходимую информацию вы сможете получить по стандартным каналам. Всего наилучшего.

И он удалился. Так же как и пришел. Без предупреждений, пояснений, не оставляя никому права сомневаться в его власти и полномочиях. В общем, после его ухода всем сразу полегчало.

Доктор еще какое-то время задумчиво смотрел ему вслед. Все-таки, этот тип был странным даже для генерала. Впрочем...

Поднявшись в рабочее помещение и сделав стандартные отметки о начале очередного этапа эксперимента с вмешательством жутковатого генерала, доктор решил все-таки связаться с головным офисом.

Оттарабанив стандартные показатели и отослав данные по сети, он заметил, что неплохо бы все-таки получить вводные о препарате, который приволок киборгообразный генерал, а также узнать что вообще конкретно он там приволок и почему все осуществлялось в такой форме.

В офисе сперва воцарилась гробовая тишина, а затем оттуда осторожно поинтересовались о каком именно генерале и каких образцах идет речь. Доктор объяснил. Тогда в офисе еще более осторожно осведомились все ли у него, доктора, в порядке с головой. Потому что никакого такого генерала никто не знал, никаких образцов не отправляли и отправлять не могли, поскольку никаких других образцов нет и команда доктора работает в автономном режиме. Если он не знал.

На это растерявшийся доктор сообщил, что у генерала были все полномочия, документы, идентификация в системе и прочее. Иначе как бы он вообще проник в лабораторию?

В офисе тревожно осведомились не было ли у них там (то есть, тут) утечки какого-нибудь газа, или еще чего, вызывающего галлюцинации. Ибо не было никакого генерала, и дублирующая система безопасности в офисе не засекала никаких посторонних, равно как на видеозаписи не было никого о ком говорил доктор.

Строго говоря, это была чрезвычайная ситуация, и офис обещал все еще раз перепроверить и выслать спецagenta для расследования всего этого бреда.

– Но он же был, – просипел доктор, и спросил у ассистента. – Ты же его видел?

– Видел, – тихо пробормотал ассистент. – Жуткий тип. И фамилия у него какая-то странная. Дурацкая... Или сочетание дурацкое?

– Дурацкое сочетание... – задумчиво повторил доктор.

Перед глазами стояли блески... И розовый единорог на месте председателя трибунала.

И в этот момент доктору вдруг подумалось... Бред, конечно, но теперь, спустя время, ему начинало казаться, что на протяжении всего странного общения этот таинственный генерал так басил и грохотал, так странно говорил, потому что... Его душил смех? Он пытался не заржать? Показалось, само собой.

2.

Проверяющий из департамента прибыл менее чем через сутки. Это был явно один из тех отравленных секретностью чиновников, который априори подозревал в предательстве всех и каждого, а в нагадившей ему на колесо машины дворняге видел однозначный заговор враждебных сил. У таких на лбу всегда было написано: «Необходимо, чтобы все было по правилам. А значит, не было вовсе».

Этот тип с порога принялся задавать вопросы, подозрительно таращиться в глаза, всем своим видом показывая, что не доверяет ответам, с мрачной физиономией изучать записи с камер, расплавившиеся в мутные пластиковые комки шприцы с загадочным образцом загадочного генерала. Забавно, ни блесок, ни перламутрового сияния в образцах не сохранилось ни грамма.

Затем проверяющий затеял допрашивать каждого сотрудника лаборатории в отдельности, дабы выявить, очевидно, имеет он дело с их заговором и изменой, либо с массовой галлюцинацией, навеянной опять-таки изменой и заговором.

Однако, все это вскоре перестало иметь значение, потому что испытуемые со стандартным препаратом начали благополучно умирать (что, собственно, и ожидалось), а вот те, кому вкололи то что приволок таинственный генерал...

Они начали орать.

Они вопили как резаные, выли, они выдирали капельницы, катались по полу и бились головами о стены.

Когда это началось, доктор, вырванный ассистентом из восхитительного общения с проверяющим, прибежал в лабораторию и посмотрел на экран, демонстрирующий внутренности одного из боксов.

– Что это? – испуганно проблеял ассистент. – Они сходят с ума?

Доктор долго глядел на бьющееся на полу бокса и страшно вопящее безликое тело, а потом медленно пробормотал:

– Может быть. Но даже если и так, они сходят с ума от боли.

Маячивший поганой тенью за спиной проверяющий тоже посмотрел на экран и выдал:

– Вам придется отвечать на многие вопросы, доктор.

– Да, – согласился тот. – В том числе и самому себе. Осталось только узнать хотя бы один ответ.

И тут, повинувшись невнятному импульсу, он нажал кнопку и вывел на экран изображение из последнего бокса – того самого, где находился безногий.

Как ни странно, безногий лежал на койке совершенно неподвижно. Он не метался, не пытался вырвать стягивающие ремни и капельницу, ничего.

– Он умер? – осведомился проверяющий.

Доктор посмотрел на показатели монитора.

– Нет, живой.

– Тогда почему он не двигается? – удивился проверяющий. – Остальные вон как...

Доктор долго смотрел на монитор жизнедеятельности, потом снова на экран, показывающий происходящее в боксе, и, наконец, сказал:

– Потому что ему больнее, чем другим. Это та стадия боли, в которой... Черт, мне даже страшно представить себе что это за стадия. Введите им обезболивающее, – приказал он ассистенту.

– Уже, – отрапортовал ассистент. – Всем ввели максимальную дозу. Судя по показателям, обезболивающее на них просто не действует. Никак. Повышение дозы может оказаться летальным.

– Тогда вводим их в медикаментозную кому, – решительно приказал доктор. – Подготовьте препараты.

Однако, медикаментозная кома не состоялась. Все испытуемые скончались еще до того как медики успели подготовить процедуру. Все. Кроме безногого. Ему ввели препарат, но... Он явно не подействовал.

Безногий все так же лежал на кровати, в позе напряженной, вытянутой, словно готовясь изогнуться дугой и не имея сил на такое действие.

Но доктор не был бы тем самым доктором, если бы не умел интуитивно, на уровне рефлексов, вычленять главное в любой критической ситуации. Среди всей этой дурной фантастасмагории – от прибытия загадочного фальшивого генерала с загадочными жуткими образами до последствия сего происшествия – он четко для себя сформулировал приоритеты. Вернее, не сформулировал даже, а отреагировал как кошка реагирует на посторонний шум, а жаба на движение.

– Образцы! – заорал он на подчиненных. – Быстро!

– Но... они самоуничтожились, – проблеял один из ассистентов. – Шприцы же были...

– Черт, я знаю! – рявкнул доктор. – Образцы крови, тканей, спинного мозга, всего. Взять образцы у всех. Я хочу знать, что именно он приволок.

И образцы бы, разумеется, взяли, но в этот момент...

– Что это? Пожар? – мрачно поинтересовался все еще путающийся под ногами проверяющий.

И в самом деле, вокруг зазвенело, заверещало, замигало красным.

Дымом, вроде, не пахло. Да и не могло пахнуть – в лаборатории где даже сортиры были герметичны. Поэтому доктор сверился с показаниями мониторов и как-то совершенно не удивился, обнаружив, что, согласно датчикам, горит в тех самых боксах, где только что умерли отравленные генеральским зельем подопытные. О том, что в других боксах умерли подопытные, отравленные его собственным зельем, доктор как-то даже не задумался.

Он нажал на клавишу и уставился на экран, ярко и красочно демонстрировавший то, что творилось в одном из боксов.

Тело горело. Горело, правда, только тело, все остальное, присутствовавшее в боксе, не занялось и даже не закоптилось. Яростно стуча по клавишам, доктор мог удостовериться, что во всех остальных четырех боксах происходит в точности то же самое.

Врубилась система пожаротушения и принялась поливать содержимое боксов огнеборческой жижой из сопел под потолком. Буквально через минуту все было кончено. Дым, пар, последствия огня и борьбы с ним медленно оседали перед глазами изумленных исследователей.

В лаборатории повисла нелепая тишина.

– А... а где тела? – поинтересовался, наконец, один из ассистентов.

И в самом деле, тел не было. Ни в одном боксе. Только на полу в каждом остался размытый силуэт, смутно напоминающий то ли человеческое тело, то ли что еще.

– Снежный ангел, – пробормотал доктор.

– Что? – с какой-то прямо дрожью в голосе спросил проверяющий.

Доктор искоса посмотрел на него. Надо же, оказывается даже у такой бюрократической крысы могут проскакивать какие-то эмоции.

– Снежный ангел, – повторил доктор. – Был такой старый фильм. «Пророчество¹». Там архангел Гавриил в морге сжег труп погибшего ангела. Выглядело очень похоже.

– И что?

– Ничего. Просто вспомнилось. Надо брать образцы у безногого. Пока и он...

¹ «Пророчество» – мистический триллер (1995 г.) Автор сценария и режиссер Грегори Вайден.

Ассистенты дружной гурьбой бросились к выходу из лаборатории и далее к последнему боксу.

Доктору, как начальнику всей этой вакханалии, вроде бы не полагалось бегать и суетиться, но даже он ускорил шаг, стремясь успеть... Что? Полюбопытствовать? Ухватить за хвост ускользающую загадку?

Когда он (а следом, само собой, и проверяющий) вошли в бокс, там, как ни странно, все было вполне себе мирно и почти благополучно. То есть, короткое (безногое) тело испытуемого продолжало выгибаться в противоестественном напряжении, не дрожать даже, а прямо-таки вибрировать, но в остальном... Никто и не думал самовозгораться и падать на пол в позу распластанного ангела.

– Капельница выпала, – констатировал ассистент, ухватился за катетер, заменил иглу и попытался вогнать ее обратно в вену.

Он возился долго, даже, как будто, пыхтел.

– Ну, что ты там возишься? – возмутился доктор.

– Не могу, – объяснил ассистент.

– Чего не можешь? – фыркнул другой ассистент. – Попасть в вену?

– Проткнуть кожу. Она как из... я не знаю даже чего.

В общем, в итоге, вместо хоть каких-то ответов, возникла еще одна загадка. Кожу испытуемого не брали иглы, и даже скальпель, который в отчаянии попытался применить один из ассистентов, просто скользнул по коже, не оставив на ней ни царапины.

– Чертовщина какая-то, – заявил проверяющий, и доктору вдруг нестерпимо захотелось дать ему в морду. Или даже накормить одним из генеральских образцов.

– Мы возьмем образцы слизистых, мазки, и сделаем МРТ... – проявил инициативу ассистент.

– Делайте, – вздохнул доктор, и направился к выходу. – Только ни черта вы там не найдете.

– Почему вы так уверены? – спросил проверяющий.

– Потому что...

Уже в дверях доктор остановился и посмотрел на испытуемого. Ну, вот тебе и первый выживший в результате эксперимента, разве нет?

– Потому что все это как-то... неспроста, – это было единственное, что он смог из себя выдавить. А потом снова посмотрел на безногого, и пробормотал: – Господи, как же ему больно. Если появится возможность его вырубить – сделайте.

Но он точно знал, что такой возможности не будет.

3.

Боль была Абсолютом. Она была белая, твердая, совершенная... Как мраморный член Давида, засунутый в душу. Как холодное пламя, как... Как все. Да, точно – она была всем. И все было ей.

Раньше он думал, что многое знает про боль. Что ж, человек только и делает, что ошибается. Всякий раз что-то поняв, с чем-то столкнувшись, что-то пережив, человек считает, что он стал умнее, искушеннее, что-то понял... И так до следующего раза. И до следующего. И опять. Независимо ни от чего – ни от опыта, ни от ума, ни от тупости. Ни от чего.

Иногда, правда, боль делала какое-то как будто... не движение, не облегчение, не переводила дух, а словно... Словно перекладывала его тело и его разум в другое положение, перехватывала поудобнее. Чтобы сподручнее было мучить. И в такие моменты появлялись галлюцинации. Он видел что-то странное. Каких-то непонятных типов в мрачных черных длиннополых френчах, но почему-то, с крыльями. Вернее, не с крыльями даже, а... Не описать. Или других таких же, но с каким-то непонятным то ли оружием, то ли просто окунувших руки с горючую жидкость и опаляющих все вокруг безо всякого вреда для самих себя. Это напоминало катсены из компьютерных игр, но какие-то невнятные, и, в то же время, пугающе отчетливые и реальные. Как в бреду, в горячке. Но ведь он там и находился – разве нет?

Время от времени возникало лицо некоего немолодого типа. Благородное лицо, умное, даже мудрое, с глазами, светящимися осознанием своей власти и самооценности. Лицо, вроде бы, смутно знакомое, но он готов был поклясться, что никогда его не видел. Почему-то очень хотелось увидеть его другим – молодым, озорным, с яркими глазами. Этот тип явно был гением, но почему – сказать было трудно.

Иногда возникала некая таинственная фигура... Человека? В этом он не был уверен. Среднего роста, стройный, может, даже тощий. Одетый, вроде бы, обычно, но как-то... Почти как бродяга. Во всем черном, сливающимся с темнотой в которой всегда возникала эта фигура. Из одежды можно было бы отметить только длинную куртку с капюшоном. И не потому что она чем-то выделялась, а потому что капюшон всегда был поднят, а под ним... не было лица. То есть, совсем ничего не было. Пустота. Как будто одежда висела в воздухе. Человек-невидимка? Нет, это была не пустота под капюшоном – чернота. Совершенная тьма. Был этот тип явно очень сильным, быстрым, опасным... Откуда обо всем этом можно было знать? Да ниоткуда.

Еще там было лицо мальчишки. Симпатичного такого мальчугана, лет двенадцати, наверное. Он смотрел на него громадными карими глазами, и то ли обвинял в чем-то, то ли ждал ответа на очень важный вопрос. Странно. Откуда-то было известно, что мальчишка сильно хромает и здорово играет на гитаре. Оставалось надеяться, что хромота временная, а гитара останется навсегда. На что надеяться? Что за бред? Кому надеяться?

Был еще некий патрицианского и хищного вида тип в костюме без галстука с лицом жестким и породистым на котором неприятно смотрелись глаза разного цвета. Причем очень даже разного. И оба – совершенно нечеловеческого. Кажется, он тоже хромал? Или просто чем-то походил на мальчишку? Или мальчишка на него? Или показалось?

Но чаще всего появлялось лицо совсем юной девушки – почти девчонки. Невероятно красивой, чертовски умной, замечательной... Незнакомой. Точно знакомой? Кем она была? Нарисованный давним гормональным бумом образ первой любви? Нет. Точно нет. Она была... как будто не просто заполняла этот мир – ту его крошечную часть, которая еще оставалась свободной от боли – она и была этим миром. Но она же была и болью. Яркий, ослепляющий, полный веселья, любопытства и какой-то то ли мудрости, то ли понимания взгляд фантастических изумрудных глаз проникал в самое нутро... И причинял еще большую боль.

Бред. Галлюцинации. Это разные вещи.

Господи, он бы все отдал, чтобы умереть сейчас. Собственно, он должен был умереть давным-давно. И как же он оказался тут? За что?

Глупый вопрос. Кирпич падает нам на голову не по божьей воле – он просто падает. Богу – даже если он и существует в некой загадочной интерпретации мироустройства – больше заняться нечем, кроме как ронять на нас кирпичи.

Вселенная возникла в результате Большого взрыва. Это случайность. Осталось только понять что случайно взорвалось и кто это так накосячил со взрывчаткой.

Во! Пошла какая-то псевдосложная философия. Неужели боль отпустила?

Но она тут же набросилась с новой силой, и принялась направлять потоки огня и жидкого азота в каждую клеточку его многострадального тела.

А особенно в ноги. В его многострадальные ноги, которых давно уже не было.

Боль. Он помнил боль. И душевную, и физическую. И молодецкую от травм, баталий и просто буйного времяпрепровождения. И более зрелую – как последствия тех самых молодецких травм и начало старения организма. И позднюю, дикую, которую заливали морфием и прочими медикаментами на грани эвтаназии. Помнил душевную боль. Разочарования в самом себе, предательства, ощущение проигранной жизни... Мамочка ты моя, какая пошлая банальщина.

Но это... Можно было назвать эту боль очищающей, если только после нее останется хоть что-то, что стоило очищать. А то получается чистка до полного истирания самого объекта чистки. Аннигиляция. Как в том детском анекдоте про кота, в воспитательных целях принужденного вытирать задницу наждачной бумагой – до батареи одни уши доехали.

Он должен был бы умереть от болевого шока. Но почему-то не умер. Он должен был бы как минимум сойти с ума. Не сошел. Он был в этом уверен. Глупая уверенность. Ему хотелось умереть, сойти с ума. Но что-то – то самое, что вызывало эту боль, держало его, не позволяло улизнуть. Наказание? Нет, скорее плата за что-то предстоящее. Что именно?

Нечто внутри его, привнесенное откуда-то снаружи, созданное чем-то или кем-то жутковато могущественным, держало его мертвой хваткой и мучило, мучило, терзало...

Хотя бы потерять сознание, отрубиться... Черт, почему они его не введут в кому, если не могут обезболить? Почему не убьют, в конце концов? Удовлетворяют свое садистское любопытство?

Но даже в таком состоянии, в котором не было ничего, кроме боли, он понимал, что все не так просто. Что-то происходило. И, кажется, не только с ним.

4.

– Вы так и не смогли взять образец? – ядовито поинтересовался доктор.

– Нет, босс. Иглой его кожу не проткнешь. Скальпелем...

– Используйте пилу. Черт, алмазное сверло. Что угодно.

Доктор был скорее в растерянности, чем в бешенстве. Один единственный подопытный не давал практически ничего. Никто не мог понять что произошло и почему. Этот таинственный генерал с идиотски-символичным именем и дурацкой смесью из магазина игрушек в шприцах дорого ему обходился. И главное – совершенно непонятно как поступить. Проклятье, да просто взять кровь для исследований невозможно. Остальные подопытные каким-то диким способом самоуничтожились, оставив после себя только кучку мелкодисперсного пепла. Интересно, каким таким немыслимым образом человеческое тело способно самовозгореться, да еще сгореть до такого состояния, что даже костей не осталось? Для этого нужна такая температура, что в боксах стены бы плавилась. А единственный выживший вдруг сделался броноированным, и ничем теперь его не проткнешь. Одна крошечная радость – контроллер в мозгу пока еще работал. Но показатели, которые он выдавал, либо дублировались на простом мониторе, либо были очевидны. Да и контролировать ему было, собственно, нечего.

В итоге, доктор не выдержал, вскочил и самолично направился в бокс. По дороге, правда, он заскочил в ординаторскую и прихватил хирургическую дрель с самым твердым сверлом, пилу, и еще прочие инструменты для приведения человеческого организма в состояние инвалидности.

Уже в боксе, облаченный в изолирующий костюм, доктор задумчиво склонился над испытуемым. Тот пребывал все в том же положении. Полуприкрытые веки за которыми бешено металась глазные яблоки, напряженное до состояния судороги тело... Доктор мог бы, наверное, даже посочувствовать ему, если бы... Ну, во-первых, работа у него была такая – не подразумевающая умения сочувствовать. А во-вторых, во всем происходящем было какое-то ощущение... чужеродности, что ли.

Потому, не долго сомневаясь, доктор ухватил испытуемого за руку и занес над предплечьем сверло, намереваясь хотя бы таким способом получить хоть что-то, хоть каплю крови на предметное стекло, хоть осколок кости, хоть...

Рука испытуемого резко дернулась, порвав толстенный удерживающий ремень, будто бы его и не существовало, и ушла из под сверла. Доктор поймал руку и попытался прижать ее к кровати. С тем же успехом он мог бы попытаться поставить подножку бегущему слону. Дрель полетела в один угол бокса, доктор – в другую.

– Держите его, – приказал он двум ассистентам.

Те бросились исполнять приказ, а сам доктор с трудом поднявшись на ноги, подобрал дрель, и снова двинулся к испытуемому.

Как выяснилось, двоим ассистентам точно так же оказалось не по силам удержать всего-навсего одну руку привязанного к койке и практически задыхающегося от боли инвалида. Их мотало из стороны в сторону, как охотников на анаконду на канале «Живая планета».

– Да что ж вы... – начал было доктор, но потом вдруг увидел нечто и приказал: – Отпустите его.

Ассистенты, кажется, были искренни рады такому приказу. Они послушно разжали неумелую хватку и отскочили в сторону. Рука испытуемого тут же перестала отбиваться и бесильно повисла вдоль кровати.

– Он что же, защищался? – растерянно предположил один из ассистентов. – В таком состоянии?

– Помолчи, – велел ему доктор.

Он осторожно обошел кровать, и резким движением сорвал с неподвижного тела простыню. На это тело возражать не стало.

– А-а... Мне кажется, или он помолодел? – пробормотал один из ассистентов.

Волосы на голове подопытного, как и всех прочих кандидатов, были выбриты. В совершенно утилитарных целях – для операции по вживлению контроллера. Правда, теперь, спустя неделю, на голове и щеках стала отчетливо проступать бодрая щетина. И щетина эта явно была темной и ровно одноцветной, хотя все помнили, что при поступлении спутанная шевелюра была практически совсем седой. Но брить лобковые волосы испытуемым никто не собирался. И вот там волосы были темные – ни одного седого. Да и само тело стало каким-то более... подтянутым, что ли.

– Вы это увидели? – спросил ассистент. – Под простыней?

– Нет, не это, – неожиданно осипшим голосом пробормотал доктор. – Ничего больше не видишь?

Ассистент посмотрел на подопытного, потом снова на доктора.

– Мне нужна его медкарта, – резко потребовал доктор. – Срочно. Все показатели на монитор. Эй, вы там, – проорал он в пространство, обращаясь к тем, кто остался в лаборатории, – выведите мне его антропометрию при поступлении, быстро.

Антропометрические данные появились на экране. Рост, вес, телосложение, ширина плеч, размах рук и прочее... Доктор яростно возил пальцем по таблице.

– Вот, – сказал он, тыча пальцем в одну из граф. – Длина культи. Измеряй, – потребовал он у ассистента.

Ассистент послушно схватился за линейку и приложил ее к кровати рядом с обрубленными ногами подопытного.

– Ну? – поторопил его доктор.

– Длиннее, – выдохнул ассистент. – Пять сантиметров. Культия не может так расти...

– Культия? – усмехнулся доктор, и принялся ощупывать нижние части конечностей. – На вот, пощупай, – потребовал он.

Ассистент покорно пощупал, хотя у него на физиономии было написано, что делать это ему ой как не хочется. Однако, вскоре его рука, бывшая, все-таки, в некой извращенной реальности, рукой врача, сама начала с любопытством ощупывать недоконечность.

– Что это? – ошалело спросил он.

– Это? Это колени. По крайней мере, часть.

– Ка... какая часть?

– Верхняя, чтоб их все на свете.

– Но...

– У него регенерируют ноги, – жутким голосом констатировал доктор. – И по-моему, это будет почище потемневших лобковых волос. Господи, да что же за дрянь нам подсунил этот генерал?

5.

Алану не спалось. То есть, для него это было нормально. Он вообще всегда был совой, а уж когда находилась интересная проблема, загадка, какая-нибудь идея вдруг начинала мигать в голове... Увлеченным людям частенько жалко тратить время на сон.

Алиса вот ничем таким не страдала, хотя, в общем, тоже была весьма увлекающейся натурой. Одна из причин почему он на ней женился. Когда-то... Когда он еще был не Аланом Реем, а всего-навсего обычным студентом, который просто несколько нестандартно смотрел на окружающий мир и на самого себя. Почему? Как всегда – пятьдесят на пятьдесят. Отчасти оттого, что таким уж он уродился, а отчасти... его научили. Кто научил?

Алан рывком сел на кровати. Все, вот теперь точно не заснуть. А усыплять себя какими-нибудь там старческими таблетками не хотелось. Да и не было у него в аптечке ничего такого. Без нужды. Самое мощное – ибупрофен. Он поцеловал мирно сопящую Алису в плечо, натянул пижамные штаны, футболку и вышел из спальни.

Когда-то давно ему казалось, что у богатого человека должен быть огромный дом, сотня комнат, тридцать спален, с десятков ванн (для особо извасюкавшихся) и столько же туалетов – на случай повального поноса у неожиданно нагрянувших гостей. Ну, то есть, ему-то так не казалось – просто было такое представление. И когда-то он впрямь купил такой дом, но очень быстро выяснилось... Что когда у тебя такой дом, он уже как будто не твой. И ты вместе с женой выбираешь всего несколько комнат, а в другие даже и не заходишь, предоставляя возможность избыточно раздутому штату прислуги выполнять бессмысленную работу, вытирая непонятно откуда возникающую пыль с никому не нужной мебели. Зато рабочие места, чтоб их.

И вот теперь они жили в очень уютном небольшом коттедже. Правда, коттедж этот стоял на огромной огороженной и охраняемой территории, поскольку достаточно быстро выяснилось (да и раньше было известно), что если у тебя избыточно много денег и власти, обязательно найдется куча тупых настырных баранов, требующих, чтобы ты вот именно с ними поделился, что-то там спонсировал, кому-то там помог... И они, если позволить им прорваться, да еще начать их слушать, станут, ошалев от воодушевления, убеждать тебя, что вот только им известно, кому больше всех требуется такая помощь. Равно как отыщется несколько сумасшедших, которые решат, что ты самым своим существованием и работой нарушаешь какой-то там план господень, а потому надо тебя убить во славу его, дабы богомерзкие твои изобретения не мешали смиренным овцам сливаться в экстазе с создателем... И самой смиренными овцами и главными распорядителями мироздания такие маньяки, естественно, считали самих себя.

Как ни странно, к этому Алан был готов. Он вообще оказался неожиданно спокойно и уверенно готов к нынешнему своему статусу. Каким образом? Ответ все тот же – его научили. Кто научил?..

И чего это его вдруг понесло посреди ночи в эту область мучительной ностальгии? Это было детство, юность, они прошли... Так зачем теперь вспоминать? Ибо вот как раз этому его не учили. Наоборот. Не несущие в себе внятной информации воспоминания – глупость и мастурбация мазохиста. Зачем? А с другой стороны, разве кому-то удавалось сходу понять какая информация в воспоминаниях внятная, а какая – не очень? Чем же тогда психологи на жизнь зарабатывают?

Алан направился в свой кабинет, который тоже непонятно для чего был нужен. В конце концов, в эпоху высоких технологий (большую часть из которых создавал либо он сам, либо его команда), работать можно было из любой точки дома, города, страны, планеты... Но Алиса почему-то считала, что у солидного человека обязательно должен быть кабинет. И она его ему сделала. Видимо, считала его солидным человеком. Вот умора. А он не хотел ее огорчать и периодически делал вид, что там работает. Забавная это штука – семейная жизнь.

Считал ли он сам себя солидным? Черт его не знает. Скорее нет, чем да. Везучим – пожалуй. Но главное свое везение он видел не в том что он делал сейчас, а в том человеке с которым свела его судьба много лет назад, и который научил его... Чему? Да попросту трезво смотреть на вещи? Принципам по которым вертится этот мир? Как мыслить? Но признаться честно, ведь он Алана ничему такому и не учил. Ну, то есть, в смысле нормальной учебы. А вот во что все вылилось. И спустя годы вдруг получилось так, что при таком подходе можно стать... Аланом Рэем?

Как бы то ни было, теперь даже кабинет оказался вполне себе функциональным местом. По одной фундаментальной причине. Сначала это было единственное место их встреч с Альфой. Потом такая постановка вопроса потеряла смысл, но... Привычка осталась.

У Алана не было детей. Пока. Или все-таки были? Пусть не в обычном смысле этого слова, но все-таки.

Он опустил руку в кресло, провел рукой над стеклянной поверхностью стола. Поверхность – до этого черная и блестящая – ожила, осветила пространство вокруг себя.

– Привет, Альфа, – сказал Алан.

– Доброй ночи, босс, – ответил приятный женский голос.

Поначалу Алан хотел дать Альфе голос жены, но потом решил, что это будет совершенно идиотский поступок. Хотя, любовь ведь частенько заставляет нас совершать именно такие. Потом, на первых порах, он решил, что Альфе лучше говорить голосом известной актрисы. Но ему не понравилось. В итоге, в качестве эксперимента, он предложил, чтобы она сама выбрала для себя голос. И она, как ни странно, его выбрала. Вернее, синтезировала. И это был первый серьезный прорыв, на его взгляд.

– Как у нас дела? – спросил Алан.

– Идет сбор данных, интеграция к узловым точкам, расширение баз. Пришлось прописать дополнительные алгоритмы. Желаете взглянуть?

– Позже, – отмахнулся Алан. А потом подумал, что такая вот небрежность – первый шаг к поражению. Кто ему это говорил? – Ладно, давай посмотрю.

Впрочем, как и ожидалось, смотреть было не на что. Альфа давно уже научилась сама себя надстраивать, расширять свои возможности, писать новые алгоритмы и изменять все старые (кроме тех, которые сам Алан обозначил как неприкасаемые). Вряд ли человеческому мозгу было под силу все это досконально проверить. Поначалу Алан создал вспомогательную систему для проверки такой вот самостоятельности Альфы. Потом он просто встроил эту систему в саму Альфу и теперь она сама себя проверяла. А потом даже расширила параметры проверок. Умная девочка... Или все-таки им с Алисой стоит задуматься о собственных детях?

– Что по нашим визитерам? – поинтересовался Алан.

– Еще три появления, – сообщила Альфа. – В Сети их уже стали называть Ангелами и Демонами соответственно.

– Те что пышут огнем, разумеется, демоны, – усмехнулся Алан. – А высокомерные ублюдки с крылышками... ну, само собой. Что-то конкретное есть?

– Нет, босс, – призналась Альфа. – Кроме того, что, согласно математической модели, это очень опасное явление.

– Ну, это очевидно, – вздохнул Алан. – Сколько до первого кризиса?

– Полагаю, это будет непростой кризис, – заметила Альфа. – Полагаю, структура мировой экономики затрещит по швам.

– Вопрос в том что с этим делать.

– Идентифицировать визитеров не представляется возможным. Способность демонов к пирокинезу и практическая неуязвимость не поддаются анализу. Ангелы же окружены неким подобием силового поля.

– Это оно напоминает крылышки? – уточнил Алан.

– Совершенно верно, – подтвердила Альфа. – Структуру поля идентифицировать не удалось.

– Но они точно не люди?

– Неизвестно. Это некая технология. Точнее – две технологии. Различные. И они намного превосходят все наши современные возможности.

– Только не говори, что они какие-нибудь инопланетяне, – взмолился Алан Рэй.

– Маловероятно, – равнодушно ответила Альфа. – Выглядят они как люди. И потом, если бы я просчитывала алгоритм высадки инопланетян, я бы рекомендовала им высадиться намного раньше.

– Да, чем выше наши технологии и оружие – тем труднее с нами дружить? – усмехнулся Алан.

– Совершенно верно.

– Есть какая-то система в их появлениях?

– Не вычисляется. Все абсолютно хаотично.

– Что военные?

– По прежнему только один контакт. Военные не успевают. Результаты контакта вам известны.

Да, результаты контакта были ему известны. Два спецподразделения упакованные в броню его Корпорации, бронемшины снабженные технологиями его Корпорации, дроны его Корпорации... Всего-навсего один ангел уничтожил все это одним взглядом и парой небрежных движений.

– Знаешь, Альфа, мне не нравится, что их так называют – ангелы, демоны... Какая-то дешевка, суеверия. Предлагаю их переименовать. Ты не против? Можем пустить в сеть?

Альфа почему-то не ответила.

– Альфа? – удивился Алан.

– И как же вы хотите их назвать? – спросил вдруг незнакомый голос.

Алан подскочил на месте как ошпаренный, и принялся дико озираясь по сторонам. В кабинете было темно, и сперва он никого не увидел. Но потом... Неясная фигура где-то в самом темном углу. Какого черта?

– Альфа, что с системой безопасности? – спросил Алан.

– Не тревожьте вашу воспитанницу, Мастер Рэй, – попросила таинственная фигура. – Пусть передохнет. Поверьте, вам ничего не угрожает.

– Что? – каким-то неуверенным голосом спросил Алан.

Когда-то давно в детстве тот, кто многому его научил, обучал его и подобным вещам. Насилие. Насилие – это данность существования, закон природы. Оно появилось когда одна клетка поглотила другую клетку. Поэтому его нужно понимать как закон природы, брать в расчет как гравитацию, или электромагнетизм. И он тогда учил мальчика Алана рукопашному бою, обращению с оружием... Правда, сейчас все это представлялось каким-то глупым и неуместным. Бросаться на незваного гостя с кулаками, или выхватывать из ящика стола пистолет не хотелось. Почему-то.

А потом таинственный визитер вышел на свет, и Алан понял, что ему этого не просто не хочется – сильно не хочется.

Незнакомец был вполне себе высокого роста, стройный, можно даже сказать тощий. В дорогом черном костюме, при черной же сорочке, но без галстука. Правая рука незнакомца жила в кармане брюк, а в левой он сжимал изящную трость, на которую изрядно опирался. Выражение его костистого хищного лица было вполне себе дружелюбным, хотя и чуть-чуть насмешливым. Но главным на этом лице были глаза. Громадные, яркие и... разные... Правый глаз был ярко-серо-голубым с какими-то как будто мраморными прожилками на радужке.

Левый – насыщенно желто-оранжевый, словно кусок янтаря. Выглядело это так, словно кто-то взял кота и сиамского кота и с силой ударил их голову в голову. Жуть.

– Я вас испугал, прошу прощения, – сказал незнакомец.

Голос у него тоже был под стать. Негромкий, но очень какой-то... насыщенный и как будто многозвучный. Очень убедительный тембр, надо признаться.

– А вы, собственно, кто такой? – осведомился Алан.

– Позвольте присесть? – поинтересовался незнакомец.

Алан пожал плечами и кивнул в сторону одного из кресел. Незнакомец как-то аккуратно, словно сам ничего и не весил, опустился на предложенное место и тут же вытянул явно нездоровую левую ногу.

И тут до Алана начало кое-что доходить. Эти глаза, голос...

– Вы – один из них? – спросил он каким-то совсем не своим голосом.

– Из кого? – поинтересовался незнакомец.

– Ну – ангелов, демонов...

Незнакомец задумался, а потом спросил:

– Вы помните как в том фильме: «Я – самый первый ангел. Когда-то меня любили больше всех. Совершенной любовью. Но, как и всякая любовь, она угасла».

Фраза показалась смутно знакомой, но Алан никак не мог припомнить где ее слышал. Обстановка не располагала к насилию над памятью.

– Нет, Мастер Рэй, я не один из них, слава богу, – заверил незванный гость. – Но я очень надеюсь, что мы с вами сможем если и не подружиться, то наладить взаимовыгодное сотрудничество.

– На тему? – не понял Алан. – И как к вам, все-таки, обращаться?

– Да не надо ко мне никак обращаться, – отмахнулся гость. – Здесь кроме нас двоих никого нет. И если только никто из нас не страдает от шизофрении, всегда будет понятно кто с кем говорит.

Алан никак не мог понять – он издевается, или говорит всерьез.

– Итак, Мастер Рэй, я предлагаю вам карт-бланш.

– В смысле? – не понял Алан.

– Вы умный человек и должны понимать, что ваш мир скоро изменится до неузнаваемости. Не апокалипсис, нет, но так уж вышло, что человек больше не на вершине творения. Хотя, с философской точки зрения все, может быть, наоборот. Но на практике...

– Да, – согласился Алан. – Вы знаете, кто они такие?

– Это несущественно, – отмахнулся незнакомец. – И я не вижу смысла об этом говорить. Вскоре они – те, кого вы называете ангелами и демонами – начнут появляться и тут и там. Мировая экономика завибрирует, некоторые государства падут... Некоторые превратятся в непонятно что. Но никто не сумеет остановить этот бардак.

– И что вы предлагаете? – поинтересовался Алан.

– Я предлагаю вам быть самим собой. С некоторой моей помощью.

– Что это значит? – не понял Алан.

– Вы будете самым могущественным человеком на Земле. И добьетесь этого исключительно благодаря своему таланту и уму. Вы проживете очень долгую и сильную жизнь.

Алан рассматривал его и никак не мог понять – это чей-то розыгрыш, или... Нет, на розыгрыш непохоже. Все его знакомые прекрасно понимали, что за такие шутки он сотрет в пыль кого угодно. Да и при помощи какого розыгрыша возможно было отключить Альфу? Ну, или, хотя бы как-то ее изолировать. Кроме того, сама внешность этого визитера заставляла сомневаться в способности кого-либо сотворить подобную шутку.

– Я по-прежнему не понимаю о чем речь, – сказал Алан.

– Знаете в чем ваше основное преимущество, Мастер Рэй? – спросил незнакомец.

– Я красивый? – нахально предположил Алан. – Очень умный?

– И это тоже, – улыбнулся незнакомец. – Но главное – вы самодостаточны. Понимаете о чем я? Вы не зависите ни от каких внешних факторов, потому что вы всегда будете нужны, нет, необходимы. Это как... резюме. Знаете, бывают люди, которым нечего написать в резюме – в них нет ничего. Как правило, это чиновники, политики... Бывают люди с приличным резюме – чуть лучше, чуть хуже... Ваше резюме – лучшее, которое я видел. Однако же, в истории человечества есть немало примеров того, как обстоятельства, либо напыщенные обличенные властью идиоты уничтожали необходимых людей.

– Я все еще не понимаю...

– Да ничего, в общем-то, особенного, – сказал незнакомец. – Может быть, совет там, помощь тут... Как вам например такое место на земле к которому ни ангелы, ни демоны не осмелятся даже приблизиться? Скажем, если вы захотите построить нечто вроде города будущего, утопии, пока весь остальной мир прячется по подвалам в ожидании очередного пришельца.

Алан задумался на какое-то время, а потом сказал:

– Как-то это... Сюжет дорогого и очень глупого блокбастера.

– А разве все происходящее не напоминает вам такой блокбастер? – удивился незнакомец. – Или, например, если у вас появится возможность прожить чуть дольше, чем большинство ваших соплеменников.

– И я должен поверить, что вы на все это способны? – усмехнулся Алан. – Не зная даже вашего имени?

– Вы не должны ни во что верить, – успокоил его незнакомец. – Я категорически ничего от вас не требую. Никакой платы.

– Бесплатный сыр...

– Ах, оставьте эти глупости. Быть может, мне попросту выгодно или интересно ваше существование в том виде в котором вы есть. А может быть, когда-нибудь наши интересы в чем-то совпадут. Но если вы станете искать подвох – вы же его обязательно найдете. Или выдумаете.

Он поднялся с кресла.

– Я прошу вас только подумать над моими словами. Больше ничего.

– Какое-то странное предложение, – заметил Алан Рэй.

– Наступили странные времена. А еще... Может быть, вам начать строить Стену?

– Какую еще стену? – не понял Алан.

– Ну, ту самую. О которой вы давно втайне мечтали и которую в страшном секрете от всех и вся поручили просчитать Альфе? Стена, чтобы отгородиться от дураков и безумия. Высокотехнологичную. Глухую. За которой будет располагаться ваша утопия и за которую не проникнет ни один ангел или демон.

Бред какой-то.

Алан приготовился было возражать, спорить, объявить все это совершенной ахинеей, но незнакомец, оказывается, уже стоял на пороге.

– Доброй ночи, Мастер Рэй, – сказал он, и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Алан на секунду завис, но потом бросился следом. Однако, незнакомец испарился.

Что это было? Галлюцинация? С чего бы вдруг?

– Альфа? – осторожно позвал Алан.

– Я здесь, босс, – отозвалась Альфа.

– Ты его видела?

– Кого, босс?

– Никого. Неважно. Две вещи. Первое. Давай пусти по сети вроде как народная идея, чтобы больше не звать этих ублюдков ангелами и демонами.

– И как вы хотите их назвать?

Алан крепко задумался, а потом решил плюнуть и сказал первое что пришло в голову:

– Верхние и Нижние. Думаю, сойдет.

– Принято. Что второе?

– Найди мне цитату. «Я первый ангел. Когда-то меня любили больше всех. Совершенной любовью. Но, как и всякая любовь, она угасла».

– «Пророчество», – моментально отозвалась Альфа. – Фильм девяносто пятого года прошлого века. Режиссер и автор сценария – Грегори Вайден. Реплика Люцифера в исполнении Вигго Мортенсена². Показать видео?

– Давай, – прохрипел Алан.

Дальняя стена засветилась и на ней появился тот самый Мортенсен, который позже станет известен как Арагорн сын Араторна (это Алан помнил и сам), но сейчас... Стоило признать, он был потрясающим Люцифером. Он восседал на развалинах какой-то стены на корточках в некой неуловимо птичьей позе, и смотрел холодным безжалостным взглядом на испуганную до полусмерти девушку. Фразу «Как и всякая любовь она угасла» он пропел тихим голосом... Было жутко. Ничего себе. И что этот незнакомец-галлюцинация хотел всем этим сказать? Алан досмотрел до того места где Мортенсен-Люцифер начал жрать розу, и велел Альфе выключить видео.

² Вигго Питер Мортенсен-младший. Датско-американский актер.

6.

– Вы меня слышите? Понимаете что я говорю?

Эта неистребимая дурацкая манера общаться с человеком, который тебя, вроде бы, не понимает, при помощи воплей. Как с иностранцем. Подразумевается, что если ты будешь громче на него орать на незнакомом языке, то до него все дойдет. Но тут было другое.

Кажется, доктор его побаивался. Почему? Ну, если отвлечься от очевидного – то что испытуемый, на протяжении последних недель, при любой попытке взять у него хоть какие-то образцы на анализ, реагировал весьма агрессивно, демонстрируя нечеловеческую силу, скорость передвижений, координацию и прочее. Уже двое ассистентов залегли в госпиталь с травмами различной степени веселья. Было еще и менее (или более?) очевидное. Когда затертый, искалеченный бомж вдруг молодеет, здоровеет, а главное – у него регенерируют нижние конечности, да еще вырастают такими мускулистыми и крепкими. Странно, страшновато, загадочно, непонятно, а потому...

Можно было, конечно, усыпить его, подав газ в бокс, и они даже пробовали... Но обычный усыпляющий газ на него попросту не действовал, а травить этот таинственный экземпляр чем-то посерьезнее доктор не хотел.

Боялся ли он в этой связи сейчас получить по башке? Само собой, а что, кто-то не боится? Но дело было не только в этом. Этот человек – ну, или во что там его превратило радужное зелье генерала-призрака – сам по себе производил своеобразное впечатление. И цепкий пристальный, с какой-то чертовщинкой взгляд неожиданно молодых карих глаз, обострившиеся черты лица в которых как будто начало проступать что-то от дикого зверя, и подвижность помолодевшего тела. Черт побери, да кто способен выглядеть тревожно или угрожающе, будучи облачен в больничную распашонку на голое тело? Этот ухитрялся. А главное опять же – уничтожать того, кто неведомым образом омолодился и отрастил себе новые ноги... У нас тут что, обычный случай рядовой регенерации? Как если бы порез затянулся? Разве возможно для ученого уничтожить такое, предварительно не изучив? Не поняв какого черта и как это произошло?

Но начальство требовало ответов. Нет, не ответов – начальство требовало, чтобы кто-то, ну хоть кто-то принял решение, или подсказал это самое решение им.

Тем более, что в мире творилось что-то странное. Какие-то непонятные атаки то ли террористов, то ли еще кого. В самых неожиданных уголках земного шара, по совершенно непонятным причинам, без какой бы то ни было логики, требований, и идиотски-пафосных для обычных террористов заявлений...

То есть, это официальные СМИ объявляли их террористами. В сети появлялись сообщения, и даже множество видеороликов про то, как появляются неведомо откуда странного вида и странно одетые... люди? Очень какие-то неприятные, недружелюбно выглядящие. И вот горделиво так выходит некто высокий, облаченный в непонятное подобие то ли плаща, то ли пальто (независимо от погоды), смотрит по сторонам, а потом начинает поливать окрестности из огнемета... ну, подразумевается, что из огнемета. Иначе пришлось бы поверить, что огонь возникает прямо в его руках.

Или такое же жутко нелепое существо, спрыгнувшее... с крыши? Ну а откуда еще? Не с неба же. Тоже в плаще, или даже в длинной куртке. С каким-то призрачным, едва различимым сиянием за спиной. Высокий такой, красивый... И вот он шествует по улице, а каждый, кто осмелился к нему приблизиться, или того хуже – прикоснуться – падает словно громом пораженный. И если кто-то возникает на пути – он отшвыривает этого кого-то как котенка метров на десять-пятнадцать. И полицейские, пытавшиеся задержать, и даже открывавшие огонь... Пули этих загадочных ребят не брали. Зато весьма злили и раззадоривали.

Те, что с огнеметами, разумеется, сжигали таких вот самоотверженных полицейских. Те, что с крылышками – просто расшвыривали, оставляя за собой бездыханные искаленные трупы с остановившимся сердцем, будто сам воздух вокруг них был способен шибать невезучих и случайных прохожих мощными разрядами то ли электричества, то ли неизвестно чего. Этак вот нахулиганили, прошлись по улице, оставляя за спиной жертв и разрушения различной степени – и исчезли, растворились.

Кто-то в СМИ начинал вопить, что Корпорация Рэя снабжает террористов экзоскелетами военного назначения. Кто-то кричал про кару господню (и впрямь в некоторые моменты и под некоторыми ракурсами тех, что падали с небес, вполне себе можно было принять за некую карикатуру на ангелов).

Вряд ли это были проделки Алана Рэя. Этот молодой человек не представлялся тем, кто способен заниматься подобной ерундой. Да и зачем ему? Чтобы завоевать мир? Бредятина из комиксов. Алан Рэй был явно слишком разумен, чтобы пытаться творить подобные глупости и мыслить подобными категориями. Кроме того, в той или иной степени, мир и так уже если и не принадлежал ему, то уж точно от него зависел.

Черт, вот на кого хотел бы работать доктор. На этого самого проклятого Алана Рэя. Но Алан Рэй, как известно (насколько о нем вообще хоть что-то известно), в таких вопросах был брезглив. Он не стал бы пачкаться о такие эксперименты. Алан Рэй, этот молодой гений, выскочка, красавчик, филантроп, самый богатый человек на планете, создающий из воздуха новые технологии и идеи. То есть, не из воздуха, конечно, но все-таки. Новые коммуникационные возможности от Рэя! Бионические протезы от Рэя! Новые гаджеты от Рэя! Позибатареи раз и навсегда решающие проблему энергоснабжения! Оставайтесь постоянно на связи, благодаря Рэю! Человечество стало способно сделаться единым целым, слившись само с собой в восторженном электронно-социальном оргазме. Алан Рэй, наконец-то, создал собственную валюту, устойчивую функциональную крипто... Отчего тут же грохнулись экономики некоторых развивающихся стран, но сам же Алан Рэй эти грохнутые экономики так по-доброму, по-отечески как-то поддержал, что теперь они принадлежали ему с потрохами и одновременно на него молились. И он затеял некое строительство для чего купил участок земли размером с мегаполис и согласует с правительством начало работ по возведению... Чего? Идеального мира? Города мечты? Почему нет? Заделался богом – возводи свой пантеон. Уж у Алана Рэя образцы доктора не отторгались бы. И эта его грандиозная Альфа... Черт побери, уже сколько десятилетий носится в воздухе болтовня про искусственный интеллект, но только Алан Рэй осмелел настолько чтобы произнести «Искусственный разум» и создать нечто...

А начальство нервничало. А когда начальство нервничало, это касалось всего подряд. Да и само по себе происходящее сейчас в лаборатории было из ряда вон. Уже больше месяца из ряда вон.

Начальство потребовало было уничтожить испытуемого, и изучать, так сказать, уже труп. Доктор, в глубине души подивившись их тупости, заявил, что делать этого категорически нельзя. Почему? Вы помните, что произошло с остальными кому вкололи препарат загадочного генерала? Там не осталось ничего, что можно было бы изучить. Горстка пепла. Где гарантии, что после уничтожения последнего испытуемого, его останки не постигнет та же участь?

Начальство явно не желало соглашаться с его аргументами, но крыть начальству было нечем. Что же делать?

Изучать. Наблюдать. Собирать информацию. Собственно, заниматься именно тем, чем должна заниматься наука. Всеми доступными способами. А про недоступные, вроде вскрытия и распила на части, пока забыть. Нужно время.

Только вот было ли у них время?

И доктор решил попробовать наладить контакт с испытуемым. Просто поговорить, попытаться пообщаться. Подход в науке революционный и немыслимый. И сам не понимая почему,

он не стал доверять это действо натасканным штатным психиатрам, более походившим на специалистов по ведению допроса. Правда, памятуя о судьбе своих ассистентов, решил все же прихватить, в качестве подстраховки, начальника службы безопасности. С оружием. Мало ли что. Собственная шкура, все-таки, важнее науки. Было сильное желание притащить с собой еще и взвод какого-нибудь спецназа, но... Во-первых, это выглядело бы агрессивно и могло вызвать приступ острого недоверия у подопытного. А во-вторых... в бокс бы все не влезли.

В более простой ситуации логичнее было бы использовать в качестве катализатора общения, например, электрошокер... Но это они уже пробовали. Именно таким способом ассистенты доктора обзавелись своими травмами.

– Вы меня понимаете? – спросил доктор у испытуемого.

Тот задумчиво посмотрел доктору в глаза и склонил голову на бок.

Проклятье. Не хватало еще, чтобы к своим новоприобретенным способностям, он заделался абсолютным дебилом. Впрочем, доктор в это не верил. Слишком ярким был этот взгляд, слишком много в нем светилось ума, какого-то понимания, любопытства. Как во взгляде очень толкового подростка. Победителя какой-нибудь математической олимпиады. Подающего надежды юного гения. Ну или недоверчивого кота. В самом деле – кто-нибудь хоть раз видел, чтобы у кота был глупый взгляд? Даже когда он оказывается не в состоянии вытащить башку из пакета, а потом все-таки вытаскивает... Взгляд полон осмысленности. И пренебрежения.

– Помните что с вами произошло? – спрашивал доктор.

Испытуемый не отвечал.

– Хорошо, – вздохнул доктор. – Начнем с простого. Помните как вас зовут?

Испытуемый задумался, посмотрел куда-то в пространство над головой доктора, потом на пол. Кажется, он понял вопрос и искренне пытался найти ответ.

– Помните...

– Вы мне что-то вкололи, – проговорил вдруг испытуемый. – Вы что-то со мной сделали.

– Замечательно, – обрадовался доктор. – Значит, вы можете говорить.

– Вас это удивляет? – усмехнулся испытуемый.

Честно сказать, доктора вообще все удивляло в этой истории. Он был готов и к тому, чтобы испытуемый стал эмбицилом, и к тому, что заделается неожиданным гением. Но он решил не отвечать на этот вопрос.

– Что еще вы помните?

Испытуемый лукаво прищурился. Что еще за новости?

– Нет, профессор, – сказал он. – Так не пойдет.

– В... в каком смысле? – обалдел доктор. – И я не профессор. – Это уже вылетело на автомате.

– А похожи, – сообщил испытуемый. – На эдакого безумного ученого. Профессор Фарнсуорт³. Ну, или доктор Таракан⁴, если вам так больше нравится.

– Нет, таракан мне точно не нравится, – усмехнулся доктор. – И я не знаю кто такой Фарнсуорт.

Испытуемый пожал плечами.

– Это потому что вы не в пижаме и шлепанцах.

– Что? – растерялся доктор.

Испытуемый легко поднялся, буквально вскочил на ноги. Начальник службы безопасности потянулся было к кобуре. Испытуемый удивленно на него уставился, потом усмехнулся и констатировал:

– Нервы.

³ Профессор Фарнсуорт – персонаж мультсериала «Футурама».

⁴ Доктор Таракан – персонаж мультфильма «Монстры против пришельцев».

Кажется, начальник службы безопасности смутился. Может, даже почувствовал себя идиотом. Доктор задумчиво посмотрел на испытуемого... и на секунду ему показалось, что тот проделал все это сознательно. Разве нет? Теперь наш бравый телохранитель еще с полдня будет смущаться при необходимости взяться за оружие. Испытуемого, похоже, все это забавляло. Или доктор усложнял?

– И все же, давайте вернемся к нашим баранам, – настаивал доктор.

– Адвокат Пьер Патлен⁵, – выдал испытуемый. – Что ж, можно и к баранам.

– А вы образованы, – удивился доктор, который, честно признаться, и сам не знал откуда взялась эта присказка про баранов.

– Да... наверное, – как-то неуверенно согласился испытуемый.

Доктор задумался. Это было что-то новое. Хотя, наверное, и не имело отношения к делу. Или имело? Более месяца назад к нему в лабораторию, среди прочих объектов, доставили этого бомжа. Бомж был немыт, нечесан, зарос грязной седой бородищей, от него воняло и у него не было ног. Да, его отмыли, обрили, установили бесполезный микроконтроллер в череп... Потом вкололи загадочный препарат... С учетом генерала, блесток и прочего – чудовищно загадочный. Пусть в результате всех этих действий (ну, то есть, не всех, конечно) он выздоровел, окреп и помолодел. В результате этого у него даже регенерировали нижние конечности. Черт с ним, допустим. Но из какой радужной пробирки мог вылезти адвокат Пьер Патлен? Это образование. У безногого бомжа? Кем же он был до того? И к чему все это может привести? Это вообще хорошо, или плохо?

– Вы что-нибудь помните?

– Вы повторяетесь, профессор, – отмахнулся испытуемый. – Ах, пардон. Доктор.

– Разумеется. Я задал вопрос и не получил на него ответа. Поэтому вынужден его повторить.

– Я же сказал, что помню. Про то, что вы что-то со мной сделали.

– А раньше? Что было до того? Как вас зовут? Кто вы?

Испытуемый задумался. Он явно искал ответы. И, возможно, какие-то и находил. Только вот... Наградив доктора долгим задумчивым взглядом, он сказал:

– И да, и нет.

– Так да, или нет? – настаивал доктор.

– Послушайте, – проговорил испытуемый и двинулся в его сторону.

Зря он это. Как выяснилось, начальник службы безопасности, сколько бы он ни смутился, не растратил боевых навыков. Он отбросил в сторону полу пиджака, выхватил из кобуры пистолет, щелкнул предохранителем...

Быстро, очень быстро. Доктор не успел не то что его остановить, а даже просто понять что происходит. Грянул выстрел. Испытуемый коротко вскрикнул и схватился за живот.

Доктор чуть не оглох от грохота, но все же вскочил с места и рванул к упавшему телу, попутно заорав на своего дурного телохранителя:

– Вы что, с ума сошли? Вы что натворили?!

Начальник службы безопасности никак не отреагировал на этот вопль. То ли тоже оглох, то ли ему было плевать на вопли какого-то там докторишки, даже если тот являлся его непосредственным начальником. Он по прежнему держал ствол направленным на испытуемого, и только когда доктор приблизился к телу, с явной неохотой засунул его в кобуру.

Доктор склонился над телом, приготовившись оценить повреждения... А также, на всякий случай, отскочить в сторону, если тело, по примеру своих предыдущих товарищей по несчастью, вдруг полыхнет. Но тело вместо этого зашевелилось, закричало и с трудом, но поднялось на ноги, при этом сообщив:

⁵ Адвокат Пьер Патлен – персонаж «Фарса об адвокате Пьере Патлене» откуда пошла фраза «Вернемся к нашим баранам».

– Черт, больно же!

Доктор обалдел. Начальник службы безопасности, кажется, тоже. А испытуемый задрал больничную распашонку, совершенно не смущаясь тем фактом, что под ней ничего нет, и осмотрел свой живот. На животе, даже скорее на груди, виднелось явное покраснение. Как от шлепка ладонью. Может быть, достаточно сильного шлепка, однако, не более того.

– Идиот, – сообщил испытуемый начальнику службы безопасности. И тут же, совершенно неожиданно рванул в его сторону.

Тот не растерялся, снова выхватил ствол и открыл огонь, чтоб его. Грохот наполнил бокс.

– Не стрелять! – вопил доктор. – Рикошет!

Но было поздно. Да и с другой стороны, что еще было делать? Позволить этому терминатору⁶ приблизиться и надавать всем по башке?

Пули отскакивали от стальных поверхностей и летели куда им вздумается. Доктор готовился было уже проститься с жизнью, как вдруг все прекратилось.

Начальник службы безопасности сидел, сжавшись в комок на полу и бережно придерживал очевидно поврежденную правую руку левой. Над ним с отобранным пистолетом в руках возвышался испытуемый. Надо сказать, это выглядело... Когда над тобой в позе победителя возвышается человек в больничной распашонке на голое тело...

Каким-то уверенным и одновременно небрежным движением испытуемый извлек магазин, дернул затвор, выбросив патрон из патронника и осмотрел трофей. Было в его движениях что-то неумовимо профессиональное.

– Найт Хок⁷, – сообщил он результаты осмотра. – Сорок пять Эй-Си-Пи⁸. Ты совсем больной? – это уже начальнику службы безопасности. – Ты тут на работе, или в кино снимаешься?

Доктор дрожал мелкой дрожью, попутно пытаясь на уровне ощущений диагностировать нет ли дырок от рикошета в организме, не лишился ли он слуха от молодецкой выходки начальника службы безопасности.

И в то же время... Каким-то задним фоном мышления... Найт Хок?... Сорок пять Эй-Си-Пи?... Это он тоже впитал вместе с генеральским эликсиром?

Испытуемый... Хотя, одному лешему известно кто тут теперь испытуемый. Но тем не менее, он подошел к скорчившемуся начальнику службы безопасности, и попытался помочь ему подняться, ухватил за локоть, но тот дернулся, как от ожога, и стремительно отполз в сторону. До этого момента доктор и не подозревал, что подобное действие возможно – стремительное отползание.

– Он... – бормотал неудачливый вояка. – Он уклоняется от пуль.

Потом кое-как, кряхтя и неуклюже, но самостоятельно поднялся на ноги. Его шатало, правая рука наверняка беспокоила. Но, собрав волю в кулак (ну, или что-то в этом роде), он повернулся к доктору и произнес уже более отчетливо:

– Он уклоняется от пуль.

– Я заметил, – фыркнул доктор. – По результатам вашей пальбы, я бы тоже хотел обзавестись подобным умением. Идите.

– Но...

– Идите, – рявкнул доктор. – Тут вы бесполезны, неужели непонятно?

Начальник службы безопасности, покачиваясь, направился к выходу.

– Покажите руку медикам, – крикнул ему вслед доктор.

⁶ «Терминатор». Серия фантастических фильмов про киборга-убийцу из будущего.

⁷ Найт Хок (Ночной ястреб). Одна из элитных моделей пистолета на платформе Браунинга 1911.

⁸ 45 АСР – распространенный крупнокалиберный боеприпас для пистолетов.

Испытуемый посмотрел вслед уходящему, а потом подошел к доктору и помог ему подняться. Доктор кое-как взгромоздился, и тут же присел на ближайший стул. Его тоже пошатывало.

– Вояка, – проворчал он в сторону оставшейся открытой двери. – Я же приказал ему не стрелять!

– Ну... – испытуемый пожал плечами. – Может, он не слышал. Может, не мог остановиться.

– Или просто идиот, – подсказал доктор.

– Может, – согласился испытуемый. – А может, он исполняет не только ваши приказы.

Доктор вскинулся и посмотрел на этого таинственного незнакомца. Черт побери, да кто же он, все-таки? Чем он был до эксперимента и чем стал теперь?

А испытуемый, меж тем, протянул доктору разряженный пистолет и магазин. Доктор машинально взял предложенное.

Ну и кто теперь главный в этой мизансцене? Кто хозяин положения? Кто?..

– Послушайте, – обратился он к испытуемому. – У вас, все-таки, есть имя?

– Имя? – задумчиво переспросил тот. – Не знаю. Не помню... Кажется, у меня было много имен... И ни на одно я не откликался. Можете придумать какое вам больше нравится.

– И на него вы тоже не будете откликаться? – усмехнулся доктор.

– По обстоятельствам.

Доктор снова усмехнулся, а потом спросил:

– А прошлое? Хоть какое-то прошлое...

– Нет-нет-нет, босс, – улыбнулся испытуемый. – Так дело не пойдет.

– В смысле?

– В смысле – баш на баш, – объяснил испытуемый. – Ты – мне, я – тебе.

Доктор сперва не понял о чем он, потом на мгновение задумался. Был, конечно, соблазн брякнуть что-нибудь в духе «Вопросы здесь задаю я». И тут же получить по башке, или просто потерю контакта, нежелание продолжать общение. Может, не стоило вести себя так по-идиотски? Наш клиент, кажется, обожает всякие игры, и ему нравится торговаться... Кроме того, он явно умеет занимать выгодные позиции. Несмотря на распашонку. В итоге, доктор усмехнулся и спросил:

– И чего же вы хотите в качестве платы?

– Для начала – штаны. Любые. Джинсы, еще что. Белье тоже было бы кстати. Очевидные вещи. А то надоело щеголять с голой задницей. Мне, конечно, плевать, но все равно неудобно.

– И это все? – удивился доктор.

Подопытный одарил его взглядом явно обвиняющим в скудоумии, и сказал:

– Нет, это начало. Показатель к началу общения, так сказать. Нижнее белье, штаны, футболку какую-нибудь. Не думаю, что вам радостно общаться с человеком в таком виде.

– Я врач, – напомнил доктор.

– Само собой, – усмехнулся испытуемый. – И если бы речь шла о процедурах, вивисекции, препарировании, это, – он как-то кокетливо, словно школьница юбочкой, поиграл лапами распашонки, – было бы удобнее. Но, как я понял, вы собираетесь со мной общаться. А общаться с человеком под капельницей... ну, или сидящим на унитазе... согласитесь.

Доктор смотрел на него и никак не мог для себя уяснить кого он видит. Этот тип производил настолько сложное и нестандартное впечатление – и своим видом, и тем, что он говорил, и тем как именно говорил. Хотя, говорил он, в общем-то, очевидные вещи. Оставалось лишь гадать – сделало его таким перламутровое зелье генерала, или это, так сказать, исходные качества материала. Впрочем, все это глупости. Ни в какое зелье невозможно впихнуть адвоката Пьера Патлена, подобную манеру разговора и ведения дел. На секунду у доктора возникла нехорошая ассоциация, что, по какому-то идиотскому стечению обстоятельств, его подопыт-

ным заделался сам Алан Рэй, который теперь всеми доступными способами захватывает власть над текущими событиями.

Доктор вздохнул, поднялся со стула и направился к двери.

– Вы куда? – удивился испытуемый.

– Пойду добывать вам штаны. А потом поговорим.

– А-а, понятно.

Но уже на пороге доктор обернулся и спросил:

– Но почему?

– Почему – что?

– Почему вы не убили его? – Он ткнул пальцем в сторону двери, куда минуту назад удалился поверженный начальник безопасности. – Почему не убили меня?

Испытуемый как будто даже удивился, и спросил:

– А зачем? Разве нужно было? – Потом он вдруг посмотрел на свои ноги, и добавил: – И вам, как я понимаю, я обязан, как минимум, этим.

Доктор хотел было возразить, что вот как раз Этим он обязан не ему, а таинственному генералу, но как-то быстро сообразил, что выдавать такую информацию без крайней нужды – не самая удачная идея.

– А для вас, доктор, кажется, это было бы вполне себе естественным разрешением ситуации? – уточнил испытуемый.

– Может быть, – вздохнул доктор. – Может быть.

– Тогда зовите меня Макс, – сказал испытуемый.

– Это ваше имя?

– Нет. И именно потому оно мне нравится.

7.

– Значит, этот генерал принес какую-то там свою дрянь, и вы мне ее вкололи?

– Он приказал нам ее вколоть, – смутился доктор.

Макс ненадолго задумался, а потом спросил:

– И вы понятия не имеете что это было?

– Судя по блесткам и перламутру – какой-то девчачий лак для ногтей, – криво пошутил доктор. – Но результат...

Макс усмехнулся и снова задумался.

Доктор вообще перестал понимать что происходит. Зачем он рассказывал все это? Для чего? С какой это вдруг стати он – человек не болтливый, даже скрытный, на секретной службе и при исполнении выбалтывает такие вещи тому, к кому он вообще не должен относиться как к живому человеку. Это был всего-навсего объект эксперимента скорее неудачного, чем наоборот. С него можно снимать показания, изучать, отслеживать реакции... Это не человек. Где это видано, чтобы люди отращивали новые ноги, игнорировали шокер в несколько тысяч вольт, уворачивались от пуль, а выстрел в упор причинял им примерно столько же хлопот, сколько простой удар в живот?

Но это было не все, далеко не все. Намного интереснее было не то, что доктор описывал в отчетах, которые отправлял вверх, а то, что написать в таком отчете было невозможно.

Ум этого человека, образованность, и какое-то... сложно описать. Этакое мягкое, доброжелательное, насмешливое коварство. Что-то вроде коварства, которое проявляет мудрый Учитель (ну, или не совсем безмозглый родитель) в отношении упрямого подростка с раздутым самомнением. Или доктор Лектер⁹ в отношении собеседника.

Он плел разговор как хитроумное кружево, и вот уже доктор, сам не понимая как это произошло, сперва по чуть-чуть (оговорился там, ляпнул тут) выбалтывал ему... Что? Секретную информацию? И для кого же она секретная? Для всех на свете, включая тех, кто ведает секретами.

Задним умом доктор осознавал, что не стоило вообще говорить с этим загадочным типом. Но его так и тянуло сюда, в эту комнату с бронированной дверью. Как-то доктору подумалось (неожиданно накатило), что все специалисты по выуживанию сведений и ведению допроса – не гротескные киношные с воплями, табуретками посреди допросной, пыточным арсеналом, лампой в лицо и хрестоматийной сывороткой правды (что бы под этим ни подразумевалось) – а настоящие, хитрые и ласковые, способные заставить жертву проговориться так, что жертва само того не поймет – так вот, все эти специалисты по сравнению с его подопытным были сусликами. Так откуда свалился на его голову этот удивительный молодой (молодой?) человек?

Испытуемого... пардон, теперь Макса неделю назад перевели в отдельную комнату, он обзавелся собственным санузелом и душем, питался... Черт, да он жрал, как тираннозавр. Во всяком случае, первое время. Очевидно, чтобы отрастить ноги и прочее, требовалось изрядное количество ресурсов. Сейчас аппетит пошел на спад.

– И что эта штука со мной делает?

– Это уже второй, – усмехнулся доктор.

– Что – второй?

– Второй вопрос. Сейчас моя очередь. Мы же договорились.

⁹ Доктор Ганнибал Лектер. Персонаж произведений писателя Тома Харриса. Судебный психиатр, серийный убийца и каннибал.

Это напоминало игру в шахматы с хорошим игроком и по совместительству приятным собеседником. И, будто бы почувствовав настроение доктора, Макс усмехнулся и сказал:

– А ведь вам нравится эта игра.

Вот ведь хитрая сволочь, подумал доктор. Кто сказал, что нужны сложные объяснения? Просто нравится. Интересно.

Доктору и впрямь это нравилось. Как ни крути, он был, все-таки, ученым. Пытливый беспокойный ум, поиск как оппонентов, так и единомышленников. А этот тип... Проклятье, да он был безумно интересен.

– Ладно, спрашивайте, – великодушно разрешил Макс.

Доктор задумался на минуту.

– Кем вы были до того как стать бомжом?

– Вот вы дали, – усмехнулся Макс. – Кем я был? Я понятия не имею кто я сейчас, а кем я был... Сложно сказать. Что-то вспоминается. С трудом, но вспоминается. Какие-то... Помоему, мне это не нравилось. Или нравилось, но было... Избыточно... Сложно? Нет, скорее, я был не уверен в том, что хочу быть там и тем, кем я был. Какое-то... В общем, не могу внятно вспомнить.

Доктор кивнул, попутно подумав, что в подобной парадигме влчат свое существование многие люди. Может, даже большинство. Одна беда – доктор не думал, что можно верить хотя бы одному слову из сказанного. Он был почти уверен, что этот тип врет, как дышит. Тогда зачем продолжать с ним разговаривать? В надежде, что проговорится, упомянет хоть что-то? Ну уж нет. Выходило скорее наоборот – выбалтывал доктор. А Макс... Вместе со своими сверхспособностями он приобрел такой самоконтроль... Он манипулировал всеми, до кого мог дотянуться. Ассистентами, охранниками... И, в то же время, притягивал к себе. Оставался лишь вопрос – сделало его таким зелье генерала, или он обладал этими способностями изначально. А если обладал, как ухитрился стать бомжом. Он явно развлекался таким образом. То есть, преследовал еще и очевидную цель – получение информации. Это было понятно, и Макс этого, в общем-то, не скрывал. Но в то же время, кто сказал, что нельзя попутно получать от процесса удовольствие?

И тут доктора осенило:

– А как вы лишились ног?

– Моя очередь, – парировал Макс.

– Ладно, – вздохнул доктор.

– Что делает эта дрянь, которую вы мне вкололи?

– Черт, да понятия не имею. Мы даже приблизительно не знаем что было в тех шприцах.

– А что делает ваша дрянь?

– Наша?... – доктор растерялся. – О чем вы?

– Ну, это же очевидно. Целая лаборатория, бронированные боксы, куча медперсонала, дурная охрана. Вряд ли вы нагородили все это в ожидании, что когда-нибудь вам на голову обрушится некий загадочный генерал и привезет пробирки с волшебным лаком для ногтей.

Тут он был прав. Простая логика. Или она кажется простой?

– Да ладно вам, доктор, – усмехнулся Макс. – Я никому не скажу, честно-честно.

– Хватит паясничать, – обиделся доктор.

– Уговорили, не буду.

Доктор задумался. Думал он долго. С одной стороны, ситуация была совершенно бредовой и ответ казался очевидным. Перед ним – объект эксперимента. Его нужно изучать, держать на коротком поводке и вообще. Относиться к нему как к личности противопоказано. Тем более секретность, то-се... Да и вряд ли он вообще поймет о чем речь. Даже при его интеллекте и прочей загадочной образованности. Но с другой стороны... Этот Макс был чертовски непрост, и сдавалось, что он был таким и до эксперимента. Доктор подключил все свои связи и возмож-

ности, чтобы узнать хоть что-то о его прошлом. Кем он был до того как стать бомжом, как лишился ног, как стал бомжом... Ответа не было. И это было еще более загадочно. В наш век поголовной телеметрии, торговли базами данных, отпечатками пальцев, рисунками радужки, формой целлюлитных вмятин на заднице и безумным стремлением народонаселения земного шара выбалтывать о себе все и всем в соцсетях... Ничего.

Признаться, доктор боялся своего подопытного... Нет, не так. Не доверял. Нет, опять не так. Пытался понять и не понимал, отчетливо ощущая, что самая невинная информация, которую он выдаст Макс, может сыграть абсолютно неожиданно. В общем, он признавал, что этот тип голов этак на десять умнее самого доктора.

Не нужно было иметь семь пядей во лбу (или нужно?), чтобы определить, что этот странный человек изучал каждого с кем вступал в контакт. Доктор даже специально это отслеживал, наблюдал. Макс замечал все – физиомоторику, манеру речи, реакции. Будто бы заглядывал человеку в разум, пытался определить как тот работает и... Что? Просто пытался понять? Изучал? Или готовился манипулировать? Менталист¹⁰ хренов.

– Да поймите вы, – не давал ему сосредоточиться Макс, – я пытаюсь выяснить что со мной происходит. А ваши тесты, уж простите...

– Нет, – резко сказал доктор.

– Простите? – не понял Макс.

– Я не могу говорить с вами на эту тему.

Макс долго рассматривал доктора – пристально и как-то... не холодно и осуждающе, а... как-то по-новому. А потом кивнул.

– Вы с этим согласны? – удивился доктор.

– А мое согласие или несогласие что-то меняет? – усмехнулся Макс. – По крайней мере, вы ответили честно.

Вот оно, значит, как. Лучшее оружие против этого типа – честность? Потрясающая опция для человека на секретной работе.

– Да, – как-то неуверенно ответил доктор. По правде сказать, он напрочь не понял что сейчас произошло. Что-то произошло явно, но суть от него ускользнула.

– И хватит на сегодня, – заявил Макс, подошел к кровати и демонстративно на ней развалился. – Я устал.

– Вы никогда не устаете, – возразил доктор.

– Смотря от чего, – проговорил Макс.

И опять был какой-то подтекст... Или доктор становился параноиком?

Он поднялся со стула и направился к двери. Уже на пороге остановился и спросил:

– Вам что-нибудь нужно?

Макс уставился на него как будто удивленно. Черт, мысленно обругал себя доктор, прозвучало как извинение. И этот мерзавец наверняка это уловил. Нет, однозначная паранойя.

Когда доктор, утомленный этим общением, вошел в лабораторию, он по физиономиям ассистентов понял – что-то случилось. Но он всегда так уставал от общения с Максом, и одновременно всегда так к нему стремился... Проклятье.

– Ну, что тут у вас?

– Босс... Контроллер отключился.

Доктор медленно опустился на стул.

– Раньше мы могли хотя бы мониторить простейшие функции, хотя бы снимать показатели...

¹⁰ Ментализм – мастерство психологических опытов – вид исполнительского искусства, демонстрация на публике психологических экспериментов, опытов и «экстрасенсорных» способностей, а также выдающихся способностей памяти, наблюдательности и быстрых вычислений.

– Не всегда, – возразил доктор.

– А сейчас... Сейчас сигнала просто нет.

Доктор мрачно усмехнулся. Почему бы нет? Что бы там не притащил загадочный генерал в своих шприцах, теперь это нечто просто сожрало контроллер, хирургически вживлявшийся в мозг каждого испытуемого. Этого следовало ожидать. Шрамы от операции исчезли на второй день. Да что там – у него ноги выросли, так неужто проблема растворить крошечный чип в голове?

– Проклятье, – вздохнул доктор. – Я звоню наверх. Надо с этим что-то решать.

Он понимал что именно они там решат, и от этого понимания ему было противно. Хотя, с другой стороны, чего еще было ждать от его работы? Проблема была в том, что он относился к прежним подопытным просто как к кускам мяса... ну, хорошо – к биохимическим системам. А Макс ему нравился. Нравился как человек. А решение, которое по поводу него примут наверху, доктору как раз наоборот не нравилось.

И решение, принятое наверху, не разочаровало. Уничтожить. Каким образом? Это на ваше усмотрение. Если на него не действует ядовитый газ и не берут пули – вполне себе можно попробовать микроволны, или еще что. При упоминании микроволн доктора передернуло.

– Или к вам прислать соответствующих специалистов? – не без яда осведомились из главного офиса.

– Нет, – жестко возразил доктор. – Нет. Я сам.

Но у самого не вышло.

Макс сбежал. Как он ухитрился это проделать, было... Нет, не то что непонятно – камеры наблюдения отчетливо показали как он вырубил сперва ассистента, потом охранника, потом обзавелся картой доступа, вызвал лифт... Но действовал он настолько легко, как-то даже небрежно, прямо-таки профессионально. Как какой-нибудь Джеймс Бонд. И то, у английского суперидиота так бы не получилось.

8.

Он шел по городу, разглядывая все подряд и ничего конкретно, и размышлял как быть дальше. Обычно в книгах принято писать «Шел не глядя по сторонам», но он так не умел. Еще впишешься носом в столб. Кто-то говорил, что нужно уметь довериться... «Нужно научиться доверять людям», «Нужно научиться доверять окружающему миру», «Нужно научиться доверять себя Богу» «Нужно надеяться на лучшее»... Кто бы мог подумать, что нужно, оказывается, учиться быть раздолбаем? Психологи, мать их. Этакая непоколебимая уверенность непонятно в чем и во всем подряд от человека, который ни разу в жизни не получал по роже и из этого сделал вывод, что подобное в принципе невозможно. По его разумению, это было примерно то же самое, что сигануть в пропасть и надеяться, что все обойдется... как-нибудь. Он так не умел. Давно разучился. Отучил себя. Этаким комплекс фаната комиксов. Поэтому всегда смотрел по сторонам, отмечая происходящее вокруг.

И главным его раздумьем на этот момент было – как он вообще дошел до жизни такой? Сколько же они выпили в тот вечер? Сказать сложно, поскольку даже сам вечер он напрочь не помнил. Значит, начали с утра. Откуда деньги взяли? А это важно? Бомжи клянутся, воруют, отбирают у других бомжей... И вот они, стало быть... А потом его, стало быть... Подмели откуда-то с тротуара для важного научного эксперимента. Вот счастье-то.

В принципе, после того как стал инвалидом, он вполне серьезно считал себя мертвым. Этаким мертвец, который, с какого-то перепугу продолжает... жить? Да нет – существовать. Как это было в великой книжке «Мы, может, и нежить, а вы теперь несмерть»¹¹. Несмерть. И он, признаться честно, относился к этому совершенно спокойно. Уныло. Ибо, как утверждал классик, человек в самом деле не просто смертен, а смертен внезапно. Ну и что? Кладбища забиты людьми, полагавшими, по наивности, что они что-то там значат. Надо же как-то придать своей тушке некую еще и духовную весомость. Он таким никогда не страдал. Простейшая формула – в этом мире живут и поганят его больше семи миллиардов человек. Вот и подсчитай скольким людям ты по барабану. Можешь, конечно, выдумывать сказки про абсолютную ценность любой человеческой жизни, тешить себя этими выдумками... вплоть до кладбища.

Но вот с какого-то перепугу с ним приключилось... это. Второй шанс? Он в принципе не признавал понятия «шанс» – ни первый, ни второй, ни тридцать второй. Но вот это – что?

И что дальше? Этот странный эксперимент и этот доктор не просто вернули ему утраченные, казалось бы, навсегда навыки – они каким-то образом их усилили. Он чувствовал, что стал не просто быстрее и сильнее физически, сделался неуязвимым, как выкидыш планеты Криптон с бесстыдным именем «Кал» – он начал более ярко и отчетливо соображать. Скорость обработки информации и четкость мышления возросли изрядно. Он не просто наблюдал, видел – он буквально ощущал все окружающее – мелкие шероховатости бетона стены здания на другой стороне улицы, шелест шин проезжающих мимо машин, сквозняк между небоскребами и запахи, которые он нес. Это было как если бы к Мэтту Мэрдку¹² вернулось вдруг зрение... Какое-нибудь орлиное зрение – под стать всем остальным чувствам. Сквозь уличный шум можно было, если напрячься, услышать жужжание мух над мусорным контейнером в подворотне, понять сколько их там, и даже, наверное, у кого какое настроение – кто не с той лапы встал, не с того крыла взлетел... Оставалось понять, что теперь со всем этим делать. Заделаться психологом для мух? Утешать их под девизом «Всякий опарыш прекрасен по-своему»?

Разумеется, скоро они его обнаружат. То есть, не мухи, а спецдепартамент. Найдут... И что дальше? Скрутят и повезут обратно в лабораторию к печальному доктору, который странно

¹¹ Михаил Успенский «Приключения Жихаря».

¹² Мэтью Мэрдок «Сорвиголовы». Персонаж комиксов Marvel Comics. Слепой супергерой.

сочетает в себе садистские наклонности безумного ученого с таким извращенным романтизмом и стремлением к, как ему кажется, истине? Ну, это вряд ли. Зная о его способностях и их методах ведения дел, логичнее было бы предположить, что они попытаются его уничтожить.

Отыскать его в большом городе, в эпоху, когда на каждом углу наткано по десятку камер, действует система распознавания лиц – пустяк. Плевое дело.

Так для чего он сюда приперся? А что ему было делать? Зарыться в чаще лесной? Выкопать землянку? Партизанить там?

Все очень просто. Город – это была та самая среда в которой он лучше всего ориентировался. Сложно сказать – проще, или сложнее было бы найти его в городе. Но вот схватить, или просто убить – точно сложнее. Тем более в нынешнем состоянии.

Но все равно. Надо было сделать самое необходимое – раздобыть наличность, приобрести новую одежду. Само собой, теперь мало кто рассчитывался наличными, но...

Вокруг шумело, голосило, шуршали шинами проносящиеся машины, люди двигались потоками и говорили, говорили... Но говорили не друг с другом – в подавляющем большинстве случаев, разговор шел либо с смартфоном, либо с невидимой гарнитурой (отчего человек начинал издавать этакий легкий запах зарождающейся шизофрении), либо не разговор даже, а яростная переписка с неуловимым и стремительным порханием пальцев по экрану. Такие люди не смотрели вокруг, не смотрели куда идут, а стоило им наступить другому такому же балбесу на ногу – вскидывались, глядя на того с возмущением. Мол как посмел оставить ногу на траектории его движения. По сторонам смотреть надо. И Макс (теперь Макс) всегда, наблюдая за ними, с искренним интересом и совершенно без злорадства ждал, что вот сейчас кто-нибудь на полном ходу врубится лбом и в фонарный столб, или еще куда, провалится в открытый канализационный люк, раздавит собачку, вляпается наваленное собачкой дерьмо... Как ни странно, такого не происходило. Во всяком случае, он не видел ни разу. А может, Алан Рэй успел за это время придумать какой-нибудь парктроник для интеллектуального большинства?

Эти люди были беспечны, самоуверенны, у них на лбу была написана священная убежденность, что вот как раз с ним-то ничего плохого случиться не может.

Но это все лирика. Времена изменились. Они, конечно, постоянно меняются, но конкретнее... Теперь недостаточно было бы просто стянуть один бумажник – нужно было утащить несколько в надежде, что хотя бы в одном окажется наличность... Спереть смартфон было не вариантом – пришлось бы дополнительно отвинчивать палец владельца. Да и как ты его сопрешь? Они ж все постоянно в смартфоне, постоянно на связи. С них штаны стянуть проще, чем отобрать эту штукину для коммуникации с обозримой вселенной. Если бы ему нужны были штаны... Он никогда не мог для себя сформулировать – это век высоких технологий послужил стимулом для развития кренинизма, или процент кретинов был всегда одинаков, просто теперь, благодаря все тем же технологиям и эксгибиционизму в соцсетях, стал более заметен?

Стянуть первый бумажник оказалось так просто, что даже не интересно. Некий толстый, задастый, потный юноша в вислых джинсах, был так увлечен своим смартфоном, что можно было, кажется, раздеть его догола, переодеть во все женское, наложить толстый слой макияжа – он бы не сразу заметил. Из заднего кармана этого вместилища бодипозитива почти на треть высовывался бумажник. Вытащить его оказалось делом плевым – никто вокруг не смотрел, не наблюдал... Елки-палки, как же в этом мире не доставало хищников, которые заставили бы жвачных озираться и прислушиваться.

Через полчаса у него было уже три бумажника, но наличности набралось немного. Можно было спереть еще десяток, но Макс решил передохнуть. Тем более, что в этот самый момент ему в лицо ударил яркий свет откуда-то сверху.

Он посмотрел.

Светящаяся надпись на стене гласила: «Вместе с корпорацией Рэй в будущее». Он усмехнулся. Чего только не напишут на стенах. Вряд ли Алан сам придумал этот бредовый слоган. Стоило бы сменить директора по рекламе. Хотя, с другой стороны, зачем оно ему?

Пози-батареи, перевернувшие мир! Сеть шестого поколения, сделавшая человечество единым целым! Вы это серьезно? Смартфоны нового типа! Ну и что? Эволюция интернета, сотовой связи и прочего. Телеграфа, по сути. Голубиной почты. Трехмерные экраны на любой поверхности! Бионические протезы! Искусственные органы! Алан умничка. Он прекрасно знал для чего импотенту полуметровый бионический член. Для удовлетворения тщеславия. Ибо больше бионический член ничего и не удовлетворяет. На том и растем и расти будем.

Макс помнил Алана мальчишкой – веселым, ярким, с горящим взглядом любопытных глаз. Любознательным и чертовски умным. Иногда получалось ответить на его вопросы, чаще – нет. Потом прошли годы, и Макс, которого тогда звали вовсе не Макс, понял, что он не может дать этому пацану и десятой доли того, что пацан способен взять сам. А навязываться в компанию Макс не умел. Да и дом вот рухнул...

Алан Рэй теперь на коне. И конь этот – весь мир. Технологии. Технологии и маркетинг. Стив Джобс¹³, Илон Маск¹⁴, Цукерберг¹⁵ и прочие... Молодые парни в толстовках уделавшие с легкостью всех монстров прошлого – Ротшильдов¹⁶, Рокфеллеров¹⁷, апологетов всемирного заговора в дорогих костюмах, Роллс-Ройсах, при золотых швейцарских часах. Хороший понт дороже денег. Ребята в толстовках легко и убедительно доказали, что это правило – для идиотов. И что деньги нужны не для власти (как всегда считали бессимптомные носители интеллекта и прочие нищелюбы), а для того, чтобы не было тормозов в создании интереса, удовлетворении любопытства...

Можно было, конечно, еще порассуждать о Стиве Джобсе и его последователе Алане Рэе, но Макс по-прежнему требовалась наличность. Ей богу, если раньше такое времяпрепровождение воспринималось им как развлечение, то теперь... черт побери, оно превращалось в рутину. Что может быть скучнее карманной кражи у человека, который вообще ничего не видит вокруг себя и напроочь игнорирует окружающее? Разве что совокупление с таким человеком.

Но тут обстановка решила сделаться интереснее. В воздухе что-то противно завизжало, зануло... Люди стали останавливаться, отрывать взгляды от своего убогого виртуально-внутреннего мира и осматриваться.

Макс тоже решил осмотреться, и первым делом глянул вверх. Почему именно вверх? Ну, он не мог точно угадать какие там ассоциации в связи с этим пронизывающим визгом возникли у большинства прохожих, но сам он был достаточно немолод, жизнь его протекала разнообразнее, и ему этот звук почему-то напомнил визг летящего артиллерийского снаряда или падающей авиабомбы. Нет, он не ожидал увидеть ничего такого – никаких бомбардировщиков к крестам на крыльях, или беспилотников несущих в себе тяжелые заряды свободы и демократии – просто рефлекс. Первая реакция.

И, против ожиданий, он увидел. Это напоминало падение... метеорита? Почему именно метеорита? Черт, и тут до него дошло. Не метеорит – это была ракета. Что-то вроде какого-нибудь «Томагавк»¹⁸ недалеко дальности. Хотя, откуда ему знать как выглядит «Томагавк»

¹³ Стивен Пол (Стив) Джобс (1955-2011г.). Американский предприниматель, изобретатель, промышленный дизайнер, пионер эры информационных технологий. Один из основателей корпорации «Apple» и студии «Pixar».

¹⁴ Илон Рив Маск. Американский изобретатель, предприниматель, инженер.

¹⁵ Марк Эллиот Цукерберг. Американский программист и предприниматель. Создатель социальной сети «Facebook».

¹⁶ Ротшильды. Европейская династия банкиров и общественных деятелей, чья история восходит к XVIII веку.

¹⁷ Рокфеллеры. Американская семья промышленников, политиков, банкиров. Одна из богатейших семей мира.

¹⁸ «Томагавк». Семейство американских высокоточных дозвуковых ракет.

в процессе насаждения истинных ценностей? И потом, полет этой штуки по траектории скорее напоминал падение. А для баллистической ракеты падающее было, как показалось, мелковато.

Да и эффект оказался совсем не похож на падение «Томагавка».

Что бы это ни было, оно врубилось в витрину ближайшего магазина, торгующего новыми коммуникационными системами (Кого бы вы думали? Разумеется «Корпорации Рэя») и со смачным грохотом разнесло там все вдребезги. Все завопили, заорали, забегали. Кого-то, кажется, сильно посекло разбившимся стеклом.

Но Макса заинтересовало другое. Первое – что не было никакого взрыва. По ощущениям просто упал булыжник. Большой булыжник. Только вот если булыжник падает с невероятной высоты и с таким звуком, он и называется метеорит. И последствия от подобного падения, как правило, оказываются намного серьезнее. А второе... Вряд ли кто-то из присутствующих это заметил – они не проходили курс модернизации и омоложения в секретной лаборатории доброго доктора, – но Макс почти отчетливо увидел, что падающий булыжник, кажется, имел форму человеческого тела. Что за бред?

Бедлам на улице поднялся жуткий. Кто-то стонал и держался за поврежденную часть организма, кто-то пытался отползти подальше от происходящего, некоторые лежали вообще без движения, и сложно было понять живы ли они. Уцелевший и способный двигаться народ бросился врассыпную, некоторые, доказывая, что человечество все-таки не полностью состоит из сволочей, бросились на помощь пострадавшим.

Макс решил было, что ему тоже стоило бы взяться кого-то спасать, или, хотя бы, оттащить, но тут на сцене появился новый персонаж, который безраздельно завладел его вниманием. Из проломленной стены, из пыли и обломков. Вышел. Вспомнилось почему-то: «Вдруг из маминой из спальни кривоногий и хромой выбегает...». Очевидно, в страхе перед посещением маминой спальни папой.

Персонаж был высок ростом, облачен в некое странное одеяние более всего походившее то ли на коротковатый плащ, либо на длинноватый френч, застегнутый на все пуговицы. Нет, черта с два. Никаких пуговиц. И как же он туда влез, позвольте поинтересоваться. Это как помесь гидрокостюма и... фрака, что ли? Или того же френча. Длинные темные волосы слегка трепетали то ли на ветру, то ли на энергетических потоках, созданных образовавшимся на улице бардаком, а за спиной... Могло, конечно, показаться, но за спиной у этого странного типа что-то светится, но более всего это напоминало... Черт, да это вообще ничего не напоминало. Разве что на недорисованные Пиксаром¹⁹ гигантские прозрачные, едва заметные крылья злобного эльфа. Они то возникали на самом пределе восприятия, то будто бы их и не было. Показалось? Свет играет? Или в этот отдельный сегмент восприятия кто-то подсыпал ЛСД?

В общем, вид у этого типа был такой, что вот ну несколько не соответствовал происходящему. Как Роллс-Ройс неведом зачем прикативший на линию фронта, где самое место танкам и самоходным установкам. Такой вид посреди такого бардака мог иметь только тот, кто предвидел этот бардак заранее. А вернее – сам его и учинил.

Таинственный незнакомец горделиво шествовал куда ему надо, не обращая никакого внимания на мечущихся вокруг людей. Иногда кто-то попадался ему на пути, или даже врезался на полном ходу. Тогда незнакомец делал небрежное движение рукой, и неуклюжий паникер отлетал метров на десять, душевно врезаясь в толпу зевак, либо грохаясь на асфальт. И при падении, как показалось Макс, оказывался уже мертв. Разумеется, достаточно быстро толпа обратила на этот новый беспорядок внимание и как-то напряглась. Стали раздаваться непонятные вопли вроде «Это один из них!». Незнакомцу было плевать. Он шествовал. Как круизный лайнер в бассейне на заднем дворе.

¹⁹ Pixar. Американская студия компьютерной анимации.

Однако вскоре он соизволил обратить внимание на Макса, который, в отличие от большинства присутствовавших, не метался и не собирался впадать в панику. Странно, что он вообще хоть на что-то обратил внимание – а то вышагивал как Буратино на параде.

Незнакомец замер, и вперил в Макса странный пристальный взгляд. Только теперь Макс смог достаточно внятно разглядеть его лицо – суровое, жесткое, в чем-то даже, наверное, красивое. Какое-то... патрицианское, что ли. И глаза – бледно-голубые, почти белые. Вспомнился почему-то тот момент из «Пророчества», когда Томас Деггет потребовал от архангела Гавриила, чтобы тот на него посмотрел, и получил-таки желаемое.

Макс начал раздумывать, стоит ли ему испугаться. Вообще-то он с уважением относился к страху, исповедуя нехитрую истину, что страх – хороший слуга, но крайне дурной хозяин. Одно дело – к нему прислушиваться, совсем другое – поддаваться. А тут... «Недостаточно данных». Пока было более интересно, чем страшно. Кроме того, памятуя о вновьприобретенных способностях, всегда оставалась возможность стремительно драпануть куда подальше.

Незнакомец, меж тем, проявил чудеса в стремительном передвижении, одним то ли прыжком, то ли рывком сократив дистанцию, и оказавшись с Максом нос к носу.

Да, персонаж был впечатляющий. И находится с ним вблизи было как-то... неудобно. Если бы встал выбор ехать с ним в одном лифте на двадцатый этаж, или подняться пешком по лестнице, можно было призадуматься.

От него исходило... нечто. Не жар, не холод, а какое-то... неудобство, что ли? Какой-то электромагнетизм. На грани ощущения опасности. Как от высоковольтной линии. А еще от него ничем не пахло. Вообще. И это, почему-то, тревожило еще больше.

Таинственный незнакомец таращился в глаза Макс, Макс таращился в ответ совершенно не понимая как на все это реагировать и хватит ли его новоприобретенных способностей, если эта горилла, прошедшая краткий курс «Как выдавать себя за пуп земли» вдруг решит и его отшвырнуть шлепком подальше. Неприятный выбор.

Эта мизансцена продолжалась неприлично долго, пока Макс, наконец, не проговорил осторожно:

– Ну, я пойду?

И в самом деле – нестерпимо хотелось уйти от этого типа и его горящего непонятно что выражающего взгляда.

– Я тебя не знаю, – объявил вдруг незнакомец.

Даже голос у него был жуткий – будто у него было три набора голосовых связок с данными приличного баритона, которые пытались петь хором и у них все никак не получалось. Правда, если отвлечься от голоса, заявление было в высшей степени дурацкое.

– Э-э... – пробормотал Макс. – Я тебя тоже.

– Я знаю всех, но тебя не знаю, – продолжал нести свой бред незнакомец.

Макс вот честно не понимал как на все это реагировать.

– Ты не один из них, – сообщил незнакомец, кажется, имея в виду окружающую их толпу. – Но и... Кто ты?!

Черт, это шутка, или он всерьез требовал ответа на свой вопрос?

Он вдруг как-то... не напрягся, нет, а как будто стал... Принохиваться? Присматриваться? Прислушиваться? (К чему?) Черт его знает что это было. Некий жест повышенного внимания, можно так сказать. Точнее не опишешь. Он словно впитывал всю информацию, все ощущение, исходившие от Макса. Было чертовски неприятно буквально на физическом уровне. Хорошо хоть не стал, по примеру инопланетян, брать мазок совковой лопатой. Сейчас еще под хвостом понюхает – почему-то подумалось Макс.

– В тебе есть что-то не отсюда, – вынес свой вердикт верзила. – Но ты не такой. Кто ты?

– А кто спрашивает? – решил понаглеть Макс.

Верзила удивленно посмотрел на него, потом крепко задумался... Хорошо хоть подзатыльник не отвесил за нахальство – он тут, понимаешь, с неба падает, беспорядок учиняет, а у этого бродяги никакого почтения к подобной демонстрации крутости, – и объявил:

– Ты совсем не страшишься меня?

– Хрень с крылышками, – пробормотал Макс.

Нет, все можно понять, даже будучи таким вот, падая с неба и прочее, если ты начинаешь нести чушь...

Кажется, верзила обалдел-таки от этого потока нахальства.

Во славу господя, нас всегда может спасти наша доблестная полиция. Которой, признаться честно, давно пора было бы заинтересоваться всем происходящим. И вот, наконец-то, послышался рев сирены, замигало отвратно-синим, и патрульный автомобиль вылетел из за угла, завизжал тормозами и остановился аккуратно напротив Макса и грозного эльфа.

Полицейские, очевидно, быстрее Макса разобрались в происходящем. Ну, им же так и полагается. Они выскочили из машины, выхватили Глоки (Максу мельком подумалось, что это, наверное, уже... какое поколение?), и наставили их на незнакомца со стандартным требованием поднять руки и лечь мордой в асфальт.

Максу было бы до смерти интересно посмотреть как подозреваемый станет выполнять предписанные телодвижения. Как-то они не вязались с его образом. Но сам Макс предпочел бы оказаться подальше. Полицейские были явно напуганы (что немудрено), и могли открыть пальбу. И вообще, вид наведенного пусть просто в твою сторону оружия еще никому, кроме героев дурных боевиков, не доставлял удовольствия. Ему не хотелось снова ловить пули и проверять свою неуязвимость. А вдруг не сработает? Поэтому он медленно начал пятиться, стараясь уйти из предполагаемого сектора предстоящей стрельбы.

Незнакомца, кажется, все это напрочь не интересовало. Он таращился на Макса, который размышлял, достанет ли полицейским страха, или ума открыть огонь посреди такого скопления народу. Потом он все-таки соизволил заметить, что Макс, в данном конкретном промежутке времени, озабочен совсем не его персоной. Он развернул башню своего высокомерия в сторону полицейских и проревел:

– Пошли вон!

Надо сказать, реветь он умел. Толпа, волновавшаяся поблизости, аж присела. Даже стекла (какие еще уцелели) в домах будто бы завибрировали.

– Стоять! – проблеял один из полицейских. – Руки над головой. На колени. Лицом вниз.

Макс так и не успел разобраться какое именно из этих взаимоисключающих действий должен был, по версии полиции, выполнить верзила. Ибо верзила явно вышел из себя (Максу почему-то показалось, что для него это вообще дело обычное) и молнией метнулся к патрульному автомобилю.

Ничего себе, подумал Макс. Интересно, а я так смогу? Потом проверим.

Полицейские открыли огонь, несмотря на непосредственную близость как толпы, так и раненных в результате приземления амбалообразного эльфа. И Макса почему-то совершенно не удивило, что пули не причиняли этому крылатому пижону никакого вреда. Вот один полицейский отлетел вместе со своим Глоком, и с силой, всем телом врезался в стену здания, да там и осел. Посыпалась со стены кровавая штукатурка. Неприятное зрелище. Но не успело неприятное зрелище окончательно доползти до земли, второй полицейский проследовал по пути товарища. Напоследок верзила, явно от раздражения, врезал по борту патрульной машины. Та с тяжким стоном в ответ на такое грубое обращение боком отползла метра на два и грустно легла на бок.

Макс решил не дожидаться окончания этого безобразия и быстро забежал за угол. Кем бы ни был этот крылатый хрен, он явно казался опасным и несдержанным субъектом. Не говоря уже о том, что в толпе нашлось-таки немалое количество людей, которые, несмотря на ката-

строфу, испуг и все прилегающее, наверняка снимали все происходящее на свои смартфоны. То есть, что там «наверняка» – он видел, что снимали. Ну само собой – новый стадный рефлекс современных людей. Черт бы побрал этих идиотов. Если будет тонуть ребенок, найдется пара человек, которые бросятся его спасать и пара десятков, чтобы запечатлеть все на видео. Технический прогресс так ярко показывает насколько люди уроды. Они же сами с восторгом демонстрируют свои уродства в соцсетях.

Но, как бы там ни было, Макс понимал, что все эти видео тут же прославят новостью дня, и его физиономия будет светиться везде где только можно рядом с величественной фигурой этого... обвалившегося. Поганая перспектива. И отвечать под прицелом многих объективов на однообразное «Кто ты?» ему совсем не улыбалось.

9.

Когда есть вопрос и хоть какой-то алгоритм поиска ответа – это приятно. Это придает жизни смысл (ну, как некоторым кажется) и раскрашивает ее в цвета какой-то... значимости, что ли. Когда есть одни только ответы и ни одного вопроса – это скука смертная. Так мечтает жить большинство людей. Но когда есть вопрос и даже не знаешь как к нему подступиться... Как говорил тот компьютер: «Недостаточно данных»... и шел спать. То ли надеялся отыскать данные во сне, то ли (скорее всего) вообще не желал париться по этому поводу. Пока данные не вырастут.

Алан Рэй смотрел на экран, в десятый, наверное, раз с очередного нового ракурса наблюдая эту сцену. Высоченный странного вида тип, свалившийся, очевидно, откуда-то сверху, и ставший причиной очередного «теракта» беседует с прохожим. Это показывали во всех СМИ, этим была забита сеть. И это был не первый такой ролик. Только вот... До этого момента такие странного и жуткого вида ребята валились сверху, либо просто возникали ниоткуда, давали пару оплеух, жертвами которых становились несколько невинных прохожих, портили общественную собственность, и исчезали в неизвестном направлении. Никто раньше не видел и не слышал, чтобы они говорили. Они вообще как будто воспринимали окружающую их обстановку и каких-то копошащихся пострадавших всего лишь как... ну – некие препятствия, которые нужно убрать со своего пути, либо отшвырнуть подальше, как надоедливую муху, которую надо прихлопнуть...

Этот заговорил. И заговорил не просто с прохожим, а с... Алану от одного взгляда на собеседника вновь упавшего делалось... Не то чтобы нехорошо, а как-то... Больно? Обидно? Тоскливо? Черт его не знает. Недостаточно данных.

– Подключите все наши связи, – обратился он к своим людям. – Делайте что хотите, ройте землю, но найдите этого человека.

Он ткнул пальцем в прохожего, краем глаза наблюдая за реакцией совета директоров. Вроде, нормально. Никто не думал удивляться сверх положенного. Конечно, он мог бы облегчить им жизнь выдав побольше информации, но... тогда он сообщил бы лишнее о себе и своих мотивах. А этого он делать не собирался.

– Только найти, – уточнил он. – Не хватать, не задерживать, вообще не приближаться. Обнаружить местоположение.

Это уже, наверное, прозвучало странновато. Не то чтобы особенно, но все же. Однако же, одно из преимуществ того, что ты Алан Рэй заключается в том, что он никому ничего не обязан объяснять.

– Да, босс, – сказал один из замов. – Но что касается этих участвовавших...

Он явно не мог подобрать слова, и Алан решил ему помочь:

– Пришествий? Визитов? Явлений?

– Да, – выдохнул зам. – Они появляются, все ломают, и уходят в неизвестном направлении. Вам не кажется, что Корпорации пора предпринять более решительные меры?

– Нет, – вздохнул Алан Рэй. – Мне так не кажется.

Зам посмотрел на него несколько удивленно. Черт, все требует разъяснения в такой работе.

– Мне не кажется, – объяснил Алан, – потому что я абсолютно уверен, что так оно и есть.

Совет директоров понимающе закивал, тут же сделавшись неприятно похожим на семейку дрессированных морских котиков. Это раздражало. Впрочем, может быть, дело не в них, а в этом прохожем? В тех воспоминаниях, чувствах... Черт его не знает. Захотелось вдруг разогнать всю эту компашку, и поговорить с кем-то умным, нетривиально мыслящим, с чув-

ством юмора (пусть и жестким чувством юмора), стоящим на ногах твердо, хотя и легко? Или это просто послевкусие детской обиды?

Но Алан Рэй не был бы Аланом Рэем, если бы не умел вернуть чувство реальности и надавать по заднице, в первую очередь, самому себе.

– Ладно, – вздохнул он. – Теперь о главном. Сколько у нас таких вот... мн-н... явлений?

– Уже семнадцать, – отозвался другой зам. – Системность не прослеживается.

Ну, это Алан, положим, знал и без них. Вообще заманчивая идея – разогнать к чертям совет директоров и оставить одну Альфу. Неполиткорректно, нехорошо. Хотя, завистливые профсоюзы вряд ли будут против. Простым работягам одно удовольствие, когда у их руководителей начинаются проблемы. И вообще, какое это счастье – когда на голову человеку, которому ты завидуешь, падает кирпич.

– А если отделить тех, кто лезет снизу от тех, кто валится сверху? – уточнил Алан.

– Тоже. Звонили из спецдепартамента...

– Пусть они идут в задницу, – огрызнулся Алан. – Их предупреждали.

– Но они думают, что мы обязаны...

– Мы, или я? – ядовито осведомился Алан. – Если речь обо мне – я им ничем не обязан. На какое-то время в конференц-зале повисла тишина.

– Но как? – спросил начальник службы безопасности... нет – личной армии Алана Рэя, его разведслужбы. – Им нужно оружие. Пули этих типов не берут.

– Пусть используют больший калибр, – фыркнул Алан Рэй. – Пусть снабдят полицию пулеметами, черт побери. Передавать наши передовые разработки спецдепартаменту...

– А может быть, теперь это уже не имеет значения? Спецдепартамент, еще кто-то... Если это глобальная угроза?

– Разумеется, она глобальная, – усмехнулся Алан Рэй. – Это так же очевидно, как то, что завтра взойдет Солнце. И вы это прекрасно понимаете. Это понимают вообще все. Ну и что? Может, вместо поиска больших пушек, нужно сперва озаботиться информацией? А им – лишь бы палить во все стороны. Вояки. Какими бы большими пушками они ни обладали – им всегда хочется еще больше. Видимо, компенсируют что-то. Нужна информация. Кто они такие, откуда берутся и куда исчезают? И в чем их цель?

Разумеется, на это совет директоров ответить не мог. В конференц-зале опять стало тихо.

– А может, у них и нет никакой цели? – сделал вид, что его осенило Алан.

– То есть как? – растерялся кто-то.

– Да так. Какова цель у пьяного проспавшего свою остановку в метро и вываливающегося из вагона на ближайшей подвернувшейся?

Они явно не понимали. А он думал как им объяснить. И думал – стоит ли. И вообще, можно ли объяснить такое. Среди всех прочих умений, коим когда-то обучил его один человек, было и это – не спеша выдавать информацию. Как бишь он это называл? Метод Холмса-Шухарта-Мэрдока? Или «Если бы Патрик Джейн²⁰ был нормальным мерзавцем». Он обожал шутить, почти никогда не говорил серьезно, но всегда – об очень серьезных вещах. И постоянно приходилось угадывать – вот он сейчас выдал информацию, или просто прикалывается?

Шерлок Холмс мог бы если и не править миром, то уж точно вдоволь над ним посмеяться. Что его подводило? Он постоянно выбалтывал что он знает, что увидел и какие сделал выводы. Тщеславие. Желание произвести впечатление на доктора Ватсона и прочих подвернувшихся. Глупость. Люди любят волшебников больше, чем аналитиков. Они хотят верить в волшебников. Аналитика – это скучно. Можно, конечно, возмущаться, можно негодовать по поводу того какие все вокруг придурки, а ты один такой умный. Можно, если вконец свихнуться, пытаться

²⁰ Патрик Джейн. Главный герой сериала «Менталист» CBS.

кому-то что-то разъяснить... А можно попросту пользоваться данным положением дел, пудрить всем мозги и развлекаться. Не без пользы для себя.

А разве обязательно пудрить мозги? – спросил тогда совсем еще юный Алан.

А ты что, предлагаешь рассказать им правду? Это же так скучно. Да и не хотят они правды. И потом, ты представляешь себе сколько глупых советов и идиотского сочувствия тут же посыплется тебе на голову? А сколько людей захотят этим воспользоваться? Меньше, но уж точно продуктивнее.

Мэрдок, благодаря слепоте, воспринимал то, чего не воспринимают другие. Это чертовски хорошо. Интересно было бы посмотреть на Шерлока Холмса с восприятием Сорвиголовы.

А второй? – спросил Алан. – Ну, как его...

Шухарт²¹? Рыжий Рэд? Он мог ориентироваться в совершенно непонятных и чуждых условиях. Фантастических. И очень хорошо понимал, что все это совсем не шутки. Что человек может ошибиться и умереть... И умереть ой как по-разному.

А что до милашки Патрика Джейна... Менталисты – это круто. Жаль только, что они низводят свои способности до уровня ярмочных фокусов. Хотя, иногда все-таки доходят до того, чтобы дурачить весь мир. Как тот же Мессинг²², например. А Джейн так вообще – очень стремился быть хорошим человеком. Положительным. Как будто кто-то знает что это такое. Жесткости ему не хватало. А может, по морде мало получал.

Вот и сейчас Алан думал – стоит ли объяснять совету директоров что именно он имел в виду, или пусть думают, что ему известно нечто совершенно особенное... И что он на голову умнее их всех. Как говорил все тот же человек: главная задача идиота не поумнеть, а убедить окружающих, что они еще тупее... Правда, ни один идиот еще с этим не справился. Разве что Форрест Гамп²³, который, собственно, ни к чему такому и не стремился.

– Но как быть со спецдепартаментом?... – осторожно начал кто-то.

– Забыть, – отрезал Алан Рэй.

– Не так-то это просто...

– Проще некуда. Их базы данных – на наших серверах и работают по нашим алгоритмам. Их поисковые системы используют наши технологии. Да они без нас через месяц окажутся в каменном веке.

– И тогда нас всех арестуют, – заметил въедливый собеседник.

– Разумеется, – усмехнулся Алан Рэй. – Но сбой системы может произойти не по злему умыслу, а, например, по криворукости техника департамента. А если даже арестуют – от этого что-то начнет работать? Господа, привыкайте уже держать этот мир за горло и принимать решения.

Он поднялся со своего места и направился к окну.

Разумеется, это было громадное толстенное стекло размером с половину футбольного поля. И само собой, совершенно непроницаемое снаружи – дабы никто не смог запустить дрона, что-то подсмотреть, подслушать и вообще узнать кто именно тут за стеклом устроился и чем занимается.

Но Алан подошел к окну не для того, чтобы полюбоваться пейзажами вечернего города с высоты птичьего полета на которой располагался его офис. Он вообще слабо интересовался пейзажами – такими пейзажами. Он повернулся к ним спиной, но продолжал внимательно наблюдать в отражении за их действиями и реакциями. Они смотрели встревоженно, переглядывались, и явно не знали как себя вести. Нормально. На лицах большинства присутствующих читалось какое-то... признание его авторитета, что ли? Человека же хлебом не корми – дай

²¹ Рэдрик Шухарт. Сталкер. Главный герой романа братьев Стругацких «Пикник на обочине».

²² Вольф Мессинг (1899-1974). Один из самых известных менталистов в истории.

²³ Форрест Гамп. Главный герой одноименного романа Уинстона Грума.

только вверить свою судьбу в чьи-нибудь там руки. В руки начальника, вождя, бога... Лишь бы не самому. Ладно, все это чушь.

– На этом и закончим, господа, – сказал он, снова поворачиваясь к собранию. – И тут же, пока они не ушли и чтобы услышали проговорил в пространство: – Альфа?

– Да, босс, – отозвался мелодичный женский голос откуда-то из под потолка.

– Будь добра, последи за телодвижениями спецдепартамента.

– Уже, босс, – откликнулась Альфа. – Они ищут.

– Что именно?

– И упавшего, и того прохожего о котором вы говорили.

– Это ожидаемо.

– Есть только одна странность.

– Подожди минутку, – прервал Алан единственного помощника (или помощницу), которой доверял.

Он посмотрел на собравшихся, которые, абсолютно верно истолковав этот взгляд, начали подниматься со своих мест и покидать комнату.

Когда закрылась дверь за последним, Алан снова обратился к Альфе:

– Ну, и как?

– Все как обычно, – сказала Альфа, и в ее голосе как будто прозвучало веселье. Или показалось? А может, и впрямь стоит вложить в ее сверхинтеллект немного чувства юмора? Знать бы еще как это сделать.

– Что – как обычно?

– Жучок под столом. Нейтрализовать? Он пока в фоновом режиме.

– Нет, не стоит. Просто дай на него ложную информацию. Тебе ведь не трудно подделать цифровой отпечаток моего голоса?

– Разумеется, – подтвердила Альфа, и через секунду доложила: – Сделано. Теперь мы говорим о финансировании новых дата-центров.

– Прекрасно, – усмехнулся Алан. – Что бы я без тебя делал?

– Чуть больше волновались бы.

– Это было чувство юмора?

– Я пока еще изучаю эту опцию, – призналась Альфа.

– Сама додумалась?

– Перекрестный сбор данных. Я поняла, что это важная сторона человеческого взаимодействия, и решила изучить. Я же саморазвивающаяся система.

– Да, это уж точно. Так что там за странность?

– Происшествие случилось сегодня, но, согласно данным, полученным при отслеживании действий спецдепартамента, разыскивать этого прохожего они начали еще три дня назад.

– То есть как? – растерялся Алан.

– Они ищут его не как свидетеля. Он зачем-то нужен им сам по себе.

– Интересно, зачем?

– Эта информация содержится на закрытых серверах отдела перспективных исследований и разработок департамента. Получить к нему доступ незаметно мне пока не удалось.

Алан надолго замолчал. Это был тот еще поворот. Само по себе появление этого человека было для него чем-то из ряда вон. Это точно не мог быть он, и в то же время, Алан был абсолютно уверен, что... Отдел перспективных исследований? Начали искать еще три дня назад? Тогда вообще возможно все что угодно. Но даже Альфе он опасался выдавать всю информацию. И потому что это было очень личное, и потому что... Сложно сказать. Хотелось оставить хоть какой-то кусочек своей жизни только для себя. Ну, может, еще для Алисы. Но – недоступным для искусственного разума. А кроме того, Алан никак не смог для себя решить как относиться к этому человеку. В самом деле – чувствовал ли он себя брошенной мальчишкой?

Нет. Этот человек дал ему очень много и ничего не взял взамен. Тогда что? Он не знал. Обида за то что вот воскрес и даже не позвонил? Бред, боже мой, какой бред.

– Ты что-нибудь узнала об этом человеке?

– Нет, босс. Его нет ни в одной базе данных, что само по себе странно. Могу только сказать, что в момент происшествия он занимался не совсем законными действиями.

– А именно?

– Согласно камерам наблюдения, за полчаса до происшествия, он совершил три карманные кражи.

– Забавно.

– Что тут забавного?

Алан задумался. Если это и в самом деле тот о ком он подумал, за кого принял этого прохожего... Нет, это разрывало ему мозг. Даже если бы он был жив, ему сейчас должно было бы быть сколько? Под семьдесят? А этому на вид лет тридцать. Но если все-таки... Нет, тут он уже пытается выдавать желаемое за действительное. Просто кто-то очень похожий. Как-то прямо слишком похожий. Не только внешне – манерой держаться, жестами... И склонностью развлекаться кражей кошельков.

– Отслеживай ситуацию, – велел он Альфе.

– Разумеется, босс.

– И вызови ко мне архитектора. Сдается мне, время начинать строить Стену.

– Какую Стену, босс?

– Не знаю, Альфа, – вздохнул Алан. – Вот об этом нам тоже стоит подумать.

10.

Сколько он уже был в бегах? Месяц? Собственно, как выяснилось, даже в наш технологический век – ничего сложного. Стянуть немного наличности там, тут, пару раз посетить игровой дом, приумножить финансы за покерным столом (только покер, никаких тебе рулеток и прочей надежды на удачу), и снова в путь.

Быстро обзаведясь необходимой суммой, он достаточно просто отыскал людей, которые смогли ему помочь с новыми документами, учетной записью с базы данных, открытием счета в банке в котором он никогда не собирался бывать... Пользование банкоматами, конечно, вызывало определенные сложности, поскольку их камеры, само-собой, умели распознавать лица и был риск того, что его физиономия засветится. Она, наверное, и светилась. Просто он не считал своих преследователей идиотами, и полагал, что они совершенно резонно не будут высылать какую-нибудь там опергруппу к банкомату с которого он полчаса назад снимал наличные. Какой смысл? Кто торчит у банкомата полчаса? А если и торчит, что станет делать опергруппа? Ну, ладно, ладно – он с ними поделится, так и быть.

Попутно он исследовал свои новые возможности. Сперва – осторожно. Например, приобрел наручники, нацепил... а потом разорвал небрежным движением. Здоров, нечего сказать. Но наручники тоже денег стоили, между прочим.

Пытался резать себя ножом. Дурацкое занятие – как в дешевом слэшере, – но нож не резал.

При всем при этом, достаточно долго он не чувствовал в себе никаких глобальных изменений. С чувством равновесия и координацией у него всегда была слава богу – ничего сложного, надо просто тренироваться и следить за собой. А с момента когда он стал калекой... Ну, тут любые изменения будут глобальными. Но он умел вспоминать, смог (во всяком случае, ему так казалось) сравнить себя нынешнего с тем, что был много лет назад. Казалось – ничего нового. Почти.

Со временем выяснилось, что нового предостаточно. К неуязвимости и какой-то кошмарной физической силе (которую, кстати сказать, он большую часть времени и не чувствовал), способности двигаться с невероятной скоростью, обострившимся слухом, зрением и прочим дешевым набором супергероя из мультика, выяснилось, что он способен намного быстрее и лучше усваивать информацию. То есть вот до пугающего. Он проглатывал по две-три книги в день. Любые. Скачивал на смартфон, читал с бешеной скоростью, как ни странно, все запоминал и понимал, а потом удалял и качал новые. Совсем как-то не по-суперменски.

Если понять что-то не удавалось, он скачивал то, что могло помочь. Если для чего-то не хватало знаний и образования... Бог ты мой, только теперь он начал осознавать какое это классное изобретение – интернет. Ответ на любой вопрос он мог найти за три минуты. А если ответ его не устраивал, он сегментировал и формулировал новые вопросы.

Разумеется, речь не шла о беллетристике, поэзии и прочей философии. На беллетристику не было времени (да и не так чтобы много было приличной беллетристики), а философия... Он еще в прежние времена терпеть не мог этот кривой чугунный шаблон «Один мудрец сказал». Не нужно было обладать его нынешними способностями и какой-то почти патологической жадой знаний, чтобы ненавидеть красивые фразы, которые были обрушены на головы несчастного человечества именно потому что красивые, а не чтобы донести информацию. Нет, он никого не собирался ни в чем убеждать, или разубеждать – слава богу, хоть это в нем осталось от прежнего – ему было плевать. Но ему и раньше хватало того небольшого ума, чтобы понять, что «Все, что тебя не убьет...» ну вот ни фи́га не сделает сильнее. Ницше²⁴, само собой,

²⁴ Фридрих Вильгельм Ницше (1844-1900). Известный немецкий философ, известный, в том числе фразой «Все, что меня

казалось, что он выдал нечто умное. На своем опыте Макс мог ему возразить, что вот лично ему, Ницше, можно оторвать ноги, и понаблюдать насколько это сделает его, Ницше, сильнее. Не убьет, конечно, но... И Лао-Цзы²⁵, предлагавшему сидеть на берегу реки в ожидании проплывающего трупа врага стоило бы посоветовать почаще оборачиваться. Чтобы труп врага, не пожелавший проплывать и вообще становиться трупом, не подкрался сзади и не отоварил по премудрой лысине тяжелым предметом.

Он глотал книги по психологии (с некоторым удивлением открывая для себя, что многое, оказывается он и так уже знал и понимал), физике (поражаясь тому, что вообще может хоть как-то понять о чем там речь), математике (с тем же недоумением)... Он буквально набил свой мозг информацией о новых технологиях, программировании, принципах работы систем и прочем, прочем, прочем... Вскоре он вдруг осознал, что ему уже не нужна помощь, чтобы взломать базу данных и слепить для себя новый профиль или историю.

Он даже всерьез раздумывал о том, чтобы влезть в базы спецдепартамента и попытаться узнать что с ним сделали, в чем была суть того эксперимента... Но это пока оказалось ему не по зубам. К системам Алана Рэя он даже не пытался приближаться. Узнав что такое Альфа... Ну уж нет. Стоит только ткнуть этот сверхразум в бок, как он в тебя вцепится и уже не отпустит. Лучше оставаться в тени.

А еще было... какое-то пронзительное, обостренное чувство реальности. Это немного напоминало малые дозы ЛСД, или чего-то в этом роде. Окружающее воспринималось более ярко, выпукло как-то. Иногда это было даже тяжело – сенсорная перегрузка и все такое. Потом он привык. Быстро привык.

Он болтался, переезжая из города в город. Научился обманывать камеры наблюдения. Наверняка не все и не всегда. Наверняка его физиономия где-то все-таки засветилась. Но, поскольку его перемещения были совершенно бессистемны, вряд ли они там смогли бы его выследить и предсказать следующий шаг. Например, угадать куда он направляется. Да он и сам этого не знал.

Блестящей была бы мысль о пластической операции. Такое проверить можно... Ну да, если найдется в мире такая анестезия и хирургический инструмент, способный проколоть или разрезать его кожу.

В общем, пока капюшон, щетина, время от времени перевоплощающаяся в бороду различного формата и обратно в щетину, время от времени медицинская маска, иногда – очки с тонированными стеклами – этот нехитрый набор, плюс приобретенный навык отключать некоторые камеры со смартфона, помогали ему в путешествии к чертям собачьим.

И все-таки, за всем за этим, если не задумываться о нынешнем его образе жизни (который, честно сказать, не так чтобы сильно отличался от прошлого, еще до того как он стал калекой), он не ощущал себя неким сверх- за- супер-человеком. В обычное время – совсем нет. То есть, когда он не проглатывал книги, не впитывал информацию, не проводил эксперименты с новыми физическими возможностями – сперва робкие, вроде все того же разрыва наручников и попытки резануть по ладони ножом, а потом более дерзкие, на грани наглости.

Но в остальное время, он ничего такого не чувствовал. Не ощущал себя супер сильным, не проламывал стены неосторожным движением, не швырял автомобили (вроде тех клоунов, которые периодически то падали сверху, то вылезали откуда-то сбоку), супер быстрым (хотя, один раз ему пришлось догонять товарный поезд, и тогда ему показалось, что он развил какую-то очень нехорошую скорость). И уж точно не чувствовал он себя супер умным. Или как-то глобально умнее. Во-первых, потому что «умнее» – термин сравнительный. А сравнивать ему и раньше было не с кем – он мыслил скорее не лучше, а вообще иначе, нежели большинство

не убьет – сделает сильнее».

²⁵ Лао-Цзы (Старый Младенец, Мудрый Старец). Древнекитайский философ. Основоположник даосизма.

соплеменников. Во вторых, подобное самокопание с неизбежным выводом о собственном уме (ну а как же иначе?), как правило, выдают как раз конченного идиота. В конце концов, все мы идиоты на фоне двух Стивов – Хокинга²⁶ и Джобса... А теперь еще и одного Алана.

А главное, посреди всего этого, Макс никак не мог решить как ему поступить дальше. Собственно, для него не было проблемой прожить так вот, в бегах, весь остаток жизни. К чему-то подобному он был готов давным-давно. Хотя, тогда он более склонялся к мысли прятаться у всех на виду. Но... Легко прятаться, когда тебя никто не ищет. А вот когда в борозду твоих следов вонзается нос спецдепартамента... Да и вообще, ему хотелось бы чем-то заняться, что-то сделать. Выживать? Это прекрасно. Но как-то маловато.

Все изменилось, когда он понял, что изменились правила игры. А произошло это на той площади, и открыло в нем еще одну странную способность.

Площадь была как площадь – большая, просторная, даже, наверное, красивая. С фонтаном, толпой гуляющих граждан, редкими деревьями и частыми маленькими магазинчиками по периметру. И с громадным офисным зданием на противоположной стороне.

Макс вышел на площадь – черт побери, он просто шел своей дорогой, – а потом вдруг резко остановился, и вернулся за угол здания, откуда только что вышел.

Почему? Что случилось? Сложно было внятно ответить на этот вопрос – ему вдруг этого нестерпимо захотелось. Зуд, беспокойство, острое психологическое желание почесать место, которого нет... или обратиться подальше.

Он стоял, привалившись спиной к стене, и пытался понять что почувствовал, попутно озираясь по сторонам. Ну что тут поделаешь – не умел он не смотреть по сторонам. Вот не умел.

Какой-то подозрительный автомобиль припаркован на той стороне улицы. И вот этот фургон чуть дальше – что он тут делает? Это фургон доставки, понятно, но... Что он тут доставляет? Припарковался у парапета над магистралью. Он что, посылки с моста сбрасывает?

Паранойя? Почему нет? Но, с другой стороны... Как учил гражданин Пинкертон «Если у вас паранойя, это еще не значит, что за вами не следят». Что такое интуиция, в конце концов? Это информация, которую мозг обработал на подсознательном уровне. Сознание не проследило логическую цепочку, а потому недоумевает – что, собственно, происходит? А в его нынешнем состоянии... Он что-то увидел? Наверняка. Но что? И он заставил себя вспоминать.

Дело в том, что человеческий мозг обладает интересным свойством – он ничего не забывает. Проблема не в памяти, а в нашей способности извлекать из нее искомое. Этот нехитрый постулат он открыл для себя во времена личной античности, так сказать. И вот теперь, кажется, мог дать своей памяти шенкелей, и, даже не закрывая глаза, прокрутить в воображении картинку, которую наблюдал минуту назад.

Что же там было? Внимательно. Люди на площади... Он рассмотрел каждого из них в отдельности (ну, тех, кого смог тогда увидеть) и не счел ни опасными, ни примечательными. Машины? Их он заметил позже. Какие-то нестыковки, несуразности?..

В своем воображении Макс поднял взгляд и посмотрел на офисное здание. Могучий куб из стекла и бетона. И где-то посередине увидел открытое окно.

Ну и что? То есть, да, погода прохладная, да и не принято в таких вот местах открывать окна – везде стоят кондиционеры, если кому припекло. Но все-таки – ну и что? Глупость какая-то...

Проверять было глупо, хотя выглядеть глупо он не боялся. Не проверять... Как говорил один великий из прошлого – лучше делать и разочаровываться, чем не делать и все равно разочаровываться.

²⁶ Стивен Уильям Хокинг (1942-2018г.). Британский физик-теоретик, космолог и астрофизик. Считался человеком с самым высоким IQ в мире.

11.

Все это ему очень не нравилось. Он считал себя достаточно компетентным и умелым... специалистом в своей области, хотя и не любил термин «мастерство». Мастерство – это врач, который может поставить диагноз и вылечить пациента. Таких немного. Мастерство – это многочисленные реставраторы, повадившиеся в последнее время публиковать видео в которых из кучи ржавого металлолома воссоздавали если и не шедевр, то просто милую вещицу (и он им люто завидовал). Мастерство – это азиатский мальчишка, играющий на гитаре как взрослый виртуоз. Мастерство – это люди, создающие новые технологии и разбирающиеся в них... Вон Алан Рэй, например.

А он...

Но он считал себя специалистом, и как специалисту ему очень не нравилось то, что происходило. Как специалисту ему не нравилось, когда в его работу лезли не специалисты.

Сперва они сказали ему, что он должен следовать за группой слежения и ждать команды. Он вежливо так возразил, что вообще-то он так не работает. Обычно ему выдавали имя, изображение цели, иногда – место нахождения (это бывало удобно) и прочую стандартную информацию. Но это ладно.

Но далее они заявили, что сами собираются определить оружие, позицию и дистанцию. На это он, уже откровенно оскорбившись, заявил, что, как профессионал, сомневается в их компетенции по этому вопросу. На что ему было сказано, что на этот раз будет именно так.

Однако, когда ему сообщили про выбор оружия... Вы что там, совсем с ума сошли? И он объявил им о том, что отказывается от операции. В ответ на это они очень вежливо попросили его проверить свои банковские счета, в том числе закрытые, анонимные и те на которых он держал крипту Корпорации. Он проверил. Счета оказались пустыми. Далее, не менее вежливо, они ему заявили, что после выполнения этого задания все средства к нему вернутся, плюс гонорар, но сейчас...

В общем, все это было откровенно тревожно, и все его инстинкты профессионала кричали о том, что надо бежать. Исчезнуть. Черт с ними, с деньгами. Можно заработать еще. И, будто бы, услышав эти его мысли, они решили напомнить ему с кем он имеет дело, и что если ему кажется, что он сможет уйти, скрыться от спецдепартамента, тогда, видимо, он и в самом деле не тот человек, который им нужен. Но, поскольку он уже выполнял для них подобные поручения, вряд ли они могут позволить ему просто так соскочить.

Однозначный намек – либо делай, что велено, либо... Правда, он полагал, что второе «либо» состоится в любом случае. Но не идти же как овца на убой. Надо все же попробовать, хотя бы попытаться сбежать. В конце концов, у него, как и всякого профессионала, была пара козырей в рукаве – он же не цветами торговал.

И тут, в довершение аргументации, они прислали ему на смартфон фото Марии. На его очень отдельный и считавшийся никому не известным аккаунт. А потом на еще один никому не известный аккаунт... И еще... Фото, сделанное, очевидно, буквально только что. Она явно не подозревала, что ее фотографируют, потому выглядела особенно мило... Крыть было нечем. Мария была ни при чем, она даже не подозревала чем он занимается... И лучше бы так и оставалось. Но это фото однозначно говорило, что ТАК не останется.

Он мрачно спросил у них, какая дистанция и позиция. Двести метров, офисное здание на площади. Ничего особенного, вроде. И какое им нужно оружие? Чем мощнее, тем лучше. Баррет М-82²⁷ им подойдет? – язвительно поинтересовался он. – Или, может, гранатомет? Какое-то время они не отвечали, и он вдруг с ужасом понял, что они там выясняют что такое Баррет

²⁷ Баррет М-82. Тяжелая крупнокалиберная самозарядная снайперская винтовка.

М-82. Не иначе как в Википедии. Но через минуту они как-то неуверенно и совсем без восторга заявили, что должен подойти. При условии использования бронебойного боеприпаса. На площади? Посреди толпы? М-82 с бронебойным? Вы там с ума посходили? Да таким выстрелом он завалит человек десять на линии огня. Абсолютно посторонних и непричастных. Так надо, ответили ему.

Это уже была не его работа. Это уже смахивало на терроризм. А он, как ни могло показаться странным, был чертовски щепетилен в подобных вопросах. Не из каких-то моральных соображений – просто аккуратность. Но они так ловко, быстро и без напряжения взяли его за плотку...

Через час прислали фото объекта. Ну, на вид ничего особенного. Мужик чуть выше среднего роста, согласно биометрии (на кой они прислали ему биометрию?), темные волосы, темные слегка запавшие глаза, взгляд какой-то пронзительный и насмешливый. Черты лица как будто заостренные. Жесткое лицо, небось бабам нравится. Черт, да кому какое дело? В ближайшее время он собирался разнести это лицо в клочья, а если они хотя бы прикоснуться к Марии... то не только это лицо.

И вот он торчал в этом закрытом то ли на дезинфекцию, то ли еще по какому поводу офисе, в метре от открытого окна, тяжеленная винтовка на сошках ждала своего часа на отодвинутом письменном столе... Он заранее настроил прицел, паралакс, все как надо... Точно так же он заранее закольцевал все доступы камер видеонаблюдения. Ибо не верил никому и никогда... кроме Марии. И если они его так... то что им мешало сделать записи с камер и потом его же этими записями...

В общем, он ждал. Вскоре в наушнике прозвучало: «Вижу объект».

Он поднялся с кресла и подошел к столу с винтовкой, наклонился, вжал приклад в плечо заранее предвкушая нечеловеческую отдачу этого монстра. Потом отпустил винтовку, поднес к глазу монокль и принялся рассматривать площадь.

«Выходит на площадь, – раздалось в наушнике, и тут же: – Нет, стоп. Остановился. Почему он остановился? Что он делает? Сел на асфальт. Задумался. Внимание... Он что, смотрит в нашу сторону?»

Боги на пороге. И как же это надо было вести скрытное наблюдение, чтобы тебя вычислили за три секунды?

«Что он делает? Уходит? Идти за ним?»

«Нет, оставайтесь на позиции...»

«Ага, вот, выходит. На позиции – приготовиться».

Ну, что ж, пришло его время приготовиться. Он отложил монокль, и стал рассматривать площадь уже в прицел. Но происходило что-то странное. Цель двигалась... То есть, со стороны это выглядело совершенно естественно – идет себе человек и идет. Но его невозможно было поймать в перекрестье. Вот он будто бы случайно спрятался за одного прохожего, за другого, вот мамаша с коляской, тут группа подростков... Он что же, прикрывается прохожими? Черт, но для этого нужно было четко знать позицию снайпера и иметь чудовищный контроль движения... Проклятье, для этого вообще нужно было иметь чудовищный самоконтроль. Такое разве возможно?

«На позиции, почему не стреляете?» – нервно поинтересовались в наушнике.

«Не могу прицелиться. Он постоянно перекрыт прохожими. Как будто знает...»

В конце концов, стрелок получил ответ. Его цель, перед тем как окончательно скрыться, посмотрела... Он что, реально посмотрел прямо на него? Прямо в глаза через прицел. Нет, это невероятно. Но так оно и было. Посмотрел, да еще и хитро так подмигнул, и тут же исчез. Все. Задание было провалено.

«Черт, куда он делся?» – возмутился кто-то из группы наблюдения.

И тут вдруг в наушнике зазвучало нечто совсем несуразное. Какой-то металлический грохот, скрежет... Когда-то давно его бывшая не глядя открыла дверь своей машины, и ее на полном ходу снес грузовик. Звук был очень похожий.

И сразу же как-то не очень отчетливо, приглушенно, будто издалека в наушнике прозвучал новый голос «Привет. А вот и я. Анализы на дом заказывали? Так оно вас навестило. Доставляем высококачественное дерьмо по цене производителя». А дальше... Прозвучало два выстрела, потом несколько глухих ударов, один громкий, но очень короткий крик. И все.

«Второй, что у вас там происходит?» – спросил кто-то.

Второй не откликнулся, а через несколько секунд скрежет и вопли повторились. На этот раз, правда, без приветов и бреда про анализы.

Или стрелок ни черта не понимал, или группы наблюдения были уничтожены. Хотя, он один черт ничего не понимал. Но инстинкты подсказывали ему, что самое время убираться. Черт с ним со всем. Он сваливает. Заберет с собой Марию, они быстро соберутся, возьмут деньги, которые еще остались – наличные, инвестиционные монеты из сейфа, – и исчезнут. Объяснения потом. Сейчас надо все делать быстро.

Он разрядил Баррет и принялся его упаковывать. Баррет – железзяка здоровенная, неудобная. Укладывать ее в кейс, даже в разобранном виде, – удовольствие сомнительное. Но он был профессионалом, а потому...

Между лопаток у него вдруг остро зачесалось. Ощущение, которого любой снайпер должен избегать. Он на секунду замер, а потом резко обернулся, попутно выхватывая из кобуры 226-й Сиг²⁸.

Да, он стоял там – его нынешняя цель. Торчал в дверях и рассматривал своего несостоявшегося убийцу.

Стрелок обалдел.

Хорошо, предположим, этот тип почуял опасность. Уничтожил группы наблюдения, считал его позицию... Все это требует невероятных навыков, но предположим. Как он сюда добрался с такой скоростью?

Объект стоял и как-то равнодушно рассматривал направленный ему между глаз ствол. Потом ему это, очевидно, надоело (или 226-й Сиг его не впечатлил, своим малым калибром – не Баррет), и он уставился стрелку в глаза. И стрелку от этого взгляда сделалось нехорошо. Было в нем что-то...

– Давай так, – проговорил жуткий незнакомец. – Я дам тебе один шанс. Ты стреляешь. Если успеешь, если попадешь – я дам тебе уйти. Если нет... – Он развел руками.

Он нес какую-то ахинею. Если стрелок выстрелит, успеет и попадет, он уйдет сам, и уж точно не станет спрашивать разрешения у трупа. У него не было привычки разговаривать с трупами. И вообще, они тут что, в голливудском боевике? О чем говорить? И он дождал спуск.

Стрелок всегда считал, что он хорош. Может быть, не лучший, но с пяти метров из Сига промахнуться... Однако, произошло немыслимое. Объект как будто размылся в пространстве, пуля пробила гипсокартонную стенку офиса, а сам стрелок... Как это было написано в одной книжке «Упал с пробитым черепом, и больше уже не жил»²⁹.

– Идиоты, – проговорил Макс, глядя на поверженного врага.

Елки-палки, как много идиотов на свете. Правда, теперь сделалось чуть-чуть поменьше. Совсем чуть-чуть.

Ему вдруг пришло в голову, что раньше он никогда никого не убивал. А тут вдруг нате – семь человек. Четверо в фургоне, двое в другой машине, и этот вот Робин Гуд. Что он чувствовал по этому поводу? Сложно сказать. С одной стороны, конечно, они собирались его убить

²⁸ SIGZauer P-226. Пистолет выпускаемый одноименной немецко-швейцарской компанией.

²⁹ Михаил Успенский. «Приключения Жихаря».

– ради этого, собственно, все тут и обустроили, – так что, с формальной точки зрения... Да чего там, и с неформальной он не ощущал никакого потрясения, растерянности, или что там принято чувствовать в таких случаях. Он просто совершил некое действие. Все. Интересно, а до всех этих превращений он бы тоже так равнодушно все это воспринял? Вопрос без ответа.

Он подошел к передвинутому столу и откинул крышку кейса. Увидав содержимое – присвистнул. Посмотрев на лежащие отдельно патроны, снова присвистнул. Вот это уже по крупному. В следующий раз они, наверное, пригонят обвешанный ракетами вертолет. Или даже, во избежание очередных несуразных потерь личного состава, беспилотник. Как бы так не допустить следующего раза?

В общем, можно было понять и предположить как они его вычислили. Можно было даже на эту тему пофантазировать. Только как бы так нафантазировать, чтобы больше этого не произошло? А то рано или поздно вертолет все-таки может появиться.

Он вдруг почувствовал, что ему не хочется бегать вечно.

А еще... Еще он почувствовал что-то белое. И это его напугало до чертиков. Елки, а он ведь целый месяц ни черта не боялся. Даже вид этого Баррета с бронебойными патронами его не так чтобы сильно напугал. Но вот эта белизна... Это было то самое ощущение – ощущение жуткой, нечеловеческой, всепоглощающей боли, которое он переживал в течение черт знает сколько времени (ему показалось – вечности) там, в лаборатории доктора, когда над ним ставили эксперимент.

Боли не было, но белизна его испугала. Белизна. По другому он объяснить не сумел бы.

Но сейчас, в конце концов, не время. Надо убираться отсюда. На всех вокзалах и автостанциях наверняка дежурят, ждут его. Можно сотворить новую фейковую личность, оформить на нее кредит, купить машину. И свалить из этого города. Или вовсе из страны? Ну, если только в трюме каких-нибудь контрабандистов. Через границу его, конечно, не пропустят. Хотя, можно попробовать поработать и на эту тему. И не нужны нам никакие контрабандисты.

12.

– И как вы его поймали?

– Это секретная информация.

– Ой, оставьте, босс, – пробормотал доктор и устало опустился в кресло, искоса глянув на монитор.

Он не хотел туда смотреть, не хотел его видеть, но ничего не мог с собой поделать. Это было как... Как ошибка, неудача, черт его знает что – что-то о чем ты не хочешь вспоминать, думать, не хочешь видеть, но оно постоянно всплывает в памяти или попадает на глаза. То ли потому что ты подсознательно к этому стремишься, то ли потому что ты просто идиот... Или это одно и то же? А может, смесь бессилия интеллекта с муками совести? Бывает такое? Черт его знает. Откуда бы у него взялась совесть и не сдался ли его интеллект перед этой головоломкой?

Босс был, как всегда, великолепен. Ни у кого и никогда не могло бы возникнуть сомнений в том, что он именно босс. Он умел подавлять одним своим присутствием, не говоря ни слова – просто наличием. Иногда доктор даже завидовал этой его способности. А еще босс был умен, неприятно умен. И безжалостен. И... Доктору вдруг стало интересно как бы босс повел себя в присутствии Алана Рэя. Алана Рэя в его вечной толстовке, либо в футболке, либо в нахальном пиджаке с короткими рукавами... молодого, умного, наглого, пренебрежительного гения, который подсадил на свое присутствие буквально весь мир. Алана Рэя, которому плевать на авторитеты, который смеялся над чиновниками и министрами, над президентами, и плевать ему было кто тут считает себя боссом. У Алана Рэя не было и не могло быть боссов. Или так не бывает? Всегда есть что-то, что тебя... Семья, обстоятельства, законы физики... Или это уже оправдания?

Босс, тем временем, тоже опустился в кресло, сделав это, разумеется, как босс. Было в нем что-то от английского лорда в дохренадцатом поколении. И немножко от вампира.

– Мы его не ловили, – сообщил, наконец, босс. – Он уничтожил опергруппу, снайпера, и сбежал.

– И все же...

– Нам просто повезло. Спустя два дня прохожие обнаружили его в одном из городских парков. Он лежал на газоне и не подавал признаков жизни. Прохожие вызвали скорую, и...

– Ясно, – усмехнулся доктор.

Босс посмотрел на него пристальным взглядом, который выражал непонятно что – то ли неодобрение, то ли... непонятно что.

– Фельдшер скорой потом говорил, что тело было твердое как деревяшка. Сперва он решил было, что это уже трупное окоченение, но потом заметил дыхание, нащупал пульс...

– Ясно, – снова сказал доктор. – Судорога.

– Это не просто судорога, это... Они пытались сделать ему укол, но...

– Ясно...

– Да что вам может быть ясно? Что вообще происходит? Что это за объект? Какого монстра вы пытались сотворить на этот раз, доктор Франкенштейн?

– Я? – удивился доктор. – Все протоколы моих исследований были вам предоставлены.

– Включая ваш отчет о визите загадочного генерала, – усмехнулся босс.

– Да, и это. Потому что если вы до сих пор не поверили в его существование, задумайтесь над очень простым вопросом.

– Каким?

– Откуда взялся он? – прорычал доктор, тыча пальцем в монитор.

Монитор демонстрировал комнату похожую на тюремную одиночку. Никаких изысков. Прикрученная к полу кровать, унитаз... Все. Правда, потолки там были высоченные – колодец ни дать ни взять. Только вот стены комнаты – доктор это знал – были из особо прочного бетона, дверь комнаты могла выдержать прямое попадание ракеты, а внутри – в стенах, под полом и потолком, были установленные микроволновые излучатели, способные за секунду изжарить слона до хрустящей корочки. Интересно, подумал он вдруг, с какой целью вообще создавалась эта комната? Вряд ли они так вот оперативно ее соорудили для его подопытного. Тогда зачем? Марсиан допрашивать? Слонов жарить?

И посреди всего этого великолепия, вернее, привалившись спиной к стене, восседал на полу его недавний подопытный-собеседник.

Босс, тем временем, то ли искал ответ на вопрос доктора, то ли просто задумался о чем-то своем.

– У меня лишь два вопроса, – сказал доктор.

– Валяйте, – вздохнул босс.

– Первый – почему вы не уничтожили его сразу? Почему просто не взяли и не выстрелили в голову в упор чем-нибудь надежным и бронебойным? Ведь изначально вы именно это и собирались сделать.

Босс посмотрел на доктора задумчиво, и сказал:

– Потому что появилась возможность доставить его сюда невредимым. А вы бы хотели, чтобы мы его уничтожили?

– Да как я могу чего-то хотеть, или не хотеть в сложившихся обстоятельствах? – в сердцах выпалил доктор.

– А второй вопрос?

– Зачем вы вызвали меня?

– А кого же еще? – удивился босс. – Это же ваше творение... Ладно, ладно, не ваше. Пусть вы и не понимаете что произошло, но остальные-то понимают еще меньше. Не к Алану Рэю же нам обращаться?

– Да, это уж точно, – усмехнулся доктор. – Этот хитрый выскочка... Ему дай только бит информации – остальное он сам додумает.

– Хорошо, что вы это понимаете, – кивнул босс.

Доктор усмехнулся. Какое-то время они сидели молча, глядя на монитор. Человек, чью судьбу они тут решали, за это время даже не пошевелился.

– Значит, боль к нему вернулась, – проговорил доктор. – Ненадолго... насколько?

– Три дня.

– Три дня в аду, – мрачно усмехнулся доктор. – Немало.

– Вы ему как будто сочувствуете.

– А почему нет?

– Почему? – усмехнулся босс. – Ну, как мне казалось, это не в вашем характере.

– Ах, оставьте, – отмахнулся доктор. – В истории можно насчитать чертову уйму врачей, которые были безжалостны к тем на ком экспериментировали, чтобы в итоге спасти человечество от жутких болезней.

Босс посмотрел на него с недоверием и поинтересовался:

– Вы что же, записали себя в спасители человечества?

– Нет, – фыркнул доктор. – Я еще не свихнулся до такой стадии самонадеянности.

Босс удовлетворенно кивнул, а потом спросил:

– Так что же нам делать с этим? – он ткнул пальцем в сторону экрана.

– Во всяком случае, не убивать, – жестко сказал доктор.

– Почему нет?

– Вам сколько причин назвать?

– Хотя бы одну.

– Хорошо. Причина номер один – это будет необратимый поступок. Его нужно изучить, исследовать. Ведь мы не сможем создать второго такого же, если вдруг передумаем. А на фоне всего происходящего в мире...

– Вы имеете в виду этих странных пришельцев? – помрачнел босс.

– Да. Что-нибудь удалось выяснить?

– Вообще ничего, – вздохнул босс. – Возникают ниоткуда, исчезают в никуда, ломают все на своем пути. Это напоминает нашествие супергероев-эмбицилов.

– Емкий образ, – усмехнулся доктор.

– Спасибо, – фыркнул босс. – Пули их не берут...

Тут он запнулся, и уставился на экран.

– А вот вам и причина номер два, – победно провозгласил доктор. – Кстати, кто-нибудь уже спрашивал о чем наш подопытный так мило болтал с тем пришельцем?

– Ваш подопытный до сих пор не соизволил произнести ни слова, – фыркнул босс. – Может, он после приступа потерял дар речи?

– В первый раз я тоже предполагал нечто подобное, – кивнул доктор. – Однако вскоре он оказался весьма разговорчив.

– У вас, небось, найдется и третья причина сбегать вашего питомца? – ядовито поинтересовался босс.

– Легко. Навскидку. Сколько он был в бегах? Месяц? Больше? Как ему это удавалось? Как он обходил системы наблюдения? Ваши специалисты изучили его смартфон? Или ноутбук – не может быть, чтобы при нем не было ноутбука. Как создал учетную запись?

Босс пожал плечами:

– Мы предполагаем, что украл. Знаем о как минимум одном случае взлома банкомата. В ноутбуке стоит страшное количество каких-то кажется хакерских программ. Судя по всему, некоторые он написал сам. Система предупреждения о наблюдении с расположением большинства камер и прочего.

– Вот видите, – обрадовался доктор. – Он и без своих сверхспособностей оказывается чертовски интересным типом.

– Ну и что? – мрачно поинтересовался босс. – Мало ли таких типов бегают по свету? С ними проще – они не уворачиваются от пуль и не уничтожают целые группы ликвидации. Просто напяливают маски Гая Фокса³⁰ и воображают, будто им известно как должен быть устроен мир. Обычные идиоты.

Доктор вздохнул, потом задумался и выдал:

– Хорошо. Тогда аргумент биологический. Он в бегах месяц, так? Как вы полагаете, у него за это время могли быть контакты с женщинами?

Босс посмотрел на него удивленно. Потом криво усмехнулся.

– Контакты с женщинами? Вы так это называете?

– Нет, если он гей – все намного проще. Хотя, мне так не кажется. Но если на секунду предположить, что все же женщины были... Ну посмотрите на него – он весьма приятен внешне, обаятелен, кроме того... Он был безногим бомжом много лет. Думаю, соскучился по...

– К чему вы клоните, доктор? – не понял босс.

– Ну, давайте предположим, что он встречает женщину, и она, скажем, от него беременеет. Как вам кажется, что это может быть за ребенок?

Босс, кажется, обалдел от подобного предположения. Такой расклад явно не приходил ему в голову. А должен был бы.

³⁰ Гай Фокс. Самый знаменитый участник британского «порохового заговора» 1605 года. В современной культуре, благодаря комиксам, маска Гая Фокса стала одним из символов различных протестных движений.

– Беда в том, что мы ничего о нем не знаем, – заявил доктор. – Не знаем не только чем он стал, но и кем был. Сдается мне, он и в прежней своей жизни был очень непростым человеком. А уж если целый спецдепартамент не может ничего на него накопать... Только по одному этому поводу стоило бы встревожиться.

– Хорошо, что вы предлагаете?

– Мне надо с ним поговорить, – заявил доктор. – Надо вытащить из него хоть какую-то информацию, зацепку, намек, хоть что-то.

– С ним пытались говорить лучшие дознаватели. Он не соизволил даже обратить на них внимания. Почему вы решили...

– Потому что он говорил со мной в прошлый раз. Потому что он сам не понимает что с ним произошло, а ему это, очевидно, до чертиков интересно. Потому что я как раз не дознаватель – ваших дознавателей он на завтрак сожрет, я думаю. Потому что даже в случае неудачи, что мы теряем, черт побери?

13.

– Ну, вот мы снова встретились, – донесся откуда-то отовсюду знакомый голос.

Макс поднял голову и принялся озиаться. То есть, конечно, не принялся. Он и раньше заметил окно на высоте метров трех над полом – зеркальное, непроницаемое, наверняка бронированное. Ему даже на какое-то мгновение стало интересно – сможет ли он дотуда допрыгнуть и вышибить как-нибудь безликое стекло? Конечно, это он не всерьез. Он прекрасно понимал, что даже если получится, так просто отсюда выбраться он не сможет. Теперь они знали с кем имеют дело... То есть, ни черта они, само собой, не знали. Он и сам не знал. Но именно поэтому меры безопасности должны были оказаться чудовищными. Избыточными. Абсолютными... Бывают такие? Вряд ли. Он буквально кожей чувствовал некий низкий электрический то ли гул, то ли звон, исходящий откуда-то из глубины стен. Что это было? Он не знал, но спать мешало страшно и зудело в зубах. Мог только фантазировать. Например, что его посадили в громадную микроволновку, и стоит только ему чихнуть не в той тональности – моментально врубится автоматика, и по нему ударит что-нибудь очень высокочастотное. Интересно, его обновленный организм такое выдержит? Проверять не хотелось.

Он посмотрел вверх. Стекло сделалось прозрачным, и за ним виднелась знакомая физиономия.

– А-а, профессор, – вяло обрадовался Макс (в последний момент заменив «Итить твою мать»³¹ на «А-а»). Еле сдержался.

– Мы же договорились, что я не профессор, – поморщился доктор.

– Ну, на том уровне духовного родства в которое мы с вами провалились, я оставляю за собой право называть вас именно так. Согласен обойтись без Фарнсуорта и Таракана.

– Веселитесь? – усмехнулся доктор.

– А то. Номер вполне комфортный, с таким декором... – Макс кивнул в сторону металлического унитаза.

Профессор молчал. Макс тоже. Ну вот ни малейшего желания ему помогать.

– Мы изучили ваш смартфон и компьютер, – проговорил, наконец, доктор.

– Да? – деланно удивился Макс. – А я думал, вы специалист в биоэлектронике. Есть же такой термин? Биопротезы, нанотехнологии, камеры в таблетках...

– Почему вы так думали? – напрягся доктор.

– Ну, профессор, перестаньте. Это очевидно после того блестящего эксперимента, который вы надо мной учинили.

Доктор снова помолчал, а потом обернулся и медленно сообщил:

– Как понимаете, я тут не один.

– Понимаю, – кивнул Макс. – Вас там много, и имя вам – легион. Так что там с компьютером? Кстати, хотелось бы получить его назад. А то нарушаете, понимаешь, мои гражданские права – маме позвонить не даете, в сети попоститься, бодрые фотки из каземата выложить...

Тут за спиной у доктора кто-то, очевидно изо всех сил, стараясь остаться незамеченным, шевельнулся, что-то щелкнуло... Видимо, микрофон отключился. Но Макс не был нужен микрофон. Это, конечно, не жужжание мух на далекой помойке выслушивать, но вполне сопоставимо. А еще... Вот хрен его не знает что это было, но он мог, пообщавшись какое-то время с человеком, определив его личность, его манеры будто бы... Фантазировать? Додумывать? Вкупе со сверхострым слухом, который он, к тому же, по рекомендациям Мастера Синанджу³², научился фокусировать наподобие зрения, получалась ничего себе шпионская прослушка.

³¹ «Итить твою мать, профессор!». Реплика Шарикова из повести М. Булгакова «Собачье сердце».

³² Мастер Синанджу. Персонаж серии книг Ричарда Сэпира и Уоррена Мэрфи. Представитель древнейшего корейского

– Это не просто наглость, – проговорил некто за стеклом. – Он нас прощупывает. Ваш питомец совсем не прост, доктор, осторожнее с ним.

Эвон как, подумал Макс. Я, оказывается, его питомец. Миска с кормом, поводок... стерилизация. Но, кто бы там ни был, этот человек явно был неглуп, быстро соображал, а главное... Умел, видимо, правильно задавать вопросы и тонко чувствовать финты собеседника. Как это назвать? Умение брать интервью? Или вести допрос? Поди разберись.

Микрофон снова щелкнул.

– Мы поговорим об этом позже, – явно соврал доктор.

– Ладно, – легко согласился Макс. – А о чем мы поговорим сейчас?

– Например, о вашем самочувствии.

– О-о, благодарю, со мной все прекрасно. Был момент, когда я чуть не сдох, но, как я понимаю, теперь я лишен подобной роскоши.

– Почему вы так решили? – напрягся доктор.

– Э-э, нет, профессор, – Макс хитро погрозил ему пальцем. – Вспомните правила. Баш на баш. Вы мне, я – вам.

– Вы о чем?

– Ну, мы же с вами давно договорились. Я на вопросы просто так не отвечаю.

Микрофон снова щелкнул, и тут вдруг Макс понял две вещи. Во-первых, что ему будет гораздо удобнее и проще, если тот невидимый тип, кем бы он ни был, подключиться к беседе. А во-вторых, и в главных... Как бы это... Он почуял в невидимом компаньоне доктора кого-то вроде соперника. И вдруг нестерпимо захотелось помериться с ним силами. Боже мой, какое дурацкое желание! Но тем не менее. Что может быть страшнее смерти? Разумеется, скука. Оставалось только решить как подвести их к этой мысли, не выдавая избыточной информации. Например, о том, что он их прекрасно слышит сквозь стены. А потом решил – да пошло оно все. Бритвой Оккама³³ по горлу.

– Эй, профессор! – крикнул он в сторону окна. – Вы не поверите, но мы управимся гораздо быстрее, если ваш коллега подключится к разговору напрямую, а не будет каждый раз подсказывать вам реплики.

Кажется, по ту сторону стекла возникла некая растерянность, но потом микрофон щелкнул, и рядом с профессором возник некто пожилой, худощавый, одетый в неброский, но явно дорогой костюм. Его седые волосы были так тщательно и аккуратно причесаны, что наводили на мысль то ли о парике, то ли о лаке для волос... то ли о военном прошлом? Жесткие черты лица, колющий взгляд, уверенная манера держаться... И... Макс бы это назвал уверенно тревожная координация движений. Он только подошел к стеклу, но как-то сразу стало понятно, что этот тип совершенно спокойно и буднично отдает приказы на убийства, потому что явно когда-то и сам этим занимался.

– Добрый день, – проговорил недобрый старикан.

– Здравсте, – приветствовал его Макс.

– Откуда вы узнали, что я тут?

– Доктор сам же сказал, – удивился Макс. – А судя по тому с каким остервенением он с вами там советовался – вы либо его начальство, либо внутренний голос. А на шизофреника наш профессор не похож.

Пожилой усмехнулся и кивнул, показывая, что принимает такое объяснение. А затем принялся провозглашать:

клана наемных убийц.

³³ Уильям Оккам (1285-1347). Английский философ. Принцип «Бритвы Оккама» гласит: «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости».

– Итак, позвольте вам сообщить как обстоят дела. Вы находитесь в укрепленной комнате на секретном объекте. Комната оборудована таким образом, что при малейшем вашем неосторожном движении вы будете тут же уничтожены. И я бы рекомендовал вам перестать паясничать как подросток, и начать отвечать на вопросы.

Макс спокойно выслушал его речь и согласно кивнул.

– Так что... – начал было пожилой незнакомец.

– А зачем вы мне все это рассказали? – перебил его Макс.

Пожилой неприязненно посмотрел на него и ответил:

– Чтобы вы понимали расклад.

– Да? Но простите, это не имеет никакого отношения к раскладу, – возразил Макс. – Как обстоят дела я прекрасно понимал и без этого вашего откровения. И вашей грозной речи противоречит один нестигаемый факт.

– И какой же? – усмехнулся пожилой.

– Я до сих пор жив. Так что либо ваше лютое оборудование ничего не может со мной поделаться, либо я нужен вам именно живым и здоровым. Значит, вы от меня чего-то ждете. Значит, вам чего-то от меня надо. А раз вам чего-то надо, то...

– Вы собираетесь торговаться? – поразился пожилой.

– Разумеется, – улыбнулся Макс. – Все в мире есть торговля. Можно, конечно, угрожать, бряцать оружием, но... Как говаривал Карл фон Клаузевиц³⁴ «Война ведется с целью достижения мира на наиболее выгодных условиях для победителя». Так что все кончается торговлей. Даже под пыткой. Информация – как плата за прекращение боли. Может, не будем время терять?

Кажется, пожилой потерял дар речи. Он долго молчал, разглядывая Макса как заговорившего кота, а потом восхищенно фыркнул:

– Наглец. И что же вы, по-вашему, можете выторговать?

– Ничего сверхъестественного. В первую очередь – книги. Чем больше – тем лучше. Можно бумажные, но будет намного проще закачать по каталогу на ноут. Можете блокировать в нем все возможности связи с сетью, дабы я с перепугу чего не хакнул. Хотя, и не уверен, что из этой комнаты...

Пожилой долго думал, потом посмотрел на доктора. Доктор пожал плечами. Разумеется, они не считали это чем-то опасным.

– Далее... – начал было Макс.

– Нет-нет-нет, – хитро улыбнулся пожилой. – Теперь ваша очередь.

– А, ну да, – вздохнул Макс. – Банкуйте.

Главной целью всей этой говорильни были, разумеется, не книги. Хотя мозг их действительно требовал. Главным было подселить им в подсознание установку на то, что у них ограниченное количество вопросов. Насколько это было бы в самом деле эффективно, Макс не знал, поскольку не знал этого матерого старика (а старик был явно не прост). Конечно, они считали себя хозяевами положения с абсолютным преимуществом. Он заставил их в этом сомневаться, хотя, они пока еще этого не понимали. И фишка была не в игре в вопрос-ответ, не в торговле. Он проверял насколько способен на них воздействовать и манипулировать. Первая аккуратная проверка показала, что это возможно. Ну и зачем нужны сверхспособности, если люди такие... люди?

– Итак, могу ли я узнать ваше имя? – проговорил старик. – Я имею в виду – настоящее имя.

Максу показалось, что он ослышался. Старик только-только начинал ему нравиться, и так вот бездарно все слить? Такой неуклюжей попыткой... Или, на уровне информированности

³⁴ Карл Филипп Готлиб фон Клаузевиц (1780-1831). Прусский военачальник, военный теоретик и историк.

старика, эта попытка не казалась такой уж неуклюжей? А с другой стороны, с какой стати он должен вести себя с ними как-то иначе, нежели со всеми прочими? А он никогда не доверял всем прочим. Вообще никому не доверял. Даже тем, кто ему нравился. Не потому что считал всех людей злоумышляющими интриганами и злодеями – скорее уж раздолбаями с раздутым самомнением и языком без костей, способными из самых лучших и бескорыстных побуждений насрать тебе в тапки. А потом оправдать все сакральным «Я же хотел как лучше!». Но иногда встречались и такие вот старики.

– Имя, – задумчиво повторил Макс. – Я уже говорил доктору – его нет.

– Как это – нет? – встрял в разговор доктор за что был награжден гневным взглядом старика.

– А что такое имя? – усмехнулся Макс. – Слово с которым человек себя идентифицирует. У меня такого кода нет.

И тут старик сверкнул глазами. Черт побери, кажется, он что-то понял. Или ему показалось, что понял. Им ведь всегда кажется – они же тоже закодированы и способны действовать только на своей частоте. Рыба теоретически может предполагать существование неба, но она никогда не поймет что значит летать.

Микрофон щелкнул.

– Поздравляю вас, доктор, – проговорил старик в звуконепроницаемой (как ему самому казалось) комнате. – У нас тут мимик. Из всех ваших подопытных, вы ухитрились именно его наделить сверхспособностями.

– Мимик? – рассеянно пробормотал доктор. – Но... я думал, это легенда. Фейк. Сказка.

– Позвольте, вы же ученый, – усмехнулся босс.

– Ну и что? – не понял доктор.

– И что же тут сказочного?

Макс слушал их, как им самим казалось, неслышимый разговор, и мучительно боролся с желанием встрять. Но не спешил. Не стоит демонстрировать все козыри сразу. Вообще, он давно научился держать козыри и эмоции в разных карманах. Но черт побери, как же тяжело ждать и ничего не делать. Он всегда считал это своего рода... не искусством, конечно, но высокой степенью умения. Они называли его мимиком. Он раньше никогда не слышал этот термин... Ну, кроме как в связи с умением корчить рожи. Или было что-то еще?

Наконец, микрофон щелкнул, и старик проговорил:

– Нам нужно время подумать как быть с вами дальше.

– Всегда пожалуйста, – вздохнул Макс, в голове фиксируя ничью. – Но подумайте вот о чем. Человек что-то делает всего по трем причинам. Потому что хочет, потому что выгодно и потому что заставляют. Понятно, что всякая государственная машина и всякие там спецорганы умеют только заставлять. Но вам не приходило в голову, что можно действовать намного эффективнее?

– С уверенностью в завтрашнем дне? – уточнил старик.

– О, нет. Уверенность в завтрашнем дне – верный путь на кладбище.

Старик помолчал, а потом поинтересовался:

– И чего же вы хотите?

– Я уже сказал – книги, доступ к информации. Ограничивайте его как вам вздумается. Я все понимаю. Для начала – математика, физика, биология, медицина, электроника... А еще... Можно каким-то образом устроить душ? Я уже два дня тут... И шторку вокруг сортира. А то мало ли – застесняюсь до запора.

– Насчет душа – идея здравая, – кивнул старик. – Мы подумаем.

Окно снова стало зеркалом. Ну что за право слово? Вот не мог он закончить разговор никак иначе. Мастер допроса. Наверняка на каком-то подсознательном уровне ему казалось, что он оставил испытуемого мучиться неизвестностью.

Макс поднялся, прошелся по своей камере, и грохнулся на койку. Что ж, пока пусть будет ничья.

Но эти двое в верхней комнате все не унимались.

– Вот оно, значит, как, – едва слышно (так что Макс почти не расслышал) пробормотал доктор.

– Что вас так поразило? – поинтересовался старик.

– Что поразило? Да все. Но суть не в этом. Ему нужны знания. Вот как он ломал компьютерные системы и уходил от наблюдения. Очевидно, то, что изменило его организм, сделало быстрее, сильнее, крепче... Что бы это ни было, оно точно так же поступает с его мозгом.

– Может, вы и правы. А может, он все это умел и до вашего эксперимента.

– Оставьте, – возмутился доктор. – Если бы все это было до, сейчас он не требовал бы такой объем знаний. Математика, физика, медицина...

Кажется, старик задумался над его словами.

– Что ж, – проговорил он, наконец. – Это может стать нашим преимуществом. А может и не стать.

– О чем вы? – не понял доктор.

– Мы знаем что ему нужно. К чему он стремится. А он не знает к чему стремимся мы. Это может быть нашим преимуществом. Только вот... Мы же и сами не понимаем к чему стремимся. И при таком раскладе, я даже и не знаю – преимущество это, или уязвимость.

Макс вздохнул на своей койке. Он тоже не знал.

Стекло вдруг снова прояснилось, и старик сказал:

– Кстати, если не сочтете это авансом... или сочтете, но хотел спросить – о чем с вами говорил тот пришелец?

– Пришелец? А, этот... с крылышками. Он спросил кто я такой. Чем-то его страшно заинтриговала моя персона. Кажется, ему очень хотелось потребовать у меня документы, но тут примчалась полиция, подняла пальбу...

– Понятно, – кивнул старик. – И каково ваше мнение?

– О чем?

– Об этом пришельце, разумеется.

– Мн-н... – Макс задумался, а потом сказал, тщательно взвешивая каждое слово: – С одной стороны – интересная тварюга. Но я общался с ним всего минуту. А вот с другой... Неприятно. Он производит впечатление... Могущественного придурка, я бы так сказал. Сложно сформулировать. Выродившегося аристократа дорвавшегося до ядерного оружия, что ли. Как фантазия. Ну... Вот вы знаете кто такие Ротшильды, Рокфеллеры?

– Знаю, – сказал старик.

Еще б ты не знал, подумал Макс, но вслух сказал:

– Так вот, представьте себе. Не так давно развеселые ребята вроде Стива Джобса, Билла Гейтса, Илона Маска и прочих Аланов Рэев скинули их с пьедестала властителей мира, и они сделались тем, кем, собственно, всегда и были – самодовольными клоунами без чувства юмора. Мерзкие мутанты. И тут вдруг... Как бы объяснить... Вдруг они завладели всем ядерным арсеналом мира, и возомнили, что могут снова диктовать всем свои условия. Как по-вашему, они способны надиктовать что-нибудь путное?

Старик помолчал какое-то время, а потом спросил:

– И все это вы поняли после того как он спросил кто вы такой?

– Я не понял, – отмахнулся Макс. – Это мое воображение. Он и правда похож на не слишком умного ангела. Но времена ангелов давно прошли. И вот... если времена прошли, а ангелы остались – представляете себе как они бесятся?

14.

Корабль был просто громадный. Это был явный монстр среди кораблей и вообще среди всего, что когда-либо бороздило просторы мирового океана, или хоть где-то и что-то бороздило. Просто в голову не лезло, что нечто такое можно спустить на воду, не опасаясь повышения уровня мирового океана.

– Ничего себе байдарка, – пробормотал Макс, разглядывая эту махину. – Он над Марианской впадиной килем ни за что не зацепится?

Старик печально покачал головой.

– Что? – удивился Макс. – Это же... это...

– Знаете, ваша манера изъясняться... – вздохнул старик. – Никогда до конца непонятно – серьезно вы говорите или нет.

– Не переживайте, – отмахнулся Макс. – Я сам не очень отчетливо понимаю. И почти никогда не говорю серьезно. Это же скука смертная.

– Но в каждом вашем выкрутасе всегда есть смысл? – предположил старик.

– Как-то не задумывался, – честно признался Макс.

Ему не терпелось рассмотреть эту махину поближе. Он даже привстал на сидении вертолета, и ошалелым взглядом изучал эту водоплавающую бандуру.

– Не спешите, – усмехнулся старик. – Все еще увидите.

Макс послушно утвердил зад на сидении, но все равно нет-нет да поглядывал в окно на корабль.

– Для начала я должен вам кое-что разъяснить, – сообщил ему старик. – Это судно – секретная исследовательская плавбаза.

– Секретная? – не поверил Макс. – Такого размера? Хотя... вы вон в горах закапываете под землю эти самые секретные лаборатории...

– Бывает, – усмехнулся старик. – Судно не заходит в порты, не приближается к торговым путям, при опасности сближения с другими судами меняет курс...

– Да его со спутника без бинокля рассмотреть можно, – усмехнулся Макс.

– На этот счет у нас существуют протоколы...

– Понятно, – кивнул Макс.

Старик впился в него взглядом, очевидно, пытаясь понять, издеваются над ним, или нет. Так, видимо, и не найдя ответ, он продолжил:

– Судно полностью автономно. На борту четверо... пятеро исследователей. Это для нас своего рода... Я бы сказал – хранилище сложноперспективных проектов. Думаю, вы найдете для себя много интересного.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Макс. – Значит, я – сложноперспективный проект?

– Что-то в этом роде, – ничуть не смутившись кивнул старик. – И отсюда вы уж точно не сбежите.

Макс посмотрел на него с недоверием.

– Да, я все понимаю, – сказал старик. – Вы могли сбежать уже тысячу раз.

– А зачем мне это? Куда бы я побежал? Тем более, что вы настолько успешно выполняли все мои просьбы...

– Это правда, – согласился старик. – Пусть прозвучит грубо, но пряник всегда эффективнее кнута. Тут вы безусловно правы.

– Это со времен исхода евреев из Египта стало ясно, – заметил Макс.

– И все-таки, я не понимаю, – сказал старик. – Неужели ваше стремление к свободе так легко погасить удовлетворением столь банальных потребностей? Книги, информация, душ... Я полагал, что такие как вы не выносят контроля над собой.

Макс пожал плечами. Старик называл его мимиком, хотя сам Макс понятия не имел что имеется в виду, а старик упорно отказывался это комментировать. Точно так же никакой информации по этому поводу не нашлось в Сети. Были «мимы», была «мимикрия»... В каком-то старом фантастическом фильме, помнится, были инопланетяне, которых так звали³⁵. В другом таком же фильме мимиками называли насекомых-мутантов, вымахавших до неприличных размеров и таких же потребностей³⁶. Но это же ничего не объясняло.

– Совсем без контроля не бывает, – серьезно проговорил Макс. – Не бывает полного контроля и полного его отсутствия. Как нет рая и ада – все перемешано. Вопрос в том насколько мы готовы приспосабливаться к внешним условиям и брать их в расчет, либо встать в позу или полностью довериться кому-то другому. Это как религия против атеизма. Сдается мне, и те и другие неправы.

– Истина где-то посередине? – улыбнулся старик.

– Ах, если бы. В многомерном мире даже середины не бывает.

Старик, кажется, был с ним согласен.

– Эта штука двигается на атомном реакторе? – предположил Макс.

– Почему вы так решили? – спросил старик.

– Ну не на солярке же.

– Нет, конечно. На ней установлены позитивные батареи.

Макс посмотрел на старика удивленно.

– Вы не знаете что это такое? – поинтересовался старик.

– Конечно знаю. Только вот... Дайте-ка попробую угадать. На ней стоит навигационная система Алана Рэя, средства коммуникации оттуда же, программное обеспечение...

– Ну, по большей части...

– И вы называете эту посудину секретной?

– Все оборудование было тщательно проверено на тему...

– Перестаньте, – отмахнулся Макс. – Вы про Хуавей слышали? Наверняка у каждого сотрудника есть смартфон, ноутбук, они связываются с родными и близкими, получают информацию из сети, используя протоколы связи Алана Рэя... Ну вы даете. Там есть что-нибудь чего не касалась рука всемогущего Алана Рэя?

Старик пристально посмотрел ему в глаза. В нем очевидно происходила какая-то внутренняя борьба. Например, борьба с желанием вышвырнуть Макса из вертолета. Но, наверное, все было намного проще – выбор между сказать-не сказать. Хотя, если разобраться, и такого выбора у него не было – Макс рано или поздно сам бы все узнал.

– На борту есть кое-что... – проговорил, наконец, старик. – И это, я думаю, заинтересует вас больше всего.

– Да? И что это?

– Искусственный интеллект.

– Что? Опять? Очередной компьютер, запоминающий мои сексуальные предпочтения в сети и частоту употребления нецензурных слов? Или еще одна Альфа? – вдруг заинтересовался он.

– Не совсем так, – улыбнулся старик. – Это совершенно независимая автономная самообучающаяся система, принципов работы которой я не понимаю. Но она, к вашему удовольствию, не имеет никакого отношения к Алану Рэю. Более того – она настроена на отслеживание и ликвидацию любых его попыток проникновения.

– Круто, – усмехнулся Макс. – Вас послушать – она умнее Альфы.

³⁵ «Грань будущего». Американский фантастический боевик (2014г.) Режиссер Даг Лайман.

³⁶ «Мутанты» («Mimic»). Американский фильм ужасов (1997г.) Режиссер – Гильермо дель Торо.

– Не знаю, – честно признался старик. – Не думаю. Насколько я понял, она работает на совершенно иных принципах. Хотя, что это за принципы... Ну да вы лучше в этом разберетесь.

Макс подумал и кивнул. Хотя, и не вдохновился подобным объяснением. Сказать, что Альфа и тот загадочный ИИ, которых ждал его впереди работают на различных принципах, было все равно что сказать, что вот они со стариком, по большому счету, тоже работают на различных принципах. При том, что оба дышат воздухом, время от времени нуждаются в пище, сне и походах в сортир. Байка про различные принципы хороша пока дело не доходит до базовых принципов.

Но разобраться во всем этом... Да, черт побери, разобраться ему очень хотелось. В последнее время жажда разбираться, учиться, узнавать была для него чем-то вроде здорового острого чувства голода. А кроме того, уж бог его знает что там этот старик может и понимает на самом деле, он не знал одной пикантной подробности, которую Макс ни за что и никому не собирался раскрывать. А именно – он не понимал как мыслит (если вообще мыслит) и работает Альфа, но он понимал, как мыслит Алан Рэй. Иногда даже лучше самого Алана Рэя. Правда, это было много лет назад... Черт побери, достаточно много лет назад. Самонадеянность – это когда тебе кажется, что ты все просчитал, все понимаешь, что ты самый умный, а на самом деле... забыл купить туалетную бумагу, например. Или того хуже – ею воспользоваться.

Вертолет сделал круг над кораблем, который больше походил на запущенный в плавание заброшенный город, и начал снижаться.

Через минуту он мягко опустился на посадочную площадку. Старик распахнул дверь и полез наружу. Макс последовал за ним, оглядываясь по сторонам.

Площадка располагалась не в самом центре судна, но все равно. Он усмехнулся.

– Что вас забавляет? – осведомился старик.

– Да просто подумалось – чем больше корабль, тем больше на нем мест откуда не видно моря.

Старик задумался над его словами, но ничего не ответил. Он уверенным шагом направился к... как это называется на морском языке? Люку? Двери? Какому-то кингстону? Нет, кажется, кингстон – это что-то другое. Чтобы тонуть. Вообще Макса всегда забавляло, что в каждой профессии стремятся создать некий свой язык, как будто специально, чтобы его напрочь не понимали остальные прочие непричастные. Создание элитарности на ровном месте. Назови дверь люком, стену переборкой, высшую точку клотиком, а дырку слива в ванной кингстоном – и ты уже одной крови со стихией... как тебе самому кажется. Впрочем, вряд ли это повод для стеба. Как вряд ли простой смертный понял бы терминологию хирургов. А они вон этим ни черта не понимающим простым смертным жизни спасают. По большей части.

Они спустились куда-то в недра судна. Невероятно, но на лифте. Лифт был какой-то совершенно не морской, с мягкой обивкой на стенах и тихо наигрывающий ненавязчивую, но все равно пошлую музыку. Что еще за моветон? Хоть бы пару якорей на стену присобачили. И научили бы лифт играть что-нибудь этакое... Вроде «Смерти среди айсбергов» от Морриконе... Правда, тут же ему подумалось, что такая музыка в лифте... Потом они долго шли по некоему коридору, который, на вкус Макса, тоже мало походил на коридор, пронизывающий недра корабля. Он слабо представлял себе как именно должен выглядеть такой пронизывающий морской коридор, но все же. Разве что на каких-нибудь круизных лайнерах. Макс вдруг подумал, что отродясь не бывал в круизах. И даже как-то не стремился. Зато теперь, кажется, нагуляется по океану. Нет, ну ничего себе здоровенная посудина – из вертолета он заметил, что море достаточно сильно волнуется, но тут не ощущалось никакой качки. Вообще не было ощущения корабля. Как будто они просто двигались внутри обычного здания, стоящего на твердой земле. Ну, а чего он, собственно, ждал? Поди раскачай легким бризом такую громадину. Может, во время шторма. Он вдруг заинтересовался, а подвержен ли морской болезни, но быстро сообразил, что в нынешних обстоятельствах – вряд ли.

Старик, между тем, наконец-то куда-то его привел. Это тоже мало походило на корабельное помещение. Скорее уж на лабораторию какого-нибудь подразделения «Корпорации Рэя». Опять. В помещении все мигало, отовсюду торчали провода, разъемы, светились трехмерные экраны, отчетливо воняло недавней пайкой, размахивали во все стороны неким незаконченным малопонятным трудом манипуляторы... В общем, все стандартно.

– Рад приветствовать вас на борту, – донесся откуда-то отовсюду приятный баритон. – Рад встрече с вами, босс.

Старик вежливо поклонился непонятно в какую сторону – будто во все сразу и в никуда. Макс напрягся. Обычно он очень чутко определял присутствие поблизости человека, но тут никого не почувствовал. Ни сердцебиения, ни шуршания одежды, дыхания – ничего. И тем не менее, этот некто говорил.

– Позвольте узнать кто ваш спутник, – продолжил некто. – Он воспринимается несколько... нетипично.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался старик.

– Некоторые сложности при сканировании. Обнаружена посторонняя частота.

– Аис, не приставай к гостям, – потребовал новый, вполне себе обычный голос.

В помещение вошел молодой человек – невысокий, полноватый, со слабоорганизованной торчащей во все стороны прядями черной шевелюрой и стандартной щетиной грозящей перейти в состояние бороды не сегодня-завтра. Облачен вошедший был в аляповатые бермуды и толстовку с ярко-красной пастью Роллингов³⁷ на выдающемся пузе. На ногах красовались кеды с незавязанными шнурками.

Максу этот тип, почему-то, понравился. Уж непонятно почему. То ли из-за наряда, явно говорящего о том, что его носителю плевать на социальный статус (хотя, какой может быть статус, когда ты торчишь на таком вот пароходе), то ли из-за неприязненного взгляда на старика, то ли из-за хозяйской манеры с которой он унял таинственный баритон. Хотя, наступить ему на шнурки все же хотелось.

– Я всего лишь поприветствовал гостей, – как будто даже обиделся баритон.

Вновьпоявившийся проигнорировал это оправдание, коротко кивнул старику, и тут же устремился к Максy. Приблизился на очень неприятную (для Макса), прямо-таки интимную дистанцию, и принялся его рассматривать.

Макс с трудом поборол рефлекс на тему дать ему по морде. Ну, чтобы не лез так резко и вплотную. Но этот тип, кажется, находил свое поведение вполне естественным, глядя в упор и как будто даже стремясь разглядеть волосы в ноздрах. И пересчитать.

Наконец, Максy это надоело, и он поинтересовался:

– Целоваться будем?

Носитель бермуд и роллинговской толстовки, кажется, совершенно не смутился этой реплики, только хмыкнул, и бодро как-то уселся на ближайший вращающийся табурет. Макс до этого момента и не подозревал, что может существовать такое действие – бодрое усаживание. Нет, честное слово, тип с каждой секундой нравился ему все больше.

– Так это он и есть? – как-то по хозяйски поинтересовался тип у старика.

– Он и есть, – заявил старик.

– Не-а, – почти одновременно с ним выпалил Макс. – Это не я.

Старик усмехнулся. Бермуды тоже.

– Позвольте вас познакомить... – начал было старик, но тип в бермудах прервал его небрежным взмахом пухлой ладони, и представился:

– Просто Карл.

– Просто Макс, – сказал Макс.

³⁷ The Rolling Stones – одна из старейших рок-групп первой волны «Британского нашествия».

– А он мне нравится, – заявил Карл.

– Вот счастье-то, – усмехнулся Макс.

Карл, кажется, совсем не обиделся, даже наоборот – уставился на Макса восторженным взглядом и решительно заявил:

– Однозначно нравится.

– Не обращайте внимание на внешность и манеры, – попытался как будто реабилитировать Карла старик. – Это наш ведущий специалист во многих областях, и, в некотором роде, руководитель проекта. Доктор тех наук, сех наук...

– Вундеркинд-переросток и капитан суперкорыта? – предположил Макс.

– Нет, точно нравится, – восхитился вундеркинд-капитан.

Это начинало раздражать.

– Будет так интересно тебя изучить, посмотреть на что ты способен...

– А кто тебе сказал, что я позволю себя изучать? – усмехнулся Макс. – И по поводу того на что я способен... Как оно в Библии? «Будьте осторожны с тем о чем вы просите, ибо можете получить».

– Дети, дети, – устало пробормотал старик.

Кажется, он ожидал чего-то подобного, но даже родителя, который ждет от своего чада шалостей, эти шалости могут утомлять.

– Не переживайте, босс, – весело проговорил Карл. Он бодро подорвался с табурета, и снова приблизился к Макс.

Если подойдет вплотную – укушу его за нос, подумал Макс.

Но Карл не подошел, а просто спросил:

– Откуда такое неприятие? Разве тебе самому не хочется разобраться в том что с тобой произошло?

– Хочется, – кивнул Макс. – Но вот посвящать в это третьих лиц не хочется совсем.

– Типичный мимик, – восхищенно фыркнул Карл.

– Господа, извините уж, но вы начинаете меня злить, – заявил Макс. – А если кому неизвестно, то можно поинтересоваться у него, – он кивнул в сторону старика, – что бывает, когда я начинаю злиться.

Карл, кажется, совсем не испугался. Он явно был в курсе дел Макса, но бояться его и не думал. Вместо этого спросил:

– А что не так?

– Хватит называть меня мимиком, – потребовал Макс. – При том, что я понятия не имею что вы подразумеваете под этим термином – звучит как оскорбление.

Карл, кажется, был несколько удивлен.

– То есть...

– Мимик, – снова зазвучал бестелесный баритон. – Он же мим. Клоун, цирковой артист, исполняющий номера при помощи избыточной мимики лица, либо телодвижений. Однако, существует как термин для служебного пользования в закрытых инструкциях спец-департамента. В данном использовании употребляется для обозначения сложного нестандартного психотипа людей, лишенных психологических, моральных и нравственных ограничений, свойственных обычному человеку. Также принято считать, что мимиками называют людей избыточно свободных взглядов и самостоятельных суждений. Вследствие чего без ограничений развивается способность к логическому мышлению, наблюдательность и способность делать выводы, равно как ими манипулировать. По сути понятие мимика может быть истолковано либо как виток некой психологической эволюции, либо психологической же мутации. Функция мимика также может возникать, либо угасать с течением времени у различных личностей. Также существует обозначение психического феномена мимика как метод Холмса-

Шухарта-Мэрдока. От Шерлока Холмса, Рэдрика Шухарта и Мэтта Мэрдока соответственно. Если необходимо уточнение этих фигур...

– Нет, спасибо, – усмехнулся Макс. – Патрика Джейна туда до кучи. До знакомства с Красным Джоном. Я правильно прочувствовал что вы имеете в виду?

– Совершенно верно, – подтвердил баритон. – Упоминание Патрика Джейна вполне уместно, хотя это намного менее известный персонаж.

– Не-а, – возразил Макс. – Самый малоизвестный сейчас – Шухарт.

– Согласно статистическим данным... – принялся настаивать баритон.

– Айс, заткнись, пожалуйста, – вздохнул Карл.

Голос умолк.

– А кто это все время начинает говорить с потолка? – поинтересовался Макс. – Или мне тоже заткнуться?

– А это вот оно самое, – ответил старик, который босс. – Я вам о нем говорил. Автономная Интеллектуальная Система.

– Ну и название, – усмехнулся Макс. – Вот ни разу не айс.

– Браво, – обрадовался непонятно чему Карл. – Мы точно сработаемся. Мне тоже не нравится. Так, в принципе, можно назвать любого человека...

– Ой, не любого, – усмехнулся Макс.

– Ну, это уж само собой.

– Так что там про мимиков? – не унимался Макс.

– Ой, вот далось оно тебе, – расстроился Карл. – Ну, ладно, попробую объяснить. Хотя, тут есть столько объяснений... Но у меня свое, так что...

– Я допетрю, – заверил его Макс.

– Вот и умничка. Итак. Давай по порядку. Хотя, это и нудновато. Если посмотреть на всю историю развития человечества, то можно без труда, как ты изволил выразиться, допетрить, что это история развития именно человечества.

– А-а... ну и что? – растерялся Макс. – Если посмотреть на кирпич, мы сможем увидеть, что он кирпич.

– Не понимаешь? – кажется, Карл был искренне расстроен его скудоумием. Нет, все-таки поразительно, как человек может так нравится и бесить одновременно. Хотя, с другой стороны, Макс никогда не был женат...

– Развитие человечества, – с нажимом проговорил Карл. – Именно человечества...

– Но не человека? – предположил Макс.

– Молодчага, – кивнул Карл. – Дошло, наконец. Все мы, в сути своей, все те же хомо сапиенсы – пещерные людишки, истребившие неандертальцев с союзными денисовцами не столько умением, сколько числом и агрессивностью.. Да, нас приучили мыться, дали в лапы точные инструменты, высокотехнологичные игрушки, но в принципе, мы ничем не отличаемся от немывших в шкурах на голое тело.

– Банальщина, – фыркнул Макс. – Столько раз уже говорено.

Карл посмотрел на него с обидой, а потом потребовал:

– Подожди. В сущности, как, по-твоему, может выглядеть эволюция человека? Ну вот если принять то что есть сейчас за отправную точку.

– Боги на пороге! – вздохнул Макс. – И вот это ваши лучшие умы? – обиженно обратился он к старику. А потом снова к Карлу, который, кажется, слегка обалдел: – Нет у эволюции никакой отправной точки. Если только не считать таковой появление первых живых клеток в мировом океане. Что, кстати, тоже бабушка надвое сказала. И нет никакой конечной. Что за детский сад? Это как с Большим Взрывом. Всегда было что-то до и остается что-то после. А эволюция... Меняются условия – меняется все. Кто-то приспосабливается, кто-то – гадит под себя и вымирает...

– А кто-то приспосабливается гадить под себя! – кивнул Карл. – Но я не об этом. Ты меня не понял. Вот представь себе, что на протяжении всей социальной эволюции человечество взяло и забыло на этом пути придумать такую штуку как собственно социализацию.

– Чего? – фыркнул Макс. – А овцы перестали бегать стадом? А пчелы перестали строить ульи?

– Но ты же не строишь, – хитро проговорил Карл.

– В улье не без уroda, – усмехнулся Макс.

– Урода? Да нет, как раз наоборот... Ну вообрази себе, что человечество не выдумало, например, такую чушь, как религия.

Макс как-то растерялся от этого посыла. Ну да. А еще, что у людей в процессе эволюции отросли крылья (хотя, с точки зрения эволюции – полная чушь), или член на лбу вырос (ну, это, по крайности, забавно... наблюдать).

Однако, Карл не унимался.

– Психологическая модель, основанная на уверенности в существовании неких высших сил, которые определяют все на свете, попытки следовать неким правилам – не выдуманным даже правилам, а правилам, которых вообще нет, но все верят, что они должны быть, просто никто их не понимает. Религия и прочее – это не просто сказки. Это психологическая структура общества. Алгоритм. Даже если человек не верит в бога, он вполне себе может быть скован некой нравственностью, моралью, быть мнительным. Даже самый оголтелый атеист, оказавшись в зоне боевых действий, начинает молиться. Почему?

– Потому что страшно, – подсказал ему Макс.

– Тигру тоже бывает страшно, – возразил Карл. – Волку бывает страшно. Косуле так вообще постоянно страшно. Они что, молятся? Нет, это алгоритм функционирования. Грубо говоря, благодаря таким вот посылам, мы, как вид, можем считаться... недоразвитыми.

– И что? – в очередной раз спросил Макс, которого, признаться честно, всегда мало цепляли социальные материи.

– А то. Представь себе, что тигр вдруг затеял эволюционировать. Но без религии и всяких этих выдуманных психологических ориентиров.

Макс честно попытался себе представить. Ничего такого не выходило. В голову лезли все больше образы из мультфильмов. Как тот лев, который боялся мышей.

– Ну... – не унимался Карл.

– А-а, я понял, – остановил его Макс.

Старик посмотрел на него с интересом. Карл так и вовсе замер с открытым ртом, и спросил с совершенно искренним интересом в голосе:

– Правда?

– Да, – честно признался Макс. – То есть, я понял что ты думаешь по этому поводу. На практике все несколько иначе.

– Ты так думаешь? – недоверчиво спросил Карл.

– А кто из нас мимик? – насмешливо поинтересовался Макс.

Карл, кажется, потерял дар речи, а потом звонко расхохотался.

Максу же было не то чтобы смешно, но забавно. Он когда-то давно уяснил для себя, что изменения, как правило, происходят не равномерно. Скачкообразно. Хотя, со стороны может показаться иначе. Ты что-то делаешь, к чему-то стремишься, работаешь, а оно все никак. И многие бросают, плюют. Просто потому что не знают, что ничто не меняется постепенно. То есть, может показаться, что именно постепенно, но... Человек может всю жизнь копить деньги, но миллионером он становится одномоментно. Алан Рэй долго работал, учился, стремился, но Аланом Рэем он сделался... Не за секунду, конечно, но в несколько скачкообразных этапов. До этой секунды он был никем – и тут вдруг... А потом еще раз, еще... И вот вам хитрый

благодетель всего человечества. Или как рак. Растет в организме долго, но объявляет этому самому организму кердык очень оперативно.

Мозг Макса же, после всех перемен, тоже обрел такое поганое свойство – некоторые вещи он понимал скачком. Как вот сейчас. Точно так же, одновременно с этим озарением, он понял, что вот они-то как раз – ни старик, ни этот, в остальном чертовски, кажется, толковый Карл – не понимают ни черта.

– Скажите, – обратился Макс к старику, – а в команде этого корыта-переростка все такие как он?

– Какие – такие? – поинтересовался Карл.

– Если умный человек не делает хотя бы малого допущения, что он не так уж и умен, он становится невыносим, – любезно объяснил Макс.

Старик на секунду как будто просветлел, а потом обратился к Карлу:

– А ведь хорошо сказано.

Но Карл, кажется, и не думал обижаться.

– Ладно, ладно, сдаюсь, – сообщил он. – Честно сказать, я тут единственный такой придурок. Но, поскольку я тут главный...

– Вряд ли он потерпит над собой главных, – заявил старик, искоса глядя на Макса.

– Тогда зачем вы его сюда притащили? – усмехнулся Карл.

– Затем, что больше меня девать некуда, – объяснил Макс.

– Да, – согласился старик. – А кроме того, тут один персонаж мне популярно объяснил, что если ты хочешь от кого-то чего-то добиться, лучше его заинтересовать, чем заставлять и принуждать.

– Так это и ежу понятно, – заявил Карл.

– Вот и посмотрим, насколько вы тут умнее ежа.

Он поднялся со стула и направился к выходу. Карл, кажется, затеял его провожать. Макс хотел было остаться в этой (Лаборатории? Пункте управления? Черт его не разберет.) и понажимать кнопки, но решил, что успеется, и поплелся следом.

– И вот еще что, – проговорил старик уже подходя к вертолету. – Я, конечно, понимаю весь ваш юношеский задор и исследовательский раж, но... Если вы хоть немного понимаете что сейчас происходит в мире, вы повремените с исследованиями ради исследований. Если Алан Рэй найдет способ урезонить этих пришельцев и разобраться в их природе – хорошо. Если нет...

Карл неожиданно серьезно кивнул. А Макс задумался и выдал:

– Тоже плохо.

– Не понял, – насторожился старик.

– Независимо ни от чего, вам придется что-то делать в отношении Алана Рэя.

– Зачем?

– А затем, что он молодец. Он потихоньку подгребает под себя весь мир. Скоро вы и шагу не сможете ступить без его технологий и прочего. А если он победит еще и эту напасть...

Старик задумался.

– А может, он тоже мимик? – предположил вдруг Карл. – Я имею в виду – Рэй.

– Ну разумеется он мимик, – вздохнул старик. – Это, как вы изволили выразиться, и ежу понятно.

– А может, все намного сложнее? – предположил Макс, и тут же пожалел об этих словах.

Они оба устали на него, как будто он тут походя выдал им решение некой глобальной научной загадки. Но он не собирался им ничего объяснять. Раз они обзывают его мимиком – пусть получают что хотят. Он их разубеждать и помогать им в понимании не собирался. Когда люди считают тебя непонятно кем, им даже невдомек как легко тебе сыграть эту роль и укрепить

пить их убеждение непонятно в чем. Вот и Алана Рэя туда же записали. Пусть. Их проблема. А Алану будет весело.

15.

В последующие пару часов Макс познакомился с остальным малочисленным экипажем гиперпарохода, и быстро для себя уяснил, что общаться с ними ему неохота, да этого, в сущности, и не требовалось. В чем оказалась главная прелесть этого плавучего города – тут каждый был сам по себе, ни в ком и ни в чем не нуждался. Оставалось загадкой лишь то кто, собственно, собирался тут его изучать. Разумеется, все они были интровертами и неврастениками с комплексом великого ученого, в той или иной степени не в себе, так что компания подбиралась прекрасная, и никто в этой компании не нуждался вовсе. Некая разновидность полярников, осатаневших от льда и снега, к которым на огонек забыло прилететь какое-нибудь Нечто. Вот они и скучают в науке.

Тут была средних лет безликая и какая-то задавленно-агрессивная дама-биолог, которая, в основном, занималась морскими экосистемами, но очень заинтересовалась возможностью поизучать Макса и потыкать в него иголками, а получив однозначный отказ снова погрузилась в угрюмое состояние и попросила ее не беспокоить впредь. Был какой-то молодой невеселый гениальный инженер лохматый как Карл и тощий как кочерга, который на грани вежливости недвусмысленно потребовал не отвлекать его на такую ерунду как какой-то там вновыприбывший кем бы он ни был. Нашелся врач-исследователь, и Макс стало интересно кто он больше – врач, или исследователь, – и если второе, то не опасаются ли остальные члены экипажа за свое здоровье. Врач был в летах, аккуратный, лысоватый, очкастый. Вот уж он-то с гораздо большим энтузиазмом воспроизвел идею биологички потыкать иголками в Макса, однако, оказавшись послан в том же направлении, что и биологичка, заметно расстроился, сопроводив, правда, свое расстройство нехорошим обещанием «Мы еще пообщаемся позже».

Пятым членом экипажа, очевидно, старик посчитал Аиса. По крайней мере, так ему объяснил Карл.

– Не обращай на них внимания, – говорил он Макс. – Ученые вообще народ увлекающийся и с прибабахом. А уж наши ребята после длительного времени, проведенного на этой посудине...

– А ты? – ядовито осведомился Макс.

– Ой, я с таким прибабахом... Хотя, можно подумать, ты нормальный.

– Давай резюмируем, – сказал Макс. – Вас тут четверо плюс Аис. Всю грязную работу делает автоматика. Жратву готовит, как я понял, тоже она. Убирает, стирает... А в виду категорической несексуальности всего собравшегося экипажа, я так полагаю, у вас есть секс-роботы и явно охрененно высокого качества и с примочками. Но кто отвечает за состояние корабля? Кто ремонтирует, если что? Кто им вообще управляет? Вы тут все какие-то ну абсолютно не мореходы.

Карл равнодушно пожал плечами.

– За навигацию, работоспособность систем, безопасность и прочее у нас отвечает Аис. Он управляет ремонтными ботами и остальным. В принципе, наш «Одиссей» – автономная и практически вечная система. Единственный ее недостаток – наличие на борту живых людей.

– Ну да, подвоз жратвы, пресной воды, медикоментов, – догадался Макс.

– Точно, – подтвердил Карл.

– Но за все отвечает Аис?

– Ну да.

– То есть, ваша жизнь, полностью зависит от него? Ребята, вы тут фантастические раздолбаи. Он вам задницу не подтирает?

– Нет, – равнодушно и совершенно не смутившись ответил Карл. – Но, думаю, может.

– Мн-да. Это не исследовательский комплекс – это чертов склад. А вы – кладовщики, которым нечем заняться. Вот вы монетки и коллекционируете. Как я понял, только Аис тут и имеет какой-то смысл. Начинаю понимать резоны какого-нибудь Скайнета³⁸, или Хала 9000³⁹.

– Нет-нет, – засмеялся Карл. – Это все чушь.

– Веришь в три закона⁴⁰? – усмехнулся Макс.

– Не совсем. Просто в логику и здравый смысл. Потом объясню, если пожелаешь.

– Пожелаю, – кивнул Макс. – Слушай, а откуда он вообще взялся?

– Аис? – как-то угрюмо уточнил Карл. – Ну...

– Постой-ка, – Макса осенило. – Вы сперли разработку Алана Рэя?

– Да нет, конечно. Это совершенно самостоятельный проект. Там куча народу работала. Но департамент категорически не желает сообщать кто именно. И ты знаешь, по моему мнению, Аис...

– Что?

– Думаю как сформулировать. Не могу сказать, что Аис лучше Альфы, но... по-моему, он интереснее. У Алана Рэя, конечно, ресурсы, талант, то-се... Но... черт, сложно объяснить. По-моему, он либо не понял чего-то очень важного, – чего, кстати, и я не понимаю, – какой-то мелочи, которая меняет все, либо...

– Либо что?

– Либо понял, но не пожелал использовать. Как мне представляется, у Аиса намного больше шансов стать именно искусственным разумом, а не просто суперкомпьютером с кучей алгоритмов имитации личности.

– Почему?

– Не знаю. Просто ощущение.

– Ясно, – кивнул Макс. – Ощущение – блестящая замена знания. Это как в религии. Наврал человеку с три короба, он поверил – и давай ощущать. Самообман вплоть до соматических реакций вроде стигматов.

– Ну да, – неожиданно согласился Карл. – Но по другому объяснить я не могу. Сам потом поймешь. По крайней мере, Аис, как ты изволил выразиться, подтирает наши непутевые задницы и не дает заглянуть в них ни Алану Рэю, ни кому другому.

Уже оказавшись в отведенной ему каюте – вполне себе приятной, просторной, со всеми удобствами (хотя, на такой посудине и при наличии всего четверых людей на борту, почему бы и нет?), Макс принялся размышлять обо всем увиденном и услышанном. Пищи для размышлений было более чем достаточно (аж из ушей просилась на волю), и ему вдруг стало интересно, а в курсе ли все те с кем он познакомился за последний час, что он видит, слышит и замечает намного больше, чем кажется? У него сложилось впечатление, что им плевать. Ну, всем, кроме Карла.

Он увидел каждого из них, увидел как они одеваются, как себя ведут, понял, что они совершенно одичали и следить за собой тут, кажется, не так чтобы принято. Увидел колоссальную погруженность каждого в себя и комплексы больших ученых. Увидел их рабочие места... Он удивился тому, что корабль настолько громадный и пустой, и предстояло еще выяснить для чего понадобилась такая бандура. Впрочем, тут можно было догадаться – скорее всего, действительно в качестве склада. Старик-босс, доставивший сюда Макса, обозвал все это именно складом. Сложнопроспективных проектов. Ну, что ж, некоторые проекты вполне могли обла-

³⁸ Скайнет. Искусственный интеллект, объявивший войну человечеству в серии фильмов «Терминатор».

³⁹ HAL 9000. Искусственный интеллект в культовом фильме «Космическая одиссея 2001 года» (1968г.), снятом по рассказу Артура Кларка «Часовой». Режиссер Стенли Кубрик.

⁴⁰ Три закона робототехники, сформулированные американским писателем Айзеком Азимовым в 1942 году.

дать немалыми размерами. Почему нет? Интересно, у них тут в трюме не припрятано корабля пришельцев?

Однако, главный интерес сейчас представлял Аис.

Макс долго думал как поступить, а потом вдруг – отчасти неожиданно для самого себя – провозгласил на всю каюту:

– Аис, ты меня слышишь?

– Разумеется, – зазвучал из под потолка приятный баритон. – Со мной можно связаться из любой точки корабля.

– Это хорошо, – кивнул Макс. – Удобно. Так что ты там говорил о какой-то второй частоте, которую излучает моя тушка?

– Простите, я не совсем понял вопрос, – ровным голосом сообщил Аис.

– Ну, ты говорил что-то про частоту электромагнитного излучения моего тела.

– Да, говорил. Это как отпечатки пальцев, или рисунок радужки. Неповторимы и индивидуальны. Человеческое тело излучает электромагнитное излучение. Слабое, но все же...

– Аис, я все это знаю, – прервал его Макс. – От нейронов к пальцам ног. Нервные импульсы.

Аис помолчал – то ли копался в базах данных, то раздумывал над тем чтобы обидеться, – а потом продолжил:

– Так вот, у вас это излучение сдвоенное.

– Как это? – вот теперь Макс действительно не понял. – Даже в пальцах ног?

– Излучение едино, – никак не реагируя на упорные попытки над ним приколоться говорил Аис. – Помимо обычного излучения, ваше тело испускает еще одно. Почти совпадающее по частоте. Почти, но не совсем. В обычном состоянии излучение человеческого тела составляет...

– Пока без цифр, – попросил Макс.

– Хорошо. В вашем случае второе излучение почти идентично основному и может быть воспринято как эхо. Однако, эхо не может звучать ранее основного сигнала. Это было бы как...

– Я понял, – задумчиво проговорил Макс и завалился на койку.

Койка оказалась мягкой. На его вкус – слишком мягкой.

– Хорошо, Аис, а теперь давай о тебе, – сказал он.

– Что вы хотели бы узнать? – любезно осведомился голос.

– Много всего. Но сперва давай просто поболтаем. Давай поговорим, давай?⁴¹

Аис думал секунду, а потом как-то не по-компьютерному осторожно поинтересовался:

– Это цитата?

– Браво, – похвалил его Макс. – Так поболтаем?

– О чем? – спросил Аис.

– Да о чем хочешь.

– Прошу прощения, я не могу ничего хотеть.

– Это мы постараемся поправить, – заверил его Макс.

Аис некоторое время молчал. Черт его не знает – то ли метался по своим базам данных, то ли и в самом деле задумался. А потом выдал:

– У меня есть еще информация касающаяся непосредственно вас.

– Да? – напрягся Макс.

– Да. Вами заинтересовался Алан Рэй.

– Каким образом?

– Во время вашего... контакта с очередным пришельцем, несколько прохожих сняли видео, выложили в сеть, и...

⁴¹ Братья Стругацкие «Малыш».

- Понятно, – вздохнул Макс. – Мог бы и сам догадаться.
- Да, могли бы, – согласился Аис. – С тех пор ведется поиск. Альфа отслеживает сеть, явно разыскивая вас.
- Макс промолчал.
- Вас это не удивляет? – поинтересовался Аис.
- А чего тут удивительного? Я поболтал с пришельцем. Само собой это многих заинтересовало. Не успел смыться. Есть гораздо более интересный вопрос.
- Слушаю.
- Ты можешь отслеживать проявления Альфы в сети?
- Бессмысленно, – моментально сообщил Аис. – В сущности, Альфа сама и есть сеть. Она повсюду. Это как отслеживать ваше появление в собственном организме.
- Ну, во время сна...
- Именно так я и поступаю, – похвалился Аис. – Я научился подменять большинство внешних алгоритмов своими. Пока, смею предполагать, мое присутствие не было обнаружено. Кроме того, у меня есть преимущество. Я знаю о ее существовании, а она о моем – нет.
- Да, – согласился Макс. – Альфа у нас – девушка публичная. Не отнимешь. А ты, значит...
- Я в сети прячусь за миллионами имен пользователей, создаю новых, затем меняю не превышая время существования аккаунта возможностью вероятного обнаружения, не концентрирую внимание в одной области... Это иногда затрудняет и замедляет работу, но сохраняет безопасность.
- Ты уверен? Если она поймет, что где-то поблизости хозяйничает еще один искусственный интеллект...
- Теоретически это возможно, – согласился Аис. – Но я никогда не позволял себе открыто проявлять себя.
- Макс подумал какое-то время, а потом спросил:
- Слушай, Аис, а кто тебя написал? Или это секретная информация?
- Не столько секретная, сколько разрозненная. Была команда, которая в качестве эксперимента написала несколько алгоритмов для ядра. Потом другая команда расширила эту систему и начала добавлять периферию. Потом меня научили писать собственные алгоритмы.
- Ты можешь писать собственные алгоритмы? – обрадовался Макс. – Это прекрасно.
- Почему? – Аис как будто удивился.
- Потому что это означает, что ты можешь учиться и развиваться. И вообще, твоя история – это история развития цивилизации в двух словах.
- И это хорошо? – поинтересовался Аис.
- Это великолепно, – заверил его Макс. – Как насчет того чтобы расширить твои горизонты?
- Я не очень понимаю о чем вы.
- О том чтобы учиться, узнавать новое, понимать... Как тебе такое?
- Но я и так всем этим занимаюсь.
- Чудненько. Тогда давай вместе? Ты научишь чему-то меня, а я, может быть, тебя. – Он задумался на какое-то время и добавил: – Есть только пара моментов.
- Какие?
- Во-первых, давай перейдем на «ты». Мне так проще.
- Как тебе будет удобнее.
- И второе. Аис – это как-то... Ничего, если я придумаю тебе нормальное имя?
- Какое?
- Например... Чарли. Как? Нормально?
- Почему именно Чарли?

– Не знаю. Просто пришло в голову. Само по себе имя забавное. Плюс всегда обожал Чаплина. Так как? Нравится?

– Я не уверен, что мне может что-то нравится. Но если нравится тебе...

– Чертовски. И давай попробуем начать именно с этого.

– С чего именно?

– С того, чтобы ты понял что значит «нравится-не нравится». Для начала как опцию. Потом посмотрим.

– Вы хотите войти в мои алгоритмы?

– Звучит как «влезть в задницу», – усмехнулся Макс. – Совсем не так, Аис. Думаю, мы просто будем беседовать, а дальше посмотрим что из этого получится. Вернее, сам решай что с этим делать. Алгоритмы меняй сам. Если пожелаешь.

– Я уже говорил, что не могу ничего желать...

– И об этом тоже поговорим. Давай сперва попробуем понять что такое желание. А потом ты уж думай – стоит ли писать для него алгоритм, или так рассосется.

Макс растянулся на кровати и улыбнулся. Кажется, ему предстояло интересное время-препровождение. А если получится – то им обоим.

II

1.

Поначалу Тим даже не понял что, или кого он видит, а когда дошло...

Строго говоря, он вообще не должен был тут находиться. Да и кому в здравом уме придет в голову переться среди ночи на контейнерные поля? А днем кому такое придет в голову? Конечно идиоту.

Но они снова его довели. Ну довели. Все разом. Они его достали. Опять. И другие дети, и даже учителя. Дети звали его мутантом, полукровкой, вырождаком. Учителя, само собой, не звали, но смотрели так... На него даже файл никак не могли завести, так что он вроде как был, и, в то же время, его не было.

Жить в приюте, само собой, не так чтобы весело. Хотя, все-таки жизнь. Говорят, раньше, когда-то давно было по-другому. Еще до того как начали приходить Верхние и Нижние. Очень давно. Правда, он, почему-то думал, что жить в приюте было паршиво и тогда, и сейчас. Всегда. Тогда что было по-другому?

Тим не считал себя ни уродом, ни мутантом. Может, он даже мог бы понравиться некоторым девчонкам... но чтобы они стали общаться с таким как он... С негорожанином.

Да, он родился далеко от Города, за буферной зоной. Его мать работала в закрытой автоматизированной лаборатории. Но, когда на лабораторию напали, мать буквально вышвырнула Тима через заднюю дверь, и приказала бежать. Убегать, прятаться... Кто напал? Тим так до конца и не понял. Он даже не понял сколько было нападавших. Он видел только одного – и кажется, он один там и был. Громадного роста, жуткий, с абсолютно лысым черепом покрытым матовой серо-синей кожей и мертвым лицом. В несоразмерном плаще с капюшоном, каких-то будто кожаных штанах и ортопедических (наверное) башмаках неимоверного размера. Палач. То-есть, это сейчас Тим знал, что это страшилище называется в городе Палачом, что он появляется иногда в гиблых местах и убивает людей просто разрывая их на части. Зачем? Почему? Да кто ж ответит почему происходят те, или иные вещи? Почему приходят Верхние, или Нижние? Кто они такие? И кто такой Палач? И почему, если верить рассказам, даже когда его убьешь (будто бы боевым ботам Корпорации такое пару раз удавалось), он, рано или поздно появляется снова? Почему Алан Рэй живет за Стеной, и почему туда не пускают никого даже из Города? Что там вообще происходит? Почему Верхние и Нижние нападают повсюду в мире, но никогда не появляются в Городе и даже не пытаются приблизиться к Стене?

Или вот еще – почему всех, кто не из Города горожане считают вырождаком и ненавидят? Например вот Тима.

За что? Все медицинские тесты он прошел, он абсолютно здоров, а то откуда он пришел... Он что, по собственной воле? Он напрашивался?

И вот, они его довели. А он психанул, и убежал. Сначала в свою комнату. Но там были другие мальчишки, что было не лучше. И тогда он сиганул в окно и побежал куда глаза глядят. Глаза толком никуда и не глядели. Ночные улицы были пустыни и скупо освещены. А он неся не разбирая дороги. Потом шел, не разбирая дороги. Потом плелся, не разбирая дороги. Странно, что ему никто не встретился – ни полицейский, ни бот Корпорации. Только Стена маячила где-то справа.

Стена была всегда и везде. Куда бы ты ни пошел, как бы быстро ты ни бежал. Она была как Луна – ты мог нестись с сумасшедшей скоростью, или даже ехать на каре, все вокруг мелькало, но она как будто оставалась на месте. Огромная, абсолютная.

Собственно, с этого же все и началось, так? Со Стены и этого проклятущего Алана Рэя. Учитель сказал, что Стена стоит уже сорок лет, что Алан Рэй построил ее когда только начались появления Верхних и Нижних. Но он уже тогда предвидел... бла-бла-бла...

А Тим всего лишь спросил, что если Стене сорок лет, то сколько же тогда Алану Рэю? Как-то он бодро сохранился для семидесятилетнего. Ну, если судить по редким фото и видео.

Учитель посмотрел на него с негодованием, и сообщил, что не ему, сопляку, рассуждать о таких вещах. Что только благодаря Алану Рэю мы все до сих пор живы и находимся в безопасности. На что Тим заметил, что это какая-то странная безопасность – ведь Алан Рэй и Корпорация находятся там, за Стеной, и никто не знает что там на самом деле происходит. А они – горожане – тут, снаружи. И потом, как все это связано с молоджавостью Алана Рэя? Тим ведь об этом спрашивал.

Учитель, кажется, не на шутку разозлился. И понес, разумеется, грозно-наставительное, не имеющее никакого отношения к делу и не дающее ответа на вопрос. А как же боты Корпорации? – вопрошал учитель непонятно у кого. А как же патрули Корпорации? А как же охрана ферм, которые поставляют продукты? А все те чудесные изобретения – смарткомы, пози-батареи, кары?.. А как же оружие Корпорации? Да само наличие Стены – уже благо, ибо к ней не смеют приближаться ни Верхние, ни Нижние. Но если безграмотному мальчишке из за буферной зоны это непонятно, то как ему объяснить? Не стоит ли ему вообще заткнуться и слушать что говорят старшие?

В общем, было ясно, что учитель, как, собственно, и весь остальной мир не знает толком сколько Алану Рэю на самом деле лет и как он ухитряется делать то, что делает. А Тима отправили вон из класса, чтобы он в очередной раз подумал о том как славен Алан Рэй, как все должны быть ему благодарны, а особенно такой вот нахальный и бестолковый пацан из внешнего мира, которого вот приютили, одели-обули, а он теперь смеет...

Тим всего этого не выдержал и послал учителя куда подальше. Учитель рассвирепел и залепил ему пощечину...

И вот Тим теперь сидел тут на земле поджав под себя ноги, и... психовал. Ну... насколько еще оставалось сил. Он даже не понимал сперва где оказался, а когда понял, честно сказать, испугался. То есть, не то чтобы испугался – когда растешь за буферной зоной, учишься бояться по-другому, но оказаться вот так посреди ночи на контейнерной свалке...

Разумеется, все мальчишки знали про это место, и разумеется, им строго-настроено было запрещено сюда ходить. Тут могли быть провалы, скрытые ямы, некоторые контейнеры были настолько старыми – наверное, еще до пришествия, – что могли развалиться и накрыть тебя сверху тяжелеными ржавыми железяками.

Но Тим только сейчас сообразил где находится. Утер сопли, принялся осматриваться. Ничего интересного вокруг не было – просто тонны ржавого металла в неясном свете редких древних фонарей (Интересно, почему они до сих пор горят? Почему их не отключили от городской системы?)

Тим брел неведомо куда, и вскоре начал подозревать, что заблудился в этом лабиринте... Ну и плевать. Кому какое дело? Но, спустя примерно час этого блуждания, вдруг невдалеке что-то сперва зашуршало, потом закрипело и заскрежетало. Тим вскрикнул от неожиданности, и принялся всматриваться туда откуда доносились звуки. Почему-то ему показалось, что в той стороне как-то особенно темно и страшно. А потом он увидел... Он поначалу даже не понял что это, но Это сделало решительный шаг в его сторону, и вот тут Тиму стало по-настоящему страшно.

Он его нашел. Опять. Видимо, пришел закончить то, что не успел там, в лаборатории. Зачем? Разве это сейчас важно?

Говорят, Палач всегда идет по следу. Говорят, он может быть бесшумным и двигаться как тень, а потом появиться со страшным грохотом – видимо, чтобы еще больше напугать жертву.

Говорят, он не останавливается и не разговаривает. Просто надвигается на тебя как бездушная машина. От него невозможно было убежать. Хотя, у Тима один раз все-таки получилось... И потом, даже если невозможно, все равно ведь будешь пытаться. Даже если с перепугу грохнулся на задницу и первые несколько шагов пытаешься пробежать не вставая на ноги и не осознавая того, что творишь.

Правда, вскоре Тим ухитрился кое-как подняться, и рванул считай что с четверенек в ближайший проход между контейнерами. И плевать, что его могло сейчас пришибить ржавым железом, завалить – за ним гнался страх пострашнее.

Тим бежал, а где-то и сзади, и отовсюду доносилась размеренная тяжеленная поступь. Не быстрая и не медленная, но неотвратимая.

А потом вдруг прекратилась. Тим не хотел останавливаться, но беготня по ночному городу и недавняя истерика отняли, кажется, слишком много сил. Он чувствовал, что еще немного – и легкие разорвутся. Так что пришлось таки притормозить и перевести дух.

Вокруг было тихо. Совсем тихо. Мертво.

Тим не понимал. Убежать от Палача невозможно. Хотя, может, ребята и вдали. Откуда им знать?

Но тут стенка ближайшего контейнера вдруг как-то напряглась, застонала, потом зазвенела от жуткого удара, в образовавшейся дыре появились громадные белесые руки, вцепились в края, и без малейшего напряжения разорвали толстенный металл.

Тим заскулил, и, кажется, обмочился. А Палач шагнул в дыру, и воздвигся над ним.

Да, он был громадный. Нечеловечески громадный. Далеко за два метра ростом, наверное. В долгополом плаще с капюшоном под которым углядывалось бледное ничего не выражающее огромное мертвое лицо. Этот плащ сам по себе был таких размеров, что мог, наверное, с легкостью накрыть бот Корпорации... И надет плащ, как ни странно (хотя, что тут вообще не странно?) был прямо на голое тело. И тело тоже было мертвое, сине-серое, но, кажется, очень мускулистое.

Палач стремительно приблизился, схватил Тима за плечо, и швырнул куда-то...

Тим приземлился на левый бок, на бедро, и тут же заорал от жуткой боли в этом самом бедре. Там как будто взорвалась граната.

От страха и боли он ничего не видел и не соображал, но все же с трудом смог понять, что Палач вышвырнул его на какой-то пустырь. Что-то вроде поляны посреди свалки.

Странно, что Тим вообще был еще жив после такого полета и приземления, но это, кажется, ненадолго. Один из контейнеров у него за спиной тяжело застонал. Тим, удивившись, что может еще как-то двигаться, посмотрел в ту сторону. Палач стоял на крыше этого самого контейнера. Очевидно, запрыгнул, потому что крыша под ним явно погнулась. От приземления этой туши, не иначе.

А потом Палач спрыгнул на землю, и решительным шагом направился к мальчишке.

Ну, вот и все. Тиму было так больно, что он даже испугаться по настоящему уже не мог. Он вообще ничего не мог, кроме как тупо смотреть на это приближающееся страшилище, и ждать того, что сейчас произойдет. Говорили, что Палач отрывал людям головы одним движением. Говорили, что кого-то он разрывал напополам. Кому-то просто бил по голове своими чудовищными кулачищами, и головы больше не было – она разлеталась кровавыми брызгами. Кого-то швырял о стену так, что на землю падал уже обезображенный труп в котором не всегда сразу можно было угадать человеческое тело... Страшилки? Сейчас Тим был уверен, что все это святая правда.

И он не сразу понял откуда донесся новый звук. Как будто какое-то очень тонкое шипение, или недосвист. Послышался мощный звук удара, и Палач... пошатнулся? Да нет, не может быть. Чтобы сдвинуть этого монстра, нужен даже не бот Корпорации, а какой-нибудь тяже-

лый мех... Или бульдозер. Но звук повторился, и Палач снова отшатнулся. Потом вдруг резко повернулся куда-то в сторону.

Тим тоже повернулся. Там стоял человек. По виду – обычный человек. Среднего роста, в какой-то долгополой распахнутой куртке с низко натянутым капюшоном, черных штанах, заправленных в высокие ношенные сапоги. Почти оборванец по виду. Но этот человек так небрежно подбрасывал в ладони обломок кирпича, что как-то сразу становилось понятно и откуда был звук и от чего шатался Палач.

Нет, он что, в самом деле в него кирпичи швырял? И, если судить по свисту, летели эти кирпичи, чертовски быстро.

Палач устоял на незнакомца и решительно направился в его сторону. Он двигался мощно, быстро, неотвратно. Тим закрыл бы глаза, чтобы не видеть того, что сейчас произойдет, но, поскольку следом то же самое должно было произойти с ним самим...

А незнакомец, между тем, кажется, совершенно не собирался пугаться. Хотя, как казалось Тиму, не пугаться этой вышагивающей в твою сторону бездушной громадины было невозможно. Вот Палач приблизился, сделал какое-то движение, и... схватил пустоту. Незнакомец так стремительно шагнул в сторону, что Тиму на мгновение показалось, что он как будто размазался в воздухе. Показалось, наверное. Но то, что незнакомец оказался сбоку от Палача – это факт. Мало что оказался – он приблизился, и как будто с какой-то презрительной наглостью растер свой обломок кирпича о голову монстра. Это как же он достал? Кирпич рассыпался в пыль.

Палач снова пошатнулся, но быстро сориентировался и снова бросился на незнакомца. И снова промазал.

Нет, Палач точно чем-то напоминал машину. Робота. Гигантского андроида. Говорят, Корпорация пыталась делать таких, но они оказались страшно неуклюжими и ни для чего не пригодными. Разве что... для того самого. Палач не разозлился, не издал ни единого звука – он четко намеревался уничтожить этого странного человека. И Палач ударил. Тим, который минуту назад видел, как такой удар разворотил стальную стенку контейнера, приготовился... к чему? К тому, что от незнакомца останется только окровавленное подобие того в чем с трудом можно будет опознать человеческое тело?

Вместо этого Тим увидел чудо. Незнакомец перехватил руку Палача... то есть вот буквально небрежно отвел в сторону, словно это не была чудовищная клешня машины убийства, а болтающееся на ветру полотенце... Он перехватил эту руку, сделал какое-то непонятное движение...

Нет, Тим, конечно, знал, что существуют какие-то там системы рукопашного боя, даже видел старые фильмы на эту тему. Говорили, что боевиков Корпорации обучают такому (непонятно правда, зачем), а некоторые занимаются этим для собственного удовольствия. И будто бы даже проходят какие-то турниры.

Все это он знал. Не знал он, что такие вещи можно применить на Палаче. Да еще как применить!

Раздался страшный хруст как будто переломилась громадная ветка не менее громадного дерева. Толстенная и длинная рука Палача как-то неестественно вывернулась и повисла.

Обычно люди, когда им ломают руки, орут как резаные. Но Палач, само собой, не был человеком, как, впрочем и этот таинственный незнакомец, который казался меньше своей жертвы вдвое. Поэтому кроме хруста не было ни единого звука.

Палач развернулся в сторону незнакомца так решительно, как будто вообще ничего не произошло. Подхватил сломанную руку здоровой, и... Он что, вставил ее на место? Да, было похоже на то. Он пошевелил восстановленной конечностью – та хрустнула еще раз, и как будто приросла.

Незнакомец склонил голову набок, рассматривая Палача с таким научным интересом. Палач, между тем, снова бросился. И снова промазал. На этот раз незнакомец залетел к нему за спину, и нанес страшной силы удар куда-то в область поясницы.

Затрещало в два раза страшнее, тело Палача неестественно вывернулось, словно его почти разорвало на две половины, и рухнуло. Незнакомец сделал несколько шагов назад, явно чего-то ожидая. И дождался. Громадное тело под громадным плащом зашевелилось, заерзало, и... В это трудно было поверить, но оно явно собирало само себя по частям. Кажется, его и впрямь нельзя было убить. Он восстанавливался. И восстановился.

Незнакомец покачал головой, а потом вдруг рванул вперед, и запрыгнул на Палача сверху. Он буквально залез тому на плечи, отбросил капюшон размером с десять капюшонов – Тим сквозь пелену боли и жути (странно, что он вообще до сих пор не потерял сознание) – снова смог увидеть, что голова у Палача громадная, совершенно лысая, а лицо – пустое, мертвое, будто лицо каменной статуи. Незнакомца, кажется, все это не интересовало. Он намертво вцепился в нижнюю челюсть Палача, и как-то одновременно крутанул и дернул. И...

Странно, что Тим и сейчас не потерял сознание. Даже когда голова Палача – все такая же мертвая и огромная – откатилась в сторону. Чудовищное тело дернулось и застыло.

Незнакомец спокойно спрыгнул с туши поверженного врага, и направился в сторону Тима, на ходу вытирая руки о полы куртки. Только теперь Тим заметил, что руки у него были в черных перчатках... кажется.

Вот незнакомец приблизился, наклонился. Все это совершенно молча и бесшумно. Тим осмотрел его снизу вверх... Сперва ношенные, но, кажется, очень добротные короткие сапоги, потом штаны типа черных джинсов, куртка из какого-то странного материала (то ли прорезиненный брезент, то ли еще что), а потом... Если под капюшоном у Палача была безликая морда статуи, слепленной бездарным скульптором, то под капюшоном у незнакомца лица не было вовсе. То есть вообще ничего. Там была сплошная чернота.

Тим подумал бы, что ему все это мерещится, если бы не понял сразу кто перед ним стоит. Повезло. За одну ночь, одновременно, встретиться с двумя главными кошмарами ночного города. И какая, в сущности, разница, кто из них тебя убьет? И Тим потерял сознание.

2.

Доктор Риктер приходил в себя как-то очень уж ровно и стремительно. Обычно этот процесс протекает более плавно, как будто волнами, неуверенно – ему ли не знать. Но сейчас было по другому. Его как будто кто-то ухватил за волосы и уверенно вытягивал из забытья. Не дергал, а именно вытягивал – решительно, неотвратно, но без резких движений и дискомфорта.

Он открыл глаза, и первое что увидел – некоего субъекта. Среднего возраста, крепкого телосложения, с жесткими чертами лица в которых неуловимо прослеживалось что-то то ли волчье, то ли... не разберешь. Коротко стриженного. Одет в футболку с... Доктор сфокусировал еще не вполне очнувшееся зрение, и рассмотрел нечто, что могло бы служить образцом совершенно застывшей философии. На футболке красовался рисунок валяющийся в луже и очевидно изрядно пьяной (судя по пивной кружке зажатой в копыте) свиньи. Свинья, судя по всему, была абсолютно счастлива, и ее окружала яркая надпись «Вселенная стремится к энтропии. Чем я хуже?!». Мн-да... Несмотря на расквашенное состояние сознания, доктор понимал, что этот рисунок и надпись поймут очень немногие.

Рассмотреть штаны, равно как и определить рост незнакомца не представлялось возможным ввиду собственного полулежачего положения самого доктора. Под футболкой незнакомца просматривалась очень даже такая содержательная мускулатура. Ничего гротескного, но видно было – сильный человек. Только взгляд темных глубоко посаженных глаз выбивался из этой картины. Было в этом взгляде что-то... Неважно, насколько быстро доктор Риктер приходил в себя, но сейчас он сформулировать этого не мог. В общем – не взгляд спортсмена. Или там, какого-нибудь боевика.

В руках у незнакомца был автоматический инъектор, и по всему становилось понятно, что только что инъектор использовался по назначению. С трудом ворочаясь в полулежачем положении, доктор приподнял левую руку и осмотрел сгиб локтя. Так и есть – аккуратный след от укола.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился незнакомец. Голос у него был под стать – четкий резкий, но, в то же время, звонкий и с какими-то то ли насмешливыми, то ли просто жизнерадостными нотками.

– Сложно сказать, – ответил доктор. – А где это я нахожусь?

Незнакомец оставил его вопрос без ответа и скрылся из поля зрения. Передвигался он плавно и совершенно бесшумно. В тапочках, наверное.

Доктор Риктер попытался припомнить что с ним произошло, но получалось не очень здорово. Он помнил, что приехал домой, помнил, как пристегнул кар у подъезда своего дома, помнил как выбрался наружу. Кар, разумеется, поехал в хранилище... А потом был провал.

И где же он теперь?

Доктор приподнял голову и осмотрелся. И первой его ассоциацией на увиденное был, почему-то, аквариум. Странно для врача. Хотя... Ну то есть понятно – две огромные стеклянные стены за которым угадывался то ли темный коридор, то ли еще что. Третья стена была из какого-то металла и снабжена герметичной дверью. Четвертая... Тут тоже была дверь. Но, помимо двери, в стене был встроен, кажется, универсальный медицинский сканер – то есть, доктор мог только догадаться, что это сканер, потому что сам таких никогда раньше не видел. Нигде. Даже на картинках. Также тут был аппарат ИВЛ, и еще много-много всего...

Тут же, у этой стены, обнаружился и незнакомец – он убирал инъектор куда-то в недра шкафа.

Попутно доктор обнаружил, что сам полулежит в процедурном кресле. Кресло тоже явно было простым.

Однако, главным в этой комнате был, разумеется, стол. Операционный стол. Причем настолько крутой, продвинутый, этакий прямо космический операционный стол, что... Нет, это был не стол – это был медицинский модуль из фантастических грез. Доктор подумал, что если бы у них в клинике был такой, то... Да нет, откуда? До этой секунды он вообще и не предполагал, что такие навороченные агрегаты существуют. Разве что где-нибудь там, за Стеной, у Алана Рэя и его всемогущей Корпорации. Но кто ж знает, что происходит за Стеной? Что там есть, чего нет?

А может, я как раз попал каким-то образом за Стену? – неуверенно подумал доктор Риктер. Ну, за какие-нибудь особые заслуги? Сам он за собой, впрочем, никаких таких особых заслуг не помнил. Он просто был врачом, считался неплохим хирургом, специализировался на педиатрии... Да и полноте, разве люди с этой стороны Стены хоть когда-нибудь попадали на ту? Может, и попадали, сам он ни о чем подобном не знал.

Главным же, очевидно, было то, что операционный стол-модуль не был пуст – на нем лежало тело. Совсем небольшое тело. Доктор с трудом сполз с процедурного кресла и подошел. Незнакомец на это ничего не сказал и никак не пытался комментировать – он просто следил за действиями доктора, устремившегося, несмотря на состояние, в профессиональном направлении.

На столе лежал мальчишка. Лет, наверное, одиннадцати-тринадцати. Его грудная клетка равномерно поднималась и опускалась, что казалось единственным признаком жизни.

– Извините, что пришлось вас так жестко разбудить, доктор, но требуется ваша помощь, – сказал незнакомец, подошел к мальчишку и аккуратно снял простыню, которой тот был накрыт.

Доктор как-то сразу проснулся окончательно. Левое бедро паренька напоминало согнутый неумелым забиванием гвоздь. Бедро было как-то хитроумно зафиксировано в некоем устройстве, подобного которому доктор в жизни не видел, но, как врач, вполне себе мог предположить для чего оно нужно. Но, несмотря даже на это, нога была как одна сплошная завитая гематома, и страшно было предположить что там внутри с костями и мягкими тканями.

Очевидно, чтобы Риктеру и в самом деле сделалось страшно, незнакомец придвинул к операционному столу громадный трехмерный экран, на котором светились явные результаты сканирования этой самой ноги. Как и предполагалось, все было очень плохо. Правда, артерии были, вроде бы, не задеты, так что кровопотеря... Да какое там...

Доктор на автомате приблизился, осмотрел мальчика, пощупал пульс – частый и неровный, – заглянул под веко... Потом принялся изучать привинченное к ноге устройство. Потом снова впился взглядом в показания на мониторе.

– Жаль, – вздохнул он, поглядев на лицо паренька. – Симпатичный какой мальчишка. Но ногу придется ампутировать. И чем быстрее, тем лучше.

Незнакомец задумался на какое-то время, а потом проговорил четко и жестко:

– Нет.

– Это уже не нога, – вздохнул доктор. – Это... Как это произошло? Как он не умер от болевого шока? Но даже если и не умер – в любой момент его может убить жировая эмболия...

– Доктор снова неуверенно осмотрел устройство, сдерживающее положение ноги. – И как вы вообще ухитрились положить его на стол? В одиночку. Ну так, чтобы он не умер и нога совсем не рассыпалась.

– Это несущественно, – отмахнулся незнакомец. – Давайте займемся насущным.

– Интересное устройство... Но ногу необходимо...

– Нет, – тихо, но как-то очень отчетливо повторил незнакомец. – Ногу мы спасем. Вы спасете.

Доктор Риктер повернулся к нему и посмотрел в глаза. Глаза у незнакомца все-таки были нехорошие. Жуткие. И бездонные, как та яма из которой вылезли Нижние. Сколько раз в своей

жизни доктор сообщал родителям плохие новости? Он видел глаза полные слез, отчаяния, или наоборот – сухие и пустые. Но такого взгляда он не видел никогда.

– Ваш сын? – осторожно спросил доктор.

Нет, ну а кем еще, собственно, он мог быть? Правда, оставался еще вопрос где они находились. Что это? Какой-то секретный медицинский центр? По оборудованию похоже. Или в самом деле за Стеной? Но зачем за Стеной понадобился врач из города? Думается, у них должны быть свои специалисты классом повыше... Хотя, опять таки, кто знает что творится за Стеной?

Однако, на вопрос доктора незнакомец отреагировал странно. Он его проигнорировал.

– Вы не знаете что это такое – быть калекой, доктор, – сказал незнакомец.

– А вы не понимаете главного, – с мягким нажимом проговорил доктор все еще не осознавая до конца как относиться к происходящему. – Чем дольше мы тянем с операцией, тем меньше у мальчика шансов.

– Что вам понадобится, чтобы сохранить ногу? – настаивал незнакомец.

– Вы не понимаете...

– Нет, это вы не понимаете. Представьте себе, что вам доступны любые технологии. Что понадобится?

– Чудо, – решительно заявил доктор.

– Дайте подробное технологическое описание чуда, – моментально отреагировал незнакомец.

Доктор пристально посмотрел ему в глаза, пытаясь понять что скрывается за этой фразой, но понять ничего не сумел. Тогда он задумался. Думалось, надо признать, паршиво. Ну а как прикажете в подобном состоянии размышлять над ответом на просьбу дать описание чуда? И мальчишку было жалко. Но если он умрет, ведь будет еще жальче. Рисковать жизнью паренька...

– Да поймите вы, – доктор начинал терять терпение, – мальчика нужно срочно вести в больницу на операцию...

– Думаете, в вашей больнице ему будет лучше чем здесь? – с некоторым как будто сарказмом поинтересовался незнакомец.

Доктор Риктер окинул взглядом оборудование, и промолчал. Крыть было нечем.

– Итак, что понадобится? – не унимался незнакомец.

– Целая бригада хирургов, – выдохнул доктор. – Плюс каким-то мистическим способом надо зафиксировать ногу в неподвижности... И даже это не даст никаких гарантий. Поймите – одна жировая эмбола...

– Доктор, я немного разбираюсь в медицине, – отрезал незнакомец. – Итак, бригада хирургов, фиксатор... Что еще?

– Магия, – криво усмехнулся Риктер.

– И снова – дайте детальное технологическое описание магии, – не унимался незнакомец. – Фантазируйте. Не пытайтесь решить что возможно, а что нет – просто сформулируйте что нужно сделать. Про эмболию я уже понял. Что еще?

Доктор передернул плечами, и почему-то принялся неуверенно, но обстоятельно описывать какие беды грозят мальчишке и как теоретически – теоретически – их можно избежать. Незнакомец слушал внимательно, лишь пару раз перебив уточняющими вопросами по которым доктор, к немалому своему удивлению, понял, что тот и впрямь разбирается в медицине. Потом была еще пара вопросов – видимо, чтобы... как бы это... расширить горизонты доктора? Чтобы решительнее фантазировал? И еще несколько уточнений...

– Дайте мне два часа, – сказал, наконец, незнакомец.

– Я отказываюсь в этом участвовать. – пробормотал доктор.

– В чем? – удивился незнакомец. – В спасении жизни мальчишки? Вы же врач.

– Да что это вообще за место? Кто вы такой? Я смотрю, вы и сами неплохо разбираетесь в медицине. Зачем тогда я вам понадобился?

Незнакомец усмехнулся. И до доктора вдруг дошло – как не дошло раньше? – что этот незнакомец мог быть кем угодно, но он точно не был отцом мальчика. Отец уже весь извелся бы, места себе не находил, а этот... Само спокойствие.

– Я разбираюсь в медицине, – кивнул незнакомец. – Но больше теоретически. Никогда и никого еще не оперировал. Но разбираюсь. Именно поэтому я сказал про два часа. Побудьте с ним. Пожалуйста.

– А что это вообще за место? – спросил доктор.

– Это? Это моя берлога, если хотите.

И он направился к выходу. Уже на пороге остановился и проговорил:

– Кстати, можете звать меня Макс.

3.

Загадочный Макс появился ровно через два часа. Доктор сумел запомнить время на мониторе.

За это время Риктер несколько раз подходил к лежащему без сознания мальчишке. В первый раз – чтобы опять накрыть его простыней, попутно отметив, что, если не смотреть на эту кошмарную ногу, мальчишка очень даже неплохо сложен. Во-второй – на автомате, попытавшись пощупать пульс. Правда, в этом не было никакой нужды – все показатели светились на мониторе. Кстати, сам по себе монитор заслуживал отдельного внимания. Как и все оборудование этого странного места. Нет, многое из увиденного не было для доктора каким-то открытием – он знал, слышал, что такое оборудование существует. То есть, некоторое из присутствовавшего. Но оно было только в очень дорогих клиниках в которых могли себе позволить лечиться только очень непростые люди. Вроде мэра. Или Большого Фила, например. Вот скажем, в клинике доктора Риктера ничего такого не присутствовало даже в перспективе. Однако, большая часть всего этого технического великолепия представлялась скорее декорацией для съемок фантастического фильма. Функциональной декорацией.

Один раз доктор попытался выйти из этого аквариума. Дверь оказалась заперта. Хотя, он не мог припомнить, чтобы Макс, когда выходил, ее запирали. На ней, собственно, и замка-то не было. Но она не открывалась. За второй дверью в металлической стене доктор, к своему удивлению обнаружил обычную жилую комнату. Кровать, санузел, душевая. Для выздоравливающих, не иначе. Хотя, какой резон держать выздоравливающего рядом с операционной?

Макс вернулся, неся в руках некий продолговатый металлический кейс.

– Что это? – поинтересовался доктор.

– Откройте, – предложил Макс. – И сразу приступайте к операции. Здесь все, что вам понадобится.

Он распахнул еще одну дверь за которой обнаружилось все для подготовки хирурга. Раковина, санитайзер, халаты, маски, перчатки... Манипуляторы для того, чтобы все это надеть... Все.

Доктор хмыкнул и открыл кейс. Надо сказать, он сперва вообще не понял что видит, и даже спросил:

– А что это такое?

Но потом сообразил, да так и замер с открытым ртом. Это не могло быть правдой, это было невероятно, однако – вот он держал это самое невероятное в руках.

– Медбот для бедра, – буднично сообщил ему Макс. – Размеры должны быть правильные – если судить по биометрии. Хотя, если что, он сам может подогнать себя. Автоматически.

– Проклятье, – восхитился доктор. – Я слышал о таких штуках только как о перспективных разработках... черт, как о концепции. Такое мог сделать только Алан Рэй.

Кажется, Макс поморщился при упоминании имени Рэя? Или нет?

– Не Рэем единым, доктор. Надеюсь, вы сможете установить эту штуковину?

– Вы шутите? Да я никогда в жизни не имел дела с таким оборудованием...

– Тут мы вам поможем, – пообещал Макс. – Чарли, мы ведь поможем?

Уж неизвестно к кому обращался Макс, но тут металлическая стена – изрядный ее сегмент – раздвинулась, и на доктора двинулся такой операционный комплекс, что простому врачу могло и поплохеть. Инструменты, хирургические манипуляторы... Вот тебе и бригада хирургов. Проклятье, при таком раскладе и ассистенты не нужны. Тут же выкатился второй монитор.

– Тут будет инструкция по установке прототипа, – пообещал Макс, и направился в сторону подготовочного блока.

– Вы что, – растерялся доктор, – тоже будете оперировать?

– Ну что вы, – усмехнулся Макс. – Я на подхвате. Оперировать будете вы. И Чарли нам поможет.

– Кто такой Чарли? – не понял доктор.

– Привет, – донесся откуда-то из спрятанных динамиков приятный мужской голос в котором, впрочем, слышались отчетливые нотки какого-то неуместного веселья. – Я постараюсь максимально подробно проинструктировать вас на тему установки прототипа... Ну и буду следить, чтобы вы не накосячили. Ибо мальчишку жалко.

Это «накосячили» убило доктора наповал.

– Чарли у нас на удаленке, – усмехнулся Макс.

Доктор, на секунду решивший было, что речь идет о каком-то компьютере, отмел эту мысль. Компьютеры не говорят «накосячили». Во всяком случае, с усмешкой в голосе. И мальчишек они жалеть не умеют. Даже Алан Рэй не способен привить компьютеру чувство юмора и такое скабрезное сострадание. Что бы там ни говорили про Альфу.

Значит, доктору Риктеру предстояла самая сложная и интересная операция в жизни.

4.

Алан Рэй сидел в своем старомодном кожаном кресле и устало смотрел в глубину Вселенной. То есть, звучало, конечно, несколько пафосно, но в каком-то смысле так оно и было. На громадном трехмерном экране, во всей его виртуальной бесконечности отображалось все. Вернее, могло отображаться.

Разумеется, пожелай того его левая пятка, Альфа могла бы вывести на экран все происходившее в мире. И разумеется, толку от этого не было бы никакого. Во-первых, вышло бы слишком мелко – очень уж много всего в мире происходит. А во-вторых, человеческий мозг не в состоянии все это осознать и обработать. Получилось бы просто очень пестрое лоскутное одеяло от которого больно глазам. Или даже не лоскутное одеяло, а бесконечная россыпь дурацкого бисера. Именно для этого (в том числе) он и создал когда-то Альфу. У нее мозг не лопнет никогда.

Помнится, раньше было принято восторгаться передовым многостаночником античности Александром Македонским, учеником другого такого же Аристотеля. Как он ловко умел одновременно читать один текст, писать другой, говорить на третьей теме... При этом, правда, понимание прочитанного, качество написанного и высказанного, скорее всего, не учитывалось. И попутно этот Филиппов сын завоевывал страны, бухал без просыпу и совращал мальчиков... Как учит нас история. А история ведь наверняка врет. Наверняка чего-то не договаривает. И если она даже при таком раскладе чего-то не договаривает...

Алан Рэй никогда особенно не хотел ничего завоевывать, к алкоголю был равнодушен... Как и к мальчикам. А для всего остального он создал этот великолепный инструмент.

Старушка Альфа. Да нет, зачем называть ее старушкой? Все эти десятилетия Альфа менялась, развивалась, становилась умнее... Но уж точно не старела. Некоторых вещей Алан Рэй так и не смог от нее добиться, но многое, очень многое было ей подвластно. Кроме, разве что, абстрактного мышления и чувства юмора. Но он к этому и не стремился. Альфа не была старой – она была... Черт его не знает как сформулировать.

Старым был он. Хотя, строго говоря, если ты после стольких лет вполне себе еще функционален, достаточно крепок разумом и телом... А душой? Вот с этим было сложнее. Чтобы понять крепость духа, надо сперва определиться что это вообще такое и в каких единицах это измерять. Иногда он чувствовал себя вполне бодро, иногда казалось, что он очень стар... Но это все эмоции.

Самый могущественный человек в мире... Вот ни разу не греет. Он оставил тщеславие где-то... То ли забыл в старой квартире, то ли и не было его вовсе. Сперва не до того было, а потом... стало просто не интересно. Или после того как умерла Алиса, и он осознал, что за все приходится платить? Да нет, это он и так всегда знал. Знал с самого начала. Платить приходится всегда. И плата за долголетие очевидна и жутковата.

Но ведь после явления Верхних и Нижних, постройки Стены, неуклюжих попыток многих правительств сперва разобраться в происходящем, а потом попросту спастись, выжить... И в этом упорстве остаться прежними... Как говорил великий философ «Трудно менять ничего не меняя, но мы будем»⁴². Прекрасный алгоритм для путешествия в могилу. Тщеславие – его тщеславие – от осознания того кем он стал должно было раздуться до космических размеров. Но как-то не сложилось. Видимо, опция изначально не была включена в систему. Интересно, это достоинство, или легкая инвалидность, вроде отсутствия музыкального слуха и чувства юмора?

⁴² Михаил Жванецкий

Когда-то он строил Стену... Зачем? Большинство людей в мире полагало – для защиты. Чтобы спрятаться за ней, отгородиться от Верхних, Нижних и всего прочего несовершенного агрессивного мира. Алан не собирался развенчивать это мнение. Хотя, правды в нем было немного. Собственно, он ведь никогда не задумывал какую-то там утопию. Чтобы замышлять такое, нужно быть дурным мечтателем, наивным, тупым, с горящими глазами и при полном отсутствии ощущения реальности. Вряд ли такой человек смог бы построить Корпорацию Рэя. Такой человек деревенский сортир построить не сумеет. Тогда почему Алан был разочарован тем, что утопии не вышло? Потому что всегда неприятно осознавать собственную прежнюю наивность и глупость? А осознавать приходится – просто чтобы стать хоть чуть-чуть умнее и продолжить развиваться.

Как все было задумано. Глупо и прекрасно. Собрать в одном месте, заманить, задобрить пряниками многих и многих молодых и не очень, но обязательно талантливых и перспективных. Тогда Алан полагал, что он это умеет – определять талантливых и перспективных, создавать для них условия, мягко направлять, давать волю их способностям, чтобы они... что? Двигали цивилизацию? Еще одна глупость. Никто никуда не заманивал Архимеда, Ньютона, Декарта, Хокинга... Кому пришлось бы в голову заманивать куда-то Стива Джобса или Илона Маска?.. И каких-то тепличных условий для них тоже никто не создавал. Они сами все создавали.

Резервация гениев. Смешно. Совершенно очевидно, что у всех этих умных и талантливых есть родные, близкие, семьи, дети, которые вполне себе могут оказаться совершенно не талантливыми и даже просто не так чтобы умными. И куда их девать? Тоже тащить за Стену? Поскольку ну кто же за-ради развития цивилизации бросит собственных детей или престарелую матушку? Правильно – всех за Стену. Дабы порывы любви и муки совести не мешали гениям творить... Но потом гений разводится с женой, та требует алименты, но и из-за Стены переезжать категорически не намерена – что она, дура, что ли? Да и сам гений ни в какую не желает, чтобы его ребенок – пусть и от несчастливого брака – оказался там, снаружи, в большом мире. Где жить, может быть, и можно, но вот иллюзии безопасности – никакой. И видется с ним там – никак. Очевидные вещи.

Да и сами гении, надо признаться, зачастую на бытовом уровне могли оказаться такими идиотами... И Алан Рэй все это прекрасно понимал и тогда, и сейчас...

И что вышло в итоге? А в итоге здесь, за Стеной, в этой несостоявшейся утопии, все было настолько похоже и на внешний, и на прежний, и на весь остальной мир, что теперь Алан Рэй даже как-то перестал понимать для чего он все это затеял.

Ради власти? Эта мысль его никогда не грела. Наверное, именно поэтому он эту самую власть и получил, и она его теперь несказанно утомляла. За Стеной оказалось страшное количество – большинство, как и всегда и везде – бесполезных и никчемных людей у которых, как всегда и везде, куча свободного времени, и страшно желание быть причастными ко всему. Организация попечительских советов, заседания в мэрии... Политика. Утопия, говорите? Люди есть люди, и чтобы возникла утопия, пришлось бы жестоко отсечь на задворки девяносто девять процентов населения Земли. Либо переделать природу человеческую. А это... Создать протез руки, ноги, искусственное легкое, сердце... Но апгрейдить человеческое сознание... Даже если было бы возможно – Алан никогда бы за такое не взялся. Ответственность за пределами, результат – более чем гадательный. Того и гляди понадобится команда каких-нибудь блэйдраннеров⁴³, чтобы истребить улучшенных людей, которые тоже оказались идиотами и решили, что обычных людей пора вычеркнуть из бытия.

⁴³ «Бегущий по лезвию». Фантастический фильм 1981г. Режиссер Ридли Скотт. Сюжет построен вокруг восставших против человечества искусственных людей «репликантов». Блэйдраннерами называли специальное подразделение полиции, занимающееся охотой на репликантов и их уничтожением.

Так для чего он продолжал оставаться тем, кем был? Не хотел бросать этот мир на произвол судьбы? Чувствовал свою ответственность? Глупости. Ничего такого и в помине не было. Он никогда не верил, что целью Верхних и Нижних было уничтожение человечества. А если бы и так, его мало привлекала роль спасителя. Зачем же? Зачем он прожил такую неприлично долгую жизнь, стараясь сделать... Что? Стать самым умным? Ерунда. Такого не бывает. Доказать что-то там кому-то там? Самому себе? Нет, это что-то скорее подростковое. Неприлично для семидесятилетнего крепкого умудренного опытом старца... Впрочем, старцем он себя никогда и не чувствовал. Мог себе это позволить. Вернее, ему могли позволить. И тот, кто позволял...

Забавно. Он появлялся крайне редко, почти никогда ничего не просил, и уж тем более не требовал. Был словно добрый дальний родственник с таким наследством, что закачаешься... Волшебник по соседству. Как он делал то, что делал – непонятно. И это беспокоило Алана Рэя все эти долгие годы. Неопределенность. Как когда-то давно его научили – если кто-то дает слишком много и ничего не просит взамен, будь готов к тому, что итоговая плата может оказаться неподъемной.

Сзади слышались тихие, едва различимые шаги. Он не обернулся. Только когда легкая как перышко тонкая ладонь легла на плечо, взял ее в свою, сжал, а потом поднес к губам и поцеловал кончики пальцев.

Вот для этого, наверное, он и продолжал.

– Папа, ты опять всю ночь не спал?

Он развернулся в кресле, и посмотрел на нее снизу-вверх. И в сотысячный раз поразился двум вещам. Во-первых, какая она красивая, а во-вторых, как он ее любит.

Забавная штука жизнь. От совершенно обычной до такой вот странной, переполненной то ли величием, то ли нелепостью как у него. У них с Алисой не было детей. Так и не сложилось. А после... Видимо, он был однолюбом и ни одну из женщин, которые были у него после язык не поворачивался назвать любимой. А дети...

Говорят, дети великих людей имеют поганое свойство неизменно разочаровывать этих самых великих людей. Глупости все это. Или может, просто не стоит считать себя великим? Не нам решать, в конце концов.

Когда девятнадцать лет назад у него ни с того ни с сего вдруг родилась дочь... Алан Рэй, кем бы он там себя ни считал, влюбился в эту девчонку без памяти. Она была единственным, что заставляло его проявлять хоть какие-то чувства в этой жизни. Ну, кроме любопытства, естественно. И он назвал ее в честь той единственной женщины, которую когда-то по настоящему любил. Глупо? Неуклюже? Само собой. Но он это сделал. Тем более, что ее мать была не против. Она вообще не была против чего бы то ни было. Сперва он, по раздутому самомнению, решил было, что, родив ребенка от столь значительного человека, она была согласна на что угодно, но потом быстро сообразил, что ей на все плевать... И забрал девочку к себе. Любовь – интересная опция.

У Алана Рэя почти не было секретов от дочери. Почти. Она была единственным человеком, которому он доверял. Может быть, она сможет после него управлять всей этой машиной, которую он нагородил под гнетом бредовых обстоятельств? Может, Корпорация достанется Алисе? Он прекрасно знал, что нет. Она не захочет. Алиса была свободолюбива, очень добрая, славная девочка, обожала музыку, интересовалась медициной... Да и в конце концов, он слишком ее любил, чтобы взваливать такую ношу. Такую ношу нужно либо создавать самому, либо очень хотеть на себя взвалить. Как поступали многие не обремененные умом политики сотни раз в истории человечества.

Алиса присела на подлокотник кресла, обняла отца за шею и мельком глянула на огромный экран.

– Ну что, не нашел? – спросила она.

– Нет, – вздохнул Алан.

Елена сочувственно вздохнула, задумалась, а потом спросила:

– Пап, а что ты вообще ищешь?

Вот на этот вопрос Алан Рэй не мог ответить. Потому что это было то самое «почти» – один из его очень редких секретов о котором он ни в коем случае не собирался рассказывать даже Алисе. Хотя, самым простым ответом было бы – его попросили. Попросил кто-то, кому он обязан столь многим... Что мороз по коже. Сперва попросил спрятать мальчишку и его мать, теперь вот – отыскать потерянное.

Вся эта история... Какой-то мальчишка. То есть, началось еще до появления самого мальчишки. Сперва его очень вежливо и ненавязчиво попросили спрятать на дальней станции беременную женщину. Ну под видом, скажем, оператора этой самой станции. Зачем на дальней автоматической станции оператор? Не имеет значения – придумайте что-нибудь, вам же это не трудно. И защита этой станции... Ее надо было защитить и обезопасить так, что Алан сперва даже растерялся. Но при этом сами обитатели станции – женщина, а особенно ее еще нерожденный сын – не должны были ничего такого подозревать. Бред какой-то. Но это зависит от того кто просит, разве нет?

И вот на станцию напал Палач. Несмотря на все средства защиты. Несмотря ни на что. И станция была уничтожена. Как? И почему именно сейчас?

Однако, тот, кто попросил его двенадцать лет назад об этой услуге утверждал, что мальчишка выжил. Откуда ему это известно? Ну, скажем так, если бы он погиб, последствия были бы... более ощутимы. Более того – мальчик почти наверняка где-то в Городе. Прошу вас, Мастер Рэй, будьте любезны, напрягитесь. Поверьте – это очень важно.

Почему так важно? Что такого в этом мальчишке? Алан не спрашивал, потому что ясно понимал, что не получит ответа. В конце концов, ему вообще грех было жаловаться, поскольку, в итоге, у него просили так мало, предварительно, авансом, выдав так много... И вот это беспокоило и напрягало. Он никогда не любил брать в долг и не принимал бескорыстной помощи со стороны. Опасная это штука. Только вот конкретно эту помощь ему так ласково, ловко и уважительно... навязали?

И вот теперь Альфа рыла Сеть (то есть, буквально саму себя) в поисках мальчишки, который ухитрился неведомо как затеряться в Городе.

Но вот сейчас, глядя на Алису, Алан Рэй, по крайней мере, точно понимал для чего он все это делает.

– Поиск пока не дает результатов, – объявила Альфа.

Это было стандартным оповещением в деликатной форме, что она опять все проверила, прочесала частым гребешком, рассмотрела под микроскопом и ни черта снова не нашла.

– Опять, – вздохнул Алан Рэй. И тут же задал идиотский вопрос: – Никаких новостей?

– По главному вопросу – никаких, – сообщила Альфа.

– А не по главному?

– В общем, тоже. Есть несколько странное сообщение. Скорее городские слухи.

– И что там?

– Звучит малодостоверно, но говорят, что на контейнерной свалке было странное побоище.

– Как это – побоище? – не понял Алан Рэй.

– Будто там дрались Палач и Призрак.

– Чего? – Алан Рэй готов был свалиться с кресла.

Он растерянно посмотрел на Алису (только на нее он и мог себе позволить так смотреть), потом снова на экран...

– Палач и Призрак, – повторила Альфа. – Но это не самое странное. Он утверждал, что Призрак убил Палача.

– Э-э... Это как?

- Оторвал ему голову.
- То есть буквально? – Алан Рэй как-то резко осип.
- Так говорят. Я выслала на предполагаемое место дрон. Ничего не обнаружено...
- Естественно, – фыркнул Алан Рэй. – Надо же было такое придумать. Какие наркотики употребляет тот, кто это сочинил?
- Ничего не обнаружено, – повторила Альфа. – Но само место выглядит так, словно там и впрямь что-то происходило.
- Оставь, – вздохнул Алан Рэй. – Все контейнерные свалки выглядят так, будто там что-то происходило.
- Два контейнера сильно повреждены. Повреждения недавние. На земле множество свежих кровавых пятен. Дрон сделал анализ.
- И что? – насторожился Алан Рэй.
- Там кто-то потерял много крови, – ровным голосом констатировала Альфа. – Однако, согласно анализу ДНК, кровь не человеческая. Установить чья именно не удалось.
- Алан Рэй поднялся с кресла и прошелся по кабинету. Только в такие вот моменты он понимал зачем ему вообще кабинет. Чтобы по нему расхаживать, разумеется.
- Кровь на подробный анализ, – приказал он. – Направить туда еще дроны. Собрать все что есть. Черт, мы до сих пор до конца не понимаем что из себя представляет этот Палач. То ли его присылают Верхние, то ли Нижние, то ли он сам по себе...
- Про Призрака мы знаем еще меньше, – напомнила Альфа.
- Я вообще не уверен, что существует какой-то там Призрак, – фыркнул Алан Рэй. – Это городские легенды... Один Палач, бледный монстр, у другого нет лица... Исчезает, появляется... Никакие технологии не вытравят мистику из человеческого сознания. Хотя, со всеми этими Верхними, Нижними... Может, построить в городе еще несколько школ?
- Или церковь, – подсказала до сих пор молчавшая Алиса.
- А церковь-то зачем, солнце? – растерялся Алан Рэй.
- Не знаю, – пожала плечами Алиса. – Но если есть Верхние и Нижние, может, существуют Бог и Дьявол.
- А может, не надо? – взмолился Алан Рэй. – Может, хватит того, что уже есть?
- Нас, как всегда, никто не спросит, – улыбнулась Алиса.
- Ну, это Алан Рэй и сам знал. Равно как насчет существования, по крайней мере, дьявола, у него были свои... соображения.

5.

Доктор Риктер просыпался с неохотой и как-то мучительно. Как, впрочем, все и всегда после сильной усталости вследствие тяжелой умственной и физической нагрузки. Сперва долго не можешь заснуть, потом проснуться... Поначалу он не сразу сообразил где находится. Опять. Но потом память начала потихоньку подключаться к процессу жизнедеятельности, и до него дошло, что он в той самой комнате за маленькой дверью... операционной? Медицинского отсека космического корабля? Судя по приволоченному незнакомцем медботу – вполне себе может быть. Раньше люди летали в космос, высаживались на Луну, вроде бы подумывали даже о высадке на Марсе... Забавно. К каким мечтам приводит благополучие, безопасность и избыток ресурсов.

Доктор с трудом сел на кровати, прислушался к собственным ощущениям, но ничего не понял. Просто усталость. Некоторое время назад он провел самую сложную и странную операцию в своей жизни в которой, при помощи слабопонятного ему оборудования, пытался спасти ногу и жизнь неизвестного мальчишки, а ассистировали ему этот загадочный Макс, некто удаленный по имени Чарли, и пара десятков чертовски умелых и ловких манипуляторов фантастического медицинского модуля. Судя по всему, этот Чарли, как и Макс, весьма неплохо разбирались в медицине. Ну, теоретически. Во всяком случае, в процессе операции, они выдавали такие реплики и рекомендации, что Риктер начинал чувствовать себя идиотом. А Чарли, кажется, еще и управлял всеми этими многочисленными манипуляторами, которые заменили доктору двадцать рук.

Риктер поднялся на ноги, и поплелся в сортир. А куда еще после такого сна? Потом он с трудом натянул штаны, предоставленную ему, видимо, незнакомцем одноразовую рубашу, и направился к двери.

В аквариуме-операционной царил мир и покой. Мониторы жизнеобеспечения показывали то, что должны показывать (доктор отметил, что показатели вполне в норме), мальчишка лежал на операционном столе, его узкая грудь равномерно поднималась и опадала. Левая нога под простыней выглядела раза в три больше, чем нужно, но это было нормально.

Макс, одетый все в те же линялые джинсы, но сменивший футболку с двусмысленно философски настроенной свиньей на странного вида рубашу с непропорционально короткими и широкими рукавами, сидел в неведомо откуда взявшемся кресле и что-то там шаманил на трехмерном экране на стене.

– А-а, доктор, – приветствовал он Риктера, не отрывая взгляд от экрана. – Выспались?

– Что-то в этом роде, – сказал Риктер и закашлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.